

ВЪРА ШАВАЛЪ ИЛОЦА РОМАНИЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУТСЪ“
РИГА • ЛАТВИЯ • ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛ. 37.

1

9

3

1

**Печатано въ типографіи «ГРАМАТУ ДРАУГСЬ»
Рига, Петродерковная площ. 25-27.**

БИБЛИОТЕКА НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Томъ СХІІ

ВѢРА НАВАЛЬ

ИЛОНА

РОМАНЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
РИГА, ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛОЩАДЬ 37
1 9 3 1

Всѣ права сохранены за авторомъ
Copyright by the author

*Посвящаю эту книгу моему
любимому сыну Георгію.*

I

Пахло магноліями, медомъ, солнцемъ и полуденнымъ Женевскимъ озеромъ. Золотисто-голубой, горячій іюньскій воздухъ мягко струился черезъ широко открытыя балконныя двери, за которыми ярко сверкала лѣтняя панорама Савойскихъ горъ, въ полутемную отъ спущенныхъ оконныхъ ставней гостиную. Посреди комнаты, на обтянутомъ матовой тканью, золотомъ диванѣ въ стилѣ Людовика XV-го полулежала не молодая, но еще необычайно красивая женщина, княгиня Ирина Алексѣевна Двинская. Ея, до хрупкости нѣжная, фигурка была изящно задрапирована сиреневымъ креплъ Жоржеттъ. Блестящіе сѣдые волосы, придававшіе ей сходство съ маркизами временъ Ватто, легкими волнами обрамляли ея молоджавое лицо, въ которомъ живымъ блескомъ сіяли большіе синіе глаза, въ эту минуту съ любовью устремленные на сидящую у ея ногъ красавицу — дочь Илону.

— Итакъ ты увѣрена въ томъ, что любишь его истинною, глубокою любовью? Тою любовью, которую любятъ навсегда, любятъ только разъ въ жизни? — ласково спросила она, прозодя длинною рукою по ея пышнымъ каштановымъ волосамъ того тиціановскаго отлива, котораго напрасно добиваются искусственными средствами многія женщины. Молодая дѣвушка звонко разсмѣялась:

— Мамочка, и ты можешь въ томъ сомнѣваться, зная, что я обѣщала ему стать его женой? — звучнымъ, груднымъ голосомъ воскликнула она запрокидывая классически прекрасную головку на когѣни матери и поднимая на нее свои огромные, какіе-то лученосные, опущенные темными рѣсницами, каріе съ золотыми блестками глаза. — Мамочка, ты можешь сомнѣваться въ этомъ? —

съ еще большею силою повторила она прочтя легкое недоверіе въ чертахъ княгини. — Можешь сомнѣваться зная, что до встрѣчи съ Лезушкой, я никогда никѣмъ не увлекалась, зная, что я отказывала поголовно всѣмъ претендентамъ на мою руку? Прошу тебя вспомни, что я уже умудренная жизненнымъ опытомъ двадцатитрехлѣтняя старая дѣва и пойми, что если я, несмотря на всю страсть къ безпредѣльной самостоятельности и свободѣ, рѣшилась отказаться отъ нихъ и „связать себя брачными узами“ съ „избранникомъ моего сердца“, то я дѣлаю эту несомнѣнную глупость только потому, что я „безу-мно влю-убленна!“ — задорно запѣла она блеснувъ ослѣпительно бѣлыми зубами. — Ахъ, мамочка, вѣдь на такое сумасшествіе можно рѣшиться только, когда самая настоящая, самая „фатальная“ любовь „забираетъ душу въ свои когти“.

— Когда душа въ такихъ когтяхъ, исчезаютъ и веселье и задоръ; пѣніе и смѣхъ замолкаютъ, — тихо проговорила княгиня.

Длинные рѣсницы Илоны слегка вздрогнули и опустились, но тотчасъ-же вскинулись подъ блеснувшими лукавствомъ глазами.

— Что-же мнѣ дѣлать, мамочка, если у меня не трагичная натура; если все, что связано со страданіемъ, не притягиваетъ, а отталкиваетъ меня? Я люблю ликование, полную, безграничную радость бытія и только то, что приноситъ мнѣ эту радость, мнѣ дорого и цѣнно. Я скорѣе была-бы способна отказаться отъ любви, нежели отъ гармоничной радости жизни. Ахъ, мамочка, повѣрь мнѣ, всѣ эти больныя страсти цвѣтутъ только на нездоровой почвѣ сентиментальной взвинченности и доказываютъ полное отсутствіе живыхъ и здоровыхъ интересовъ. Вѣдь женщины твоего поколѣнія положительно дѣлали себѣ культъ изъ любви, жертвовали ей здоровьемъ и жизнью, посвящали ей всѣ свои мысли, все свое время, всѣ силы и стремленія своей души. Объектъ ихъ любви превращался для нихъ въ призму, черезъ которую онѣ видѣли свѣтъ. Это притупляло ихъ духовное зрѣніе сосредоточивая его силу исключительно на одномъ переживаніи. Что-же удивительнаго, если послѣдствіемъ такого

искусственного изолированія души являлись всевозможныя романтическыя драмы, что любовь вмѣсто синонима радости превратилась въ синонимъ страданія. Мы современныя женщины рѣшили положить этому конецъ, рѣшили выбросить изъ колчана амура всѣ его отравленныя стрѣлы и замѣнить ихъ розами безъ шиповъ. Мы хотимъ любить безъ драматическихъ экссессовъ, безъ метафизики. Не знаю сами-ли мы до этого дошли, или это результатъ вѣкового опыта, атавистически перешедшаго къ намъ отъ васъ, нашихъ матерей, подсознательно уставшихъ быть вѣчными жертвами любви, но мы возмутились противъ этого рабства; мы видимъ свѣтъ другими глазами, чѣмъ вы: онъ многоцвѣтнѣе, многограннѣе для насъ и даетъ намъ такъ много возможностей испытывать счастье и наслажденіе помимо любви. Mamochka, скажи, какое, орошенное слезами умиленія, или ревности, любовное свиданіе можетъ сравниться съ прогулкой на лыжахъ въ свѣжій, солнечный день, съ купаніемъ въ озерѣ лѣтнимъ утромъ, когда кажется, что душа растворяется въ голубизнѣ неба и воды, или съ упоительнымъ экстазомъ танца? Помпишь восклицаніе танцовщицы Поля Валери: „Мое убѣжище! О мое убѣжище, вихрь танца! О быть только движеніемъ внѣ всего вещественнаго...“ Какъ это ярко выражаетъ сліяніе души съ ритмомъ! Такое-же чувство я испытываю во время игры въ тѣннисъ, когда мое летающее за мячомъ легкое, словно захваченное стихіей движенія, тѣло теряетъ притяженіе къ землѣ и становится, какимъ-то божественно легкимъ и воздушнымъ! Ахъ, мамочка, развѣ такое сліяніе съ космосомъ не безконечно прекраснѣе увлеченія какимъ-нибудь простымъ смертнымъ? Однако приведенные мною сейчасъ спортивные примѣры еще ничто въ сравненіи съ радостями, которыя даютъ любимая работа и творчество. Это высшее счастье неподобно выражено словами д'Аннунціо: „Радостно создавать!“ Поэтому, какъ ни люблю я Левушку, никакія его просьбы не смогутъ заставить меня пожертвовать ему чудесными часами моей утренней работы въ мастерской. Ахъ, мамочка, какое это блаженство проснуться утромъ и вспомнить: „Вотъ сейчасъ я встану, выпью стаканъ молока и поднимусь въ

мою мастерскую, гдѣ ожидаетъ меня пріятный запахъ красокъ, гдѣ въ синей вазѣ богемскаго хрустала пестрѣютъ шелковистыя головки моихъ кистей, гдѣ ждетъ меня хорошо натянутое, уже начатое полотно, гдѣ я можетъ быть часами буду биться надъ какою-нибудь фигурою, надъ какою-нибудь подробностью пейзажа, которыя долго будутъ приводить меня въ отчаяніе своею плоскостью и безжизненностью. Но вдругъ настанетъ мгновеніе, когда въ нихъ, какъ чудомъ, моею кистью вдохнется жизнь...“ Ахъ, мамочка, ничто, ничто въ мірѣ не можетъ сравниться съ радостью творчества!

— Значитъ, мой дружокъ, первое въ жизни для тебя искусство, второе спортъ, а любовь занимаетъ только третье мѣсто въ твоёмъ сердцѣ?

— Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ такая классификація! И любовь и искусство и спортъ, — все это одна радость жизни, моей жизни!

Илона вдругъ тѣснѣе прижалась къ матери. Глаза ея стали еще глубже, еще темнѣе, словно померкли въ нихъ золотыя искорки; съ ея губъ сбѣжала улыбка.

— Мамочка, дорогая моя, я угадываю, что особенно смущаетъ и удивляетъ тебя въ моей любви, — какимъ-то особенно искреннимъ голосомъ заговорила она, точно внезапно раскрылась какая-то потайная дверка ея души. — Я угадываю, что она кажется тебѣ слишкомъ ровной, свѣтлой, слишкомъ мало волнующей меня. Но ты ошибаешься; бываютъ минуты, когда мое чувство къ Левушкѣ становится горячимъ и мятежнымъ.

— Только минуты?

— Да, только минуты... Очарованіе всегда такъ быстро обрывается... Для того, чтобы ты поняла меня и помогла мнѣ разобраться въ себѣ, я должна подробно рассказать тебѣ все о моей любви, все съ самаго начала. Я хотѣла избавить тебя отъ этого, хотѣла сначала сама разобраться въ своихъ переживаніяхъ, но такъ какъ ихъ странность не утаила отъ твоей чуткости и они беспокоятъ тебя, попробуемъ обсудить ихъ вмѣстѣ. Итакъ, слушай: когда я познакомилась съ Левушкой, онъ сейчасъ-же завоевалъ мою симпатію своимъ красивымъ, открытымъ лицомъ, своею привѣтливостью и жизнерадост-

ностью, своею сильною фигурой и своею ловкостью во всѣхъ спортахъ и танцахъ. Я всегда радовалась встрѣчамъ съ нимъ; мнѣ нравилось проводить съ нимъ время и я полюбила его, какъ его любятъ всѣ. Какъ для всѣхъ, такъ и для меня онъ сталъ „милымъ Левушкой Духовскимъ“, отличнымъ спортсменомъ, фантастомъ и поэтомъ, и несмотря на то, что ему вздумалось въ меня влюбиться, на этомъ и остановились-бы наши отношенія, если-бы въ одинъ прекрасный вечеръ не случилось со мною что-то странное, что-то необъяснимое и чудесное... Это было на балу въ тирумѣ. За нашимъ столомъ было очень весело. Около меня сидѣлъ маленькій итальянскій маркизъ Віолафанти, который напропалую ухаживалъ за мною на своемъ ужасномъ французскомъ языкѣ и старался танцевать со мною каждый танецъ. Левушка на это демонстративно дулся и не подходилъ ко мнѣ. Музыканты заиграли какое-то танго. Я встала, чтобы танцевать съ маркизомъ, но моимъ кавалеромъ, вдругъ, совершенно неожиданно оказался не онъ, а Левушка, съ необыкновенною ловкостью похитившій меня у своего мнимаго соперника. Удивленная его выходкой, я взглянула на него и вдругъ сердце мое остановилось. Съ изумленіемъ смотрѣла я на его измѣненное ревнивою злобой лицо. Оно внезапно потеряло всю свою добродушную мягкость и расплывчивость, какъ-то подобралось, застыло, стало замкнутымъ, властнымъ и суровымъ, совершенно чужимъ для меня, но вмѣстѣ съ тѣмъ мучительно знакомымъ и любимымъ... Любимымъ давно, вѣчно, безумно... Я была, какъ во снѣ. Глаза мои не отрывались отъ умоляющихъ, углубившихся отъ страсти Левушкиныхъ глазъ и еще никогда не испытанное чувство ликующей радости охватило меня. Не помню, какъ мы очутились въ темномъ саду. Почувствовавъ свою власть надо мною, Левушка совершенно потерялъ голову. Покрывая меня поцѣлуями онъ сталъ умолять меня стать его женой, и въ какомъ-то утарѣ счастья я дала ему слово... Съ этого вечера мы счастливые женихъ и невѣста.

— Но почему вы рѣшили обвѣнчаться только черезъ полгода?

— Не мы рѣшили, а я рѣшила. Передъ тѣмъ, какъ

стать его женою, я хочу узнать его еще поближе. Однимъ словомъ, я рассчитала, что символическій пудъ соли я съ нимъ съѣмъ никакъ не раньше, какъ черезъ полгода... Да вѣдь ужъ и это рекордъ.

— Илона, ты шутишь и смѣешься, но я чувствую, что что-то не удовлетворяетъ, беспокоитъ тебя въ твоей любви.

— Да, ты не ошиблась! Меня смущаетъ какая-то двойственность моей любви... Вообрази, что я люблю Левушку двумя совершенно различными чувствами: одно изъ нихъ нѣжно, но спокойно и ровно, какъ привязанность сестры. Имъ я люблю Левушку всегда... Другое же горячее, лихорадочное, влюбленное чувство загорается во мнѣ лишь въ рѣдкія минуты, когда Левушкино лицо принимаетъ то особенное выраженіе глубокой серьезности и твердой воли, которое показалось мнѣ такимъ знакомымъ и точно свело меня съ ума въ угарный вечеръ нашей помолвки.

— Илона, мнѣ кажется, что тебя пугаетъ не двойственность твоей любви, а двойственность Левушкинаго лица.

Въ глазахъ молодой дѣвушки вспыхнуло беспокойное пламя; она поблѣднѣла слегка.

— Да, ты, кажется, права, — задумчиво проговорила она. — Да, это такъ. Есть что-то жуткое въ появленіи и въ исчезновеніи этой маски глубокой серьезности и твердой воли на Левушкиномъ добродушномъ лицѣ. Это выраженіе не только измѣняетъ, а превращаетъ его въ другого человѣка. Однако только вѣ́шне, такъ какъ оно совершенно не соответствуетъ его внутреннему міру и появляется у него какъ-то случайно, — Илона стиснула виски руками, — но вмѣстѣ съ тѣмъ я сознаю, что это вздоръ, что это его и даже очень его выраженіе, — разъ изъ всѣхъ видѣнныхъ мною на свѣтѣ людей оно появляется исключительно только у него одного... Но гдѣ я видѣла раньше это чудное, это безумно любимое лицо? Почему я такъ хорошо знаю его? Не могу вспомнить и это такъ мучитъ меня... — сдвинувъ тонкія брови, Илона, какъ бы прося помочь ея памяти, умоляюще взглянула на мать, но вдругъ безпечно разсмѣялась. — Мапочка, я догадываюсь,

о чемъ ты думаешь, — весело воскликнула она, — ты увѣрена, что мы съ Левушкой встрѣчались во всѣхъ нашихъ предыдущихъ воплощеніяхъ и что въ нашу послѣднюю встрѣчу у него было это чудное лицо, которымъ я теперь брежу. Скажи, я вѣрно угадала твои мысли?

— Можетъ быть...

— Что же, это красивая мысль... Возможно, что мой Левушка былъ въ своей послѣдней гастроли на землѣ какимъ-нибудь рыцаремъ безъ страха и упрека, или гордымъ Цезаремъ... Во всякомъ случаѣ человѣкомъ воли и мысли. Бррр... что это за ужасъ имѣть мужа, съ волей котораго нужно безпрестанно бороться! Мужа-тирана! Какое счастье, что, возвратившись въ нашъ лучший изъ міровъ, Левушка утратилъ все это ненавистное мнѣ сверхъестественное. Иначе я ни за что не вышла бы за него замужъ... Вотъ только жаль, что онъ такъ рѣдко сердится и что поэтому такъ рѣдко появляется у него мое любимое выраженіе лица. Да вѣдь это въ моихъ рукахъ, испортить ему характеръ, чтобы почаще любоваться его молніеносными взглядами... Я уже предупредила его объ этомъ, и вообрази, онъ назвалъ это садизмомъ! — Илона такъ неудержимо расхохоталась, что заразила своимъ смѣхомъ и княгиню.

— Ахъ, Илона, въ общемъ, вы оба еще ужасныя дѣти, — нѣжно проговорила она, цѣлуя дочь.

— Можетъ быть, поэтому-то мы такъ счастливы, — мечтательно улыбнулась та и, завладѣвъ рукою матери, стала играть ея кольцами.

Хрустальные часы на каминѣ пробили три тонкихъ удара. Молодая дѣвушка испуганно вскочила на ноги.

— Какъ поздно! — воскликнула она, подбѣгая къ зеркалу, чтобы оправить волосы и платье, — Левушка уже ждетъ меня у остановки трамвая около Паласа.

— Какое же у васъ сегодня расписаніе дня? — съ радостною гордостью любясь высокою, стройной и гибкой фигурой дочери, спросила княгиня.

— Сегодня у насъ масса дѣла. Сейчасъ Левушка прыгнетъ ко мнѣ въ трамвай и мы поѣдемъ въ Кларанъ. Тамъ, въ кондитерской Видмеръ, въ садикѣ у пристани, мы будемъ пить чай. Оттуда мы поѣдемъ къ Маку взгля-

нута на фейерверкъ и на бумажные фонари, заказанные для нашей сегодняшней венеціанской ночи въ твою честь, именинница моя дорогая! Ну, а потомъ я вернусь домой, чтобы дать послѣднія распоряженія по иллюминаціи сада и устройству буфета. Левушка же отправится встрѣчать моего будущаго beau-père^а, поѣздъ котораго приходитъ въ семь часовъ.

— Илона, меня удивляетъ, меня больно удивляетъ твой, такой чуждый твоему характеру, враждебный тонъ по отношенію къ Левушкиному брату. И я не понимаю, почему ты называешь его „beau-père^{омъ}“?

— Потому что онъ ведетъ себя какъ beau-père!

— Мнѣ кажется, что это твое воображеніе, дружокъ.

— Воображеніе? — Илона повернула къ матери слегка поблѣднѣвшее лицо. — Воображеніе? Но вѣдь ты же знаешь, что я сама, своими глазами читала его письма къ Левушкѣ, въ которыхъ онъ подъ всевозможными предлогами отговариваетъ его отъ женитбы на мнѣ. Я еще не рассказала тебѣ, что въ послѣднемъ своемъ „посланіи“ къ нему онъ на десяти страницахъ убѣждаетъ его, что несмотря на то, что я двумя годами моложе, — я для него стара.

— Совѣтую тебѣ не обращать вниманія на эти письма и не судить графа, пока ты не познакомишься съ нимъ.

— Ахъ, съ какимъ удовольствіемъ я отказалась бы отъ этой чести! Къ сожалѣнію, это неизбежно! Однако если онъ воображаетъ, что въ силахъ отнять у меня Левушку, онъ сильно заблуждается! Я крѣпко его держу и онъ скорѣе откажется отъ брата, чѣмъ отъ меня.

— Было бы очень печальнымъ, если бы они разошлись изъ-за тебя. Зная твое сердце, я увѣрена, что ты сама отъ этого страдала бы больше всѣхъ. Поэтому, дѣвочка моя, встрѣть графа Андрея довѣрчиво, безъ внутренняго отпора и ты увидишь, что онъ станетъ твоимъ лучшимъ другомъ. Судя по его отношенію къ младшему брату, онъ рѣдкій человѣкъ.

— Ахъ, мамочка, какая ты неисправимая идеалистка...

— Не спорю... Но оставимъ этотъ разговоръ. Что ты надѣнешь сегодня вечеромъ?

— Сегодня вечеромъ, мамочка? — разсмѣялась молодая дѣвушка. — Я отлично знаю, что ты и Левушка мечтаете о моемъ „бѣломъ муслиновомъ“, чтобы умилить сердце beau-rêg'a моимъ очарованіемъ перерзѣлой институтки. Нѣтъ, я рѣшила сразу убѣдить его въ томъ, что я не „бѣленькій утенокъ“, а очень рѣшительная и независимая особа. Поэтому сегодня вечеромъ я одѣнусь эксцентричнѣе, чѣмъ Мистингеттъ на сценѣ. Пусть beau-rêge съ перваго взгляда на меня придетъ въ ужасъ. Это закалитъ его разъ навсегда! — задорно расхохоталась Илона, надѣвая прозрачную, бѣлую шляпу съ широкими полями.

Княгиня укоризненно покачала головой:

— Очень жаль, что ты приняла такое рѣшеніе. Бѣлое платье къ тебѣ очень идетъ.

— Да что ты, мамочка! Я въ немъ какъ муха въ сметанѣ! — усмѣхнулась молодая дѣвушка, разсматривая свою покрытую золотистымъ загаромъ шею, на которой красиво выдѣлялась блестящая нитка жемчуга.

— Не жалуйся, дѣточка, твой загаръ къ тебѣ очень идетъ. Однако, торопись. Вѣдь бѣдный Левушка тебя ужъ навѣрно заждался.

— Ничего, чѣмъ дольше онъ меня подождетъ, тѣмъ сильнѣе онъ мнѣ обрадуется. Ну, до свиданія, мамочка! Прошу тебя ни о чемъ не хлопотать и лежать здѣсь до моего возвращенія. Ты должна быть красавицей сегодня вечеромъ, чтобы плѣнить beau-rêg'a. Ну прощай же, дорогая. Мнѣ дѣйствительно пора.

Обнявъ мать, Илона умчалась, какъ вихрь.

Княгиня, улыбаясь, откинулась на подушки, закурила тоненькую папиросу и задумалась. Очаровательное лицо ея было радостно и спокойно, какъ всегда, когда она думала о дочери. Сколько счастья дала ей ея дѣвочка! Незмѣнно съ самаго ранняго дѣтства она была ея солнечнымъ лучомъ, ея поддержкой, утѣшеніемъ во всѣ трудныя минуты жизни, въ долгіе годы тяжелой болѣзни.

Еще совсѣмъ молодой женщиной княгиня Двинская, послѣ потери горячо-любимаго мужа, заболѣла туберкулезомъ и врачи послали ее въ Швейцарію въ Давосъ, куда она уѣхала съ пятилѣтней Илоной и гдѣ прожила нѣсколь-

ко лѣтъ. Когда здоровье ея совершенно возстановилось, она такъ привыкла къ Швейцаріи, такъ полюбила ее, а съ Россіей были для нея связаны такія печальныя воспоминанія, что она рѣшила навсегда поселиться у Женевского озера въ Территѣ, гдѣ купила себѣ расположенную на самой набережной и окруженную большимъ садомъ, прелестную виллу „Генціана“. Часть своего значительнаго состоянія княгиня перевела въ швейцарскіе банки. Это спасло ее отъ разоренія во время революціи и она могла жить не стѣсняя себя ни въ чемъ. Она жила очень скромно, тихо и замкнуто. Весь смыслъ, все содержаніе ея жизни заключалось для нея въ ея дочери. Она дала ей блестящее образованіе. Илона росла здоровой, красивой, жизнерадостной, великодушной и необыкновенно способной. Она все схватывала на лету, всегда была одной изъ первыхъ ученицъ и не была первою только потому, что рѣдко заглядывала въ учебники. Но читала она запойно, всѣмъ интересовалась и въ ней проявлялись зачатки столькихъ талантовъ, что княгиня боялась, какъ бы ея дѣвочка не разбросалась и не развила по настоящему ни одного изъ нихъ. Однако къ шестнадцати годамъ стало выясняться ея истинное призваніе. Она рѣже стала подходить къ роялю, перестала пѣть, стала манкировать уроками танцевъ, глина высыхала въ углу ея, выстроенной на самомъ верху виллы, мастерской. Но съ красками и палитрой она не разставалась во всѣ свои свободные отъ уроковъ часы. Когда она окончила курсъ, княгиня хотѣла увезти ее учиться живописи въ Парижъ, но, узнавъ, что живущій въ Лозаннѣ знаменитый художникъ даетъ уроки нѣсколькимъ избраннымъ, особенно талантливымъ, ученикамъ, она поѣхала съ дочерью къ нему. Клэрьеръ былъ большимъ оригиналомъ: венгерецъ по рожденію, русскій по размаху, французъ по дарованію, онъ провелъ всю свою молодость въ Парижѣ. Слава его гремѣла. Сначала онъ былъ одною изъ самыхъ значительныхъ фигуръ Монмартра, потомъ великосвѣтскихъ салоновъ „города свѣта“. Клэрьеръ часто появлялся со свитой молодыхъ художниковъ на бульварахъ въ золотомъ котелкѣ, давалъ феерическія празднества, кормилъ изысканными обѣдами, стоящими тысячи франковъ, окру-

жающую его богему, и былъ извѣстнымъ Донъ-Жуаномъ. О его любовныхъ похожденияхъ говорила вся столица. Но война произвела въ немъ глубокую перемену. Онъ роздалъ большую часть своего состоянія на благотворительныя дѣла, провель нѣсколько лѣтъ въ какомъ-то испанскомъ монастырѣ, потомъ, перейдя въ протестантство, купилъ помѣстье подъ Лозанной и поселился въ ней съ нѣсколькими учениками. Нелегко было попасть въ число этихъ избранниковъ, но рисунки Илоны такъ поразили своей талантливостью Клэрьера, что онъ не задумываясь, согласился давать ей уроки. Молодая дѣвушка была въ восторгѣ отъ его преподаванія, отъ живого интереса, съ которымъ онъ относился къ каждому мазку своихъ учениковъ, отъ его мѣткихъ замѣчаній и остроумныхъ шутокъ, и вскорѣ Клэрьеръ и его ателье стали центромъ ея міра. Каждое утро въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, она съ семичасовымъ поѣздомъ уѣзжала въ Лозанну и, возвращаясь къ завтраку, привозила съ собою кучу новостей и разсказовъ изъ мастерской. О своихъ успѣхахъ она говорила рѣдко, но ушла въ работу съ головой. Работала горячо, упорно, настойчиво и была такъ строга къ себѣ, что, когда, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ ателье Клэрьера, ея соученики уже мнили себя гениальными художниками, задумывали картины и мечтали о выставкахъ, она упорно и терпѣливо продолжала развивать свою технику и не позволяла себѣ задаваться непосильными задачами. За это ея коллеги, особенно скороспѣлые русскіе, поторопились объявить ее бездарностью. Однако Клэрьеръ былъ другого мнѣнія: онъ находилъ ее талантливѣе всѣхъ своихъ учениковъ и не могъ надивиться ея желѣзной выдержкѣ: „Все приходитъ для того, кто умѣетъ ждать“, часто говорилъ онъ ей, тонко улыбаясь.

Когда Клэрьеръ объявилъ Илонѣ, что ей нечему больше у него учиться, княгиня увезла ее въ Италію. Онѣ долго жили въ Римѣ, во Флоренціи и въ Венеціи, гдѣ Илона съ увлеченіемъ копировала классиковъ, и гдѣ чуткая къ красотѣ душа ея радостно воспринимала откровенія великаго итальянскаго искусства.

Вернувшись въ Территзъ, она перестроила и увеличила свою мастерскую, украсила ее привезенными изъ Ита-

ліи картинами, усталила ее старинною мебелью и проводила въ ней все утро передъ мольбертомъ. Но день свой она дѣлила между матерью, свѣтскими удовольствіями и спортомъ. Въ обществѣ она имѣла огромный успѣхъ. У нея всегда была свита поклонниковъ, въ нее безумно влюблялись, ухаживали за нею, служили ей, дѣлали ей предложеніе. Все это очень забавляло ее, она играла своими воздыхателями, какъ маріонетками, но сердце ея оставалось безучастнымъ и ни разу не забилося отвѣтнымъ чувствомъ до встрѣчи съ графомъ Духовскимъ. Послѣднимъ претендентомъ на ея руку быть, смертельно влюбленный въ нее, молодой американецъ, милліардеръ, Харри Исторъ. Илона попросила у него два дня на размышленіе. Два дня она забавляла княгиню, фантазируя о томъ, какъ, ставъ женою Креза, она выстроитъ себѣ въ Венеціи такой сказочный дворецъ, что Са d'oro Марина Контарини окажется бѣдною хижинной рядомъ съ нимъ, а на третій, съ очаровательной улыбкой, объявила своему обожателю съ береговъ Худсона, что не можетъ стать его женою.

— Почему ты не сдѣлала этого сразу? Вѣдь ясно было, что ты не пойдешь за него. Зачѣмъ было давать ему надежду? Вѣдь этимъ ты усилила его разочарованіе, сильнѣе заставила его страдать, — упрекнула ее княгиня.

— Ты ошибаешься, мамочка, — разсмѣялась Илона. — Онъ такъ былъ пораженъ тѣмъ, что я отказалась стать „стеариновой королевой“, что чувство изумленія совершенно подавило въ немъ всѣ остальные чувства. Мнѣ же такъ нравилось играть въ милліардершу эти два дня! Конечно, я никогда не пошла бы за него, однако я очень довольна, что онъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе. Вѣдь это первый американецъ въ моей коллекціи двадцати трехъ отверженныхъ жениховъ.

Княгиню удивляло, что сердце ея дочери такъ долго молчитъ. Зная ея порывистый и страстный темпераментъ, она скорѣе боялась слишкомъ ранняго брака для нея, и ея необъяснимое равнодушіе къ любви беспокоило заботливую мать. Но вотъ появился двадцать четвертый женихъ, Левъ Юрьевичъ Духовскій, и ему, какъ чудомъ, удалось разбудить спящую царевну... Не поцѣлуемъ, а какимъ-то особеннымъ выраженіемъ лица. Да разбудить

ли онъ ея дѣйствительно? Не продолжаетъ ли она спать и о чемъ-то грезить? Совсѣмъ иной любви ожидала для Илоны княгиня; совсѣмъ иною представляла она ея себѣ въ переживаніи первой страсти. Боялась всевозможныхъ душевныхъ конфликтовъ, какой-нибудь драмы... Все вышло къ лучшему. Илона сіяетъ счастіемъ, а Левушка дѣйствительно, на рѣдкость, милый и хорошій человекъ. Къ тому же онъ независимъ и богатъ...

Княгиня раздавила окурокъ хрустальной тушилкой и удобнѣе растянулась на подушкахъ: „Какимъ счастіемъ, какимъ спасеніемъ оказалось для разоренныхъ революціей въ Россіи братьевъ Духовскихъ это, точно съ неба свалившееся имъ, огромное наслѣдство отъ француженки - тетки, герцогини Роморъ, — думала она засыпая, — Илона будетъ владѣтельницей стариннаго замка въ Бретани... Милая дѣвочка... Наконецъ-то въ ней проснулась женщина. И даже въ голосъ ея появились новыя нотки... Какъ она это сказала: „Безумно любимое лицо“...

Въ то время, какъ мать съ нѣжностью думала о ней, Илона мчалась въ совершенно пустомъ, сверкающемъ чистотою и огромными зеркальными окнами трамваѣ вдоль слѣпившаго миллиардами брилліантовыхъ искръ голубого озера. Было такъ жарко, что пахло огнемъ. Всѣ домики на Большой улицѣ были залиты жгучимъ солнцемъ. Всѣ ставни, всѣ маркизы были спущены. За мраморными столиками кондитерской Цюрхеръ уже сидѣли завсегдатаи. На крытой площади рынка шли оживленные приготовления къ представленію извѣстныхъ швейцарскихъ гимнастовъ братьевъ Кни. Вѣшали трапеціи подъ самой крышей, приготовлялись какіе-то канаты: ютящіяся подъ навѣсомъ голуби взволнованно бѣгали по карнизамъ. Послѣ рынка промелькнула пристань, потомъ замелькали магазины и отели. Подъѣзжая къ Паласу, Илона выглянула въ окно. Подъ низко спущенной маркизой гостиницы нетерпѣливо шагали бѣлые фланелевыя ноги Льва Юрьевича, верхняя часть его тѣла была скрыта. Но вотъ онъ вынырнулъ изъ-подъ полосатой матеріи и, вскочивъ въ остановившійся трамвай, порывисто поцѣловалъ руку невѣсты.

— Ты одна во всемъ вагонѣ, Илона? — мягко прозвучалъ его звучный голосъ. — Ни одинъ смертный не посмѣлъ сѣсть возлѣ тебя?

— Мнѣ кажется, что это просто случайность... Вѣдь ты же посмѣлъ, — разсмѣялась молодая дѣвушка.

— Я, это совершенно другое дѣло! Съ тѣхъ поръ, какъ я любимъ богиней, я пересталъ быть простымъ смертнымъ.

— Левушка, я нахожу, что мы оба ужасно банальны и глупы...

— Это не бѣда. Вѣдь это же старая истина, что отъ любви умнѣютъ только дураки, а умные люди отъ нея всегда глупѣютъ.

— Ну, это утѣшаетъ меня, а то я начинала уже отчаиваться. Расскажи мнѣ, мой мальчикъ, что ты дѣлалъ сегодня утромъ?

— Да что же я могъ дѣлать? Гулялъ, ходить мимо виллы Генціана и выдерживалъ карантинъ.

— Карантинъ? Какъ я ненавижу это слово! Въ немъ звучитъ упрекъ.

— Ахъ, если бы ты знала, Илона, какъ долги часы, проведенные безъ тебя...

— Это только потому, что ты ничѣмъ не занятъ, мой милый.

— Но чѣмъ же мнѣ заняться здѣсь? Когда мы будемъ жить въ Парижѣ, или Бретани, я конечно найду себѣ дѣло и смогу распредѣлить свой день сообразно съ твоимъ. Ахъ вотъ мы и пріѣхали...

— Clarens-Debarcadère! — крикнулъ кондукторъ, и трамвай остановился у самой кондитерской Видмеръ.

— Илона, я зайду въ кондитерскую и закажу намъ чаю, а ты займи намъ столикъ, — предложилъ Левъ Юрьевичъ.

— Отлично. Не забудь купить засахаренныхъ каштановъ, — напомнила ему молодая дѣвушка.

Усыпанный гравіемъ и уставленный мраморными столиками, небольшой тѣнистый садикъ кондитерской находился на самомъ берегу озера, рядомъ съ пристанью Клара. Къ удовольствію Илоны онъ былъ еще совершенно пустъ. Выбравъ удобное кресло подъ развѣсистой липой,

она съ удовольствіемъ усѣлась на него и залюбовалась, хоть и давно знакомымъ, но неизмѣнно чарующимъ ее пейзажемъ. Здѣсь онъ выступалъ изъ живой рамы липовыхъ вѣтвей и цвѣтущей вдоль баллюстрады герани всевозможныхъ пунцовыхъ тоновъ. Неподвижно дремавшее въ глубокой чашѣ горъ голубое озеро переливалось почти нестерпимымъ блескомъ. Его крутлый островокъ „Трехъ деревьевъ“ рельефно выдѣлялся на глади сверкающихъ водъ и казался плывучимъ зеленымъ букетомъ. У лѣваго берега устало грезилъ позолоченный солнцемъ, ветхій Шильонскій замокъ. Легкія тучки дымились надъ чистой снѣжной вершиной Dent du midi и надъ ледяной вышкой Жамана.

Хрустъ гравія оторвалъ Илону отъ созерцанія. Она обернулась и увидѣла приближающагося жениха. „Какой онъ красивый,“ подумала молодая дѣвушка, любящимъ взглядомъ охватывая его высокую, стройную фигуру въ хорошо сидящемъ бѣломъ спортивномъ костюмѣ, его красивую голову съ гладко зачесанными густыми русыми волосами и его свѣжее, жизнерадостное, гладко выбритое лицо.

— Знаешь, Левушка, вѣдь ты „юпитеріанецъ“. Отъ тебя исходитъ невѣроятная жизненная энергія, — воскликнула она, протягивая ему руку.

Онъ прижался къ ней губами и опустилсѣ на стулъ возлѣ невѣсты:

— Илона, я такъ давно, такъ бесконечно давно не видѣлъ тебя. Ты безжалостна ко мнѣ! — горячо прозвучалъ его голосъ.

— Левушка, опять упреки? Скажи мнѣ лучше, ты очень волнуешься при мысли о свиданіи съ моимъ будущимъ beau-père'омъ?

Легкая тѣнь пробѣжала по лицу Льва Юрьевича, но тотчасъ же исчезла, и онъ ласково взглянулъ на Илону:

— Ты знаешь, дорогая, что я не люблю, когда ты такъ называешь брата, потому что въ этомъ данномъ ему тобою прозвищѣ звучитъ иронія и неприязнь. Но въ общемъ ты права, — онъ мнѣ гораздо болѣе отецъ, чѣмъ братъ.

— Какой вздоръ! Между вами только одиннадцать лѣтъ разницы.

— Только? Это очень много! Когда мы осиротѣли и переѣхали жить къ дядѣ, Андрею было семнадцать, а мнѣ всего шесть. Въ это время эта разница была огромна. Да и къ тому же братъ въ свои семнадцать лѣтъ былъ такимъ возмужалымъ и зрѣлымъ умомъ, что дядя говорилъ съ нимъ, какъ съ равнымъ, а я еще былъ клопомъ. Со всѣми своими радостями и горестями я бѣжалъ къ нему. Онъ чинилъ мои игрушки, рассказывалъ мнѣ сказки, укладывалъ меня даже спать. У него же я выучился читать и писать. Позднѣе я готовилъ съ нимъ уроки. Ты не можешь себѣ представить, что я выстрадалъ за два года, добровольно проведенные имъ на фронтѣ! Когда онъ вернулся раненымъ въ 1916 году, я не отходилъ отъ его постели, а когда выяснилось, что онъ больше не пригоденъ для военной службы и его назначили секретаремъ посольства въ Токію, я чуть не заболѣлъ съ горя, и дядѣ пришлось отпустить меня съ нимъ въ Японію.

— А вѣдь это было твоимъ спасеніемъ, Левушка. Это спасло тебя отъ большевизма.

— Разумѣется. Это назначеніе Андрея спасло намъ обоимъ жизнь. Бѣдный дядя былъ ограбленъ и убитъ въ первые дни большевизма. Мы потеряли все, кромѣ небольшой суммы, переведенной благоразумнымъ Андреемъ въ Швейцарію, еще до войны. Но и этой суммы намъ хватило бы не надолго, если бы мы оба не нашли заработка въ Токію. Но такъ, подрабатывая немного, мы жили безъ лишній.

— Какой удачей для васъ обоихъ было это неожиданное наслѣдство отъ тетки! Она была сестрою твоего отца?

— Нѣтъ, матери. Мы вѣдь ее совсѣмъ не знали. Она шестнадцати лѣтъ вышла замужъ за герцога Боморъ и мы никогда не видѣли ее.

— Левушка, скажи мнѣ, почему, ставъ миллионеромъ, вы не сейчасъ же уѣхали изъ Японіи? Вѣдь твой братъ подалъ въ отставку, послѣ отреченія государя отъ престола?

— Да, но мы привыкли къ Токію. У насъ тамъ были

друзья и намъ жилось отлично. Однако, этою весною, когда сгорѣла наша, никогда не видѣнная нами, вилла около Цюриха, Андрей рѣшилъ ѣхать въ Европу, чтобы осмотрѣть всѣ наши владѣнія и лично заняться нашими дѣлами. Пріѣхавъ въ Швейцарію, онъ продалъ помѣстье подъ Цюрихомъ и уѣхалъ осматривать нашъ замокъ въ Бретани, отъ котораго онъ въ восторгѣ.

— Меня очень удивляетъ, что онъ оставилъ тебя здѣсь одного.

— Я непременно хотѣлъ принять участіе въ теннисномъ турнирѣ въ Территѣ. Послѣ него я долженъ былъ ѣхать въ Бретань. Но...

— Но... О, ужасъ! На турнирѣ ты встрѣтился со мною... Воображаю, какъ проклинаешь себя твой Андрей за то, что не увезъ тебя съ собою.

— Не язви, Илона! Это не идетъ къ тебѣ. Ахъ вотъ и мадамъ Видмеръ съ чаемъ и твоими любимыми каштанами.

— Bonjour, mademoiselle, — глухимъ голосомъ, задыхаясь отъ тяжести подноса и плохо скрытаго высокимъ воротникомъ бѣлой блузки огромнаго зоба, привѣтливо воскликнула, похожая на бѣлую негритянку, хозяйка кондитерской, аккуратно разставляя на столики чашки, чайники, бріюши и тарелочки съ каштанами.

— Какъ поживаетъ ваша дочка Алиса? — спросила ее Илона.

— Развѣ она еще не прибѣжала здороваться съ мадемуазель? — приглаживая свои курчавые, какъ у негритянки, волосы и поправляя стальные очки на носу, спросила та.

— Вонъ она бѣжитъ сюда, — сказалъ Левъ Юрьевичъ, улыбаясь бѣгущей черезъ дорогу хромою дѣвчонкѣ.

У бѣдняжки уже отъ рожденія одна нога была короче другой. Ее нѣсколько разъ мучили неудачными операціями. Болѣзнь помѣшала ея развитію: ея нѣжное хошенькое личико было совершенно прозрачно, подъ ея глазами лежали голубыя тѣни. Она была дикаркой, пряталась отъ людей, часами сидѣла одна на лужайкѣ, вязала чулокъ и пѣла. Илону она полюбила исключительной любовью и каждое свиданіе съ нею было для нея праздни-

комъ. Она всегда встрѣчала молодую дѣвушку съ какимъ-нибудь красивымъ цвѣткомъ въ рукѣ, а та часто приносила ей съ собою подарки.

— Левушка, ты привезь ей что-нибудь съ собою? Я забыла, — испуганно спросила Илона, увидя розу въ рукѣ Алисы.

— Какъ же, я купилъ ей колечко въ магазинѣ подъ Паласомъ, — отвѣтилъ тотъ, доставая крошечную коробочку изъ кармана.

Дѣвочка вся вспыхнула отъ удовольствія, надѣвая на палецъ тоненькую цѣпочку.

— Зачѣмъ вы такъ балуете ее? — покачала головою ея мать, въ душѣ очень довольная за нее. — Пойдемъ, Алиса, ты надѣдаешь мадемуазель.

— Нѣтъ, нѣтъ. Пусть остается, — заступилась Илона за свою любимицу.

Блѣдное личико Алисы засвѣтилось радостью. Плотно придвинувъ свой стулъ къ стулу молодой дѣвушки, она усялась около нея и прильнула головой къ ея плечу.

— Она будетъ мѣшать намъ разговаривать, — попробовалъ протестовать Левъ Юрьевичъ.

— Ахъ, нисколько! Она такая тихонькая и по-русски не понимаетъ ни слова, — возразила Илона. — Ну, расскажи же мнѣ еще что-нибудь о Токио. Ты навѣрно былъ влюбленъ въ какую-нибудь Гейшу?

— Ты не сказала бы этого, если бы видѣла этихъ, словно выточенныхъ изъ нефрита и плохо раскрашенныхъ, куколокъ, неуверенно ковыляющихъ на жалкихъ ножкахъ, — разсмѣялся Левъ Юрьевичъ. — Онѣ иррелят-ся мнѣ, такъ сказать, только „въ пейзажѣ“ и въ своихъ національныхъ костюмахъ. Можетъ ли быть что-нибудь карикатурнѣе японки въ костюмѣ тальеръ?

— Ну, а твой братъ? Онъ такъ и жилъ только тобою и никогда никѣмъ не увлекался?

— Онъ никогда не говоритъ со мною о своей личной жизни, но я былъ невольнымъ свидѣтелемъ его послѣдняго романа. Это было прошлымъ лѣтомъ, въ окруженномъ горами и лѣсами японскомъ курортѣ Міаношта. Мы жили въ великолѣпной, совершенно европейской гостиницѣ, современный комфортъ которой странно контра-

стировалъ съ окружающимъ ее невообразимо красочнымъ и затѣйливымъ японскимъ садомъ: въ немъ цвѣли безчисленные желтые лиліи, красный шиповникъ, блѣдно-лиловые рододендроны и акаціи всевозможныхъ тоновъ. Онѣ изобиловали изумрудными бассейнами, въ которыхъ плескались золотыя рыбки: въ немъ зелѣли и сверкали, какъ шелкъ, солнечныя полянки, покрытыя причудливыми, незнакомыми мнѣ цвѣтами. Филигранныя бесѣдки высились въ немъ на отлогихъ холмахъ. Подъ выгнутыми мостиками змѣились неправдоподобно прозрачныя ручейки. Съ влажно-блестящихъ скалъ ниспадали пышныя, пѣнящіеся водопады теплой воды, согрѣтой вулканомъ Фуджи.

— Ахъ, это священная гора, которую всю свою жизнь писалъ знаменитый японскій художникъ Хокусэй? У меня есть нѣсколько его рисунковъ. Они удивительны. Скажи мнѣ, Левушка, ты поднимался на нее?

— Какъ же. Какъ разъ ко дню моего паломничества на Фуджіяму я и велъ свой рассказъ. Итакъ, мы жили уже недѣли три въ Міаноштѣ, гдѣ у насъ было довольно много знакомыхъ. Какъ-то подъ вечеръ, кто-то предложилъ предпринять экскурсію къ священному кратеру Фуджи, на который „падаетъ первый лучъ японскаго солнца“. Эта мысль нашла одобреніе всей нашей маленькой компаніи, состоящей: изъ семьи одного англійскаго дипломата, французскаго писателя, очень красивой, только что пріѣхавшей изъ Токио дамы, жены секретаря испанскаго посольства, маркизы Монтець, Андрея и меня. Взявъ съ собою самое необходимое, мы въ двухъ автомобиляхъ отправились въ путь. Уже стемнѣло, когда мы подъѣхали къ ведущимъ на великую гору ступенямъ Уошида. По нимъ медленно поднималась толпа пилигримовъ. Всѣ эти сыны богини солнца Аматаеразау и рисовыхъ полей были облачены въ бѣлыя одежды и обуты въ бѣлыя „варайи“, что-то въ родѣ соломенныхъ сандалій. Головы ихъ были покрыты остроконечными шляпами. Они шли опираясь на высокія восьмиугольные жезлы и было что-то таинственное въ ритмичномъ перезвонѣ подвѣшанныхъ къ ихъ поясамъ священныхъ колокольчиковъ, въ мелодичномъ позвякиваніи ихъ агатовыхъ четокъ. Мы при-

соединились къ нимъ. Есть что-то жуткое, непроницаемо-глубокое и что-то пугающее воображеніе въ ритуалахъ и мистицизмѣ чуждыхъ намъ расъ, но они будятъ въ насъ еще неиспытанныя, неясныя метафизическія переживанія. Беззвучно ступая на мягкихъ подошвахъ бѣлые пилигримы пѣли священные псалмы. Взывая къ Фуджи, они молили его объ избавленіи отъ болѣзней и войны, о „счастливомъ, смѣющемся, мирно поющемъ и пляшущемъ потомствѣ“, и была какая-то диковинная прелесть въ странныхъ диссонансахъ и перерывахъ этого нестройнаго хора гортанныхъ голосовъ. Они вызывали во мнѣ странную тоску по какимъ-то забытымъ радостямъ. Я весь отдался ихъ грустному очарованію и волшебству этой японской ночи, осыпанной мириадами голубыхъ свѣтлячковъ. Мнѣ не хотѣлось говорить. Да и спутники мои замолкли. Мы шли луннымъ лѣсомъ. Теплый воздухъ былъ насыщенъ запахомъ незнакомыхъ мнѣ травъ. Иногда пробѣгалъ легкій шелестъ въ вершинахъ столѣтнихъ платановъ.

— Это шопотъ „тенгау“, крылатыхъ геніевъ деревьевъ, — негромко нарушилъ молчаніе французскій писатель, быстрое романское воображеніе котораго уже восприняло новыя впечатлѣнія и переутомилось ими.

— Надѣюсь, что мы скоро дойдемъ до первой станціи, — вздохнула маркиза Монтець. — Я начинаю уставать.

— Будьте осторожны въ вашихъ словахъ, маркиза, — шутливо проговорилъ англійскій дипломатъ, — вѣдь по повѣрію шинтоистовъ всѣ чистые сердцемъ люди безъ усталости достигаютъ вершины Фуджиямы.

— Въ такомъ случаѣ я оцѣниваю сердечную чистоту большей части изъ насъ не выше первой станціи, — разсмѣялась молодая женщина.

Она не ошиблась въ своемъ предсказаніи.

Было уже за полночь, когда мы подошли къ храму первой остановки. Онъ весь былъ увѣшанъ узкими длинными флажками и залитъ блѣдно-зеленымъ луннымъ свѣтомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, у группы темныхъ деревьевъ, ютилась деревянная лавочка съ открытымъ прилавкомъ, освѣщеннымъ цвѣтными бумажными фонарями. Въ ней продавались разныя сладости и напитки. Меня томила жажда. Отдѣлившись отъ моихъ спут-

никовъ, направлявшихся въ храмъ, я пошелъ выпить чего-нибудь. Освѣжившись стаканомъ холоднаго кофе, я пошелъ побродить вокругъ храма; отыскивая живописное мѣстечко я спустился по узенькой тропинкѣ на площадку, съ которой видна была, залитая луной и усыпанная блестками огней, равнина у подошвы горы. Усѣвшись на широкомъ пнѣ я расположился покурить и помечтать. Вдругъ откуда-то, должно быть со второй площадки, находящейся подъ моею, раздались негромкіе, сдержанные голоса Андрея и маркизы Монтець. Это былъ горячій споръ. Ея голосъ умолялъ, его голосъ убѣждалъ.

— О чемъ-же они спорили? — спросила Илона, закуривая папиросу.

— Она умоляла Андрея не порывать съ нею. Онъ-же находилъ разрывъ между ними неизбѣжнымъ, такъ какъ, по неосторожности молодой женщины, связь ихъ стала извѣстной въ Токио и сильно скомпрометировала ее. Она заговорила о своемъ рѣшеніи развестись съ мужемъ. На это Андрей сталъ бережно доказывать ей, что бракъ между ними невозможенъ, такъ какъ ея жизнь должна принадлежать ея малюткѣ-дочери, а онъ самъ никогда не разстанется со мною.

— Пріятная перспектива для меня! — вспыхнула Илона.

— Маленькая, не горячись. Теперь все будетъ иначе.

— Ну дальше. Что-же, бѣдная маркиза согласилась пожертвовать личною жизнью ради своей дочери?

— Нѣтъ. Она рыдала, осыпала Андрея горькими упреками, но онъ былъ непоколебимъ и просилъ ее немедленно вернуться въ Міаношту, а на другой день уѣхать въ Токио. Тутъ только я пришелъ въ себя отъ растерянности, въ которую повергъ меня этотъ, заставшій меня врасплохъ, діалогъ, и неслышными шагами поднялся къ храму. Тамъ уже стоялъ англійскій дипломатъ съ женою. Они оба ворчали на куда-то разбродившуюся молодежь. Однако, нѣсколько минутъ спустя всѣ были въ сборѣ.

— И твой братъ и маркиза?

— Да, и они. Маркиза рѣшительно заявила, что смертельно устала и хочетъ немедленно вернуться въ Міаношту. Французскій писатель поспѣшилъ предложить ей

свои услуги тѣлохранителя. Онъ самъ еле держался на ногахъ. Но оказалось, что и англичанамъ наскучило „дѣлать Фуджи“ и распростившись со мной и Андреемъ они всѣ отправились домой.

— Ну и что-же мой будущій beau-père такъ и не узналъ, что тебѣ раскрылась его тайна?

— Нѣтъ, какъ-же. Я сознался ему, что невольно подслушалъ его разговоръ съ маркизой и спросилъ его навсегда-ли онъ порвалъ съ нею. Въ отвѣтъ онъ только пожалъ плечами; я понялъ, что ему непріятно было мое вмѣшательство въ его сердечныя дѣла и, разъ навсегда, избавилъ его отъ своихъ разспросовъ.

— Ты думаешь, Левушка, что этотъ романъ на этомъ и кончился?

— Я такъ думалъ одно время. Но теперь мнѣ немного подозрительно, что Андрей такъ охотно уѣхалъ одинъ во Францію. Ахъ, я забылъ тебѣ сказать, что маркизъ Монтецъ, вотъ уже три мѣсяца, какъ переведенъ въ парижское посольство.

— Ну тогда нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ забываетъ тебя у ногъ своей маркизы. Какъ я этому рада. Увлеченный своею любовью, онъ меньше будетъ заниматься тобою, а это все, что мнѣ надо. Вѣдь я-же ревную тебя къ нему.

— Правда? Ты не шутишь? — разсмѣялся, очень польщенный ея словами, Левъ Юрьевичъ.

— Нисколько не шучу. Я Отелло въ пиджамѣ. Но теперь довольно объ этомъ, Левушка. Намъ пора домой.

— Побудемъ здѣсь еще немного, — взмолился онъ.

— Нѣтъ, милый, тебя послушать, вѣкъ здѣсь сидѣть, а у меня сегодня еще такъ много дѣла. Пожалуйста пойдѣ, заплати.

Левъ Юрьевичъ послушно направился къ кондитерской и тутъ только Илона вспомнила о неподвижно сидящей возлѣ нея Алисѣ.

— Спой мнѣ что-нибудь, — попросила она ее.

Дѣвочка выпрямилась на стулѣ, застѣнчиво улыбулась, сложила прозрачныя, словно восковыя, ручки и послушно запѣла слабымъ, но вѣрнымъ голоскомъ:

La Suisse belle,
Qu'il faut cherir,
Il faut pour elle
Vivre et mourir!

— Ахъ вонъ плыветъ „Генераль Дюфуръ“ — воскликнула она, вдругъ прерывая пѣніе и показывая пальцемъ на приближающійся пароходъ.

— Почему-же ты знаешь, что это „Генераль Дюфуръ“? Вѣдь ты не видишь отсюда надписи парохода, — удивилась Илона.

— „Генераль Дюфуръ“ отличается отъ другихъ пароходовъ тѣмъ, что у него двѣ трубы, — съ гордостью объяснила дѣвочка. — Ахъ, на палубѣ играютъ музыканты! — вдругъ радостно воскликнула она и, безпомощно волоча за собою больную ножку, побѣжала на пристань, къ которой, шумя колесами и влажно шелестя водою, только что подошелъ бѣлый пароходъ.

— Илона, скорѣе, скорѣе... Вонъ бѣжитъ нашъ трамвай, — позвалъ молодую дѣвушку Левъ Юрьевичъ. Вскочивъ въ голубой вагонъ, они поѣхали въ Территэ.

Сдѣлавъ необходимыя покупки, Илона хотѣла въ городѣ проститься съ женихомъ, но онъ непремѣнно хотѣлъ проводить ее домой. Войдя въ холлъ, онъ усѣлся въ глубокое кресло и, чтобы оттянуть разставаніе съ невестой, началъ жаловаться на усталость. Однако, это не смягчило ея сердца и она безжалостно указала ему на часы.

— Уже поздно, Левушка. Мнѣ некогда больше съ тобою болтать. Да и тебѣ скоро пора на вокзалъ встрѣчать beau-père'a. Не забудь, что въ девять часовъ вы должны быть здѣсь. Ну, до свиданія. Иди-же, Левушка, иди! Какой ты несносный...

Онъ обнялъ ее за талію:

— Я уйду. Но сначала поцѣлуй меня, — горячо прошепталъ онъ, прижимая ее къ себѣ.

— Не хочу, — слегка улыбаясь откинулась она отъ него. — Сейчасъ у тебя не мое лицо.

— Ахъ, Илона, это бѣситъ меня! — топнулъ онъ ногою.

— Вотъ такъ. Теперь ужъ лучше... Ну, разсердись еще немного посильнѣе... Вотъ такъ...

— Поцѣлуй-же меня.

— И тогда ты уйдешь?

— Да...

Охвативъ его шею рукою, она коснулась губами его губъ и, неожиданно вырвавшись изъ его объятія, отбѣжала къ ведущей во второй этажъ дубовой лѣстницѣ.

— До свиданія, мой милый. Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ! — разсмѣялась она его раздосадованному виду и, пославъ ему воздушный поцѣлуй, побѣжала по покрытымъ краснымъ ковромъ ступенямъ.

— Илона! — огорченно позвалъ онъ ее, но она даже головы не повернула и только, добѣжавъ до послѣдней площадки, соблаговолила подойти къ периламъ и слегка перегнуться черезъ нихъ.

— Люблю... — почти беззвучно прошептали ея губы и въ то-же мгновеніе она исчезла за гобеленомъ, замѣняющимъ дверь.

II

Немного раздосадованный этимъ неожиданно краткимъ прощаніемъ, но влюбленный и счастливый вышелъ Левъ Юрьевичъ изъ виллы Генціана и медленно направился къ вокзалу. Онъ не торопился: времени у него было много, вечеръ стоялъ чудесный и ему пріятно было бродить по набережной и по всегда праздничной „Большой улицѣ“; пріятно было думать объ Илонѣ и о скоромъ свиданіи съ Андреемъ. Его тревожила только антипатія невѣсты къ брату и онъ сталъ обдумывать, какъ-бы сразу наладить ихъ отношенія. Послѣ долгихъ размышленій онъ рѣшилъ, что Илону, какъ японскую богиню солнца Аматеразоу, можно умиловить только жертвоприношеніемъ цвѣтовъ. Зайдя въ цвѣточный магазинъ, онъ долго выбиралъ букетъ, который Андрей долженъ былъ вечеромъ передать молодой дѣвушкѣ, и остановился наконецъ на большой связкѣ махровой гвоздики пастельныхъ тоновъ. Случайно взглянувъ на висящіе надъ кассой часы, Левъ Юрьевичъ

испугался: до прихода поезда его брата оставалось всего десять минутъ. Поспѣшно расплатившись и велѣвъ немедленно прислать ему цвѣты въ Палату, онъ быстрымъ шагомъ сталъ подниматься по улочкѣ, ведущей къ вокзалу; но какъ только онъ приблизился къ пересѣкающимъ ее шпаламъ, передъ нимъ опустился шлагбаумъ и ему пришлось ждать нѣсколько минутъ, — цѣлую вѣчность... Побѣдивъ это препятствіе, онъ бѣгомъ пустился къ вокзалу и вбѣжалъ на перронъ какъ разъ въ ту минуту, когда запленный парижскій экспрессъ, свистя и пуская клубы угольнаго дыма, влетѣлъ подъ станціонный навѣсъ.

На площадкѣ вагона-ресторана стоялъ графъ Андрей и дѣлалъ брату привѣтственные знаки рукою.

Съ тренированной спортами ловкостью, Левъ Юрьевичъ съ разлета вскочилъ на ступеньку замедляющаго ходъ поезда, и братья обнялись, потомъ соскочили на платформу.

— Мой мальчикъ, я хочу, чтобы моими первыми словами было поздравленіе и пожеланіе тебѣ счастья, — расстроганно проговорилъ графъ Духовской, сжимая руку своего Веніамина. Онъ былъ выше младшаго брата и уже въ томъ, что онъ смотрѣлъ на него сверху внизъ, было что-то покровительственное.

— Спасибо за твои добрые слова, Андрей. Я такъ радъ, что ты вернулся наконецъ! — воскликнулъ тотъ, не отрывая любящихъ глазъ отъ его мужественнаго, гладко выбритаго красиваго лица. — Какъ ты загорѣлъ въ Бретани. Твои виски кажутся совершенно бѣлыми отъ контраста съ бронзовымъ оттѣнкомъ твоей кожи.

— Да, я еще сильнѣе посѣдѣлъ за послѣднее время, — улыбнулся графъ Андрей и, снявъ дорожную кепку, провелъ тонкою, породистою рукою по своимъ темнымъ волнистымъ волосамъ.

— Нѣтъ, не сильнѣе, — возразилъ Левъ Юрьевичъ. — Какъ и прежде серебрятся только твои виски. Ты вѣдь знаешь, что это очень идетъ къ твоему молодому лицу. Въ этомъ есть что-то необыкновенно оригинальное.

— Я знаю, мой милый, что сердце влюбленныхъ великодушно, — разсмѣялся старшій братъ. — Однако, гдѣ же мой Жанъ съ чемоданомъ и сундукомъ? Онъ вѣроятно

не потѣлъ мѣшать намъ и прямо отправился въ Паласъ! Идемъ и мы.

Весело разговаривая о незначительныхъ вещахъ, они направились въ гостиницу и по лифту поднялись въ свое помѣщеніе, гдѣ ихъ уже нетерпѣливо ожидалъ ихъ старшій, служившій имъ еще въ дѣтствѣ, камердинеръ Петръ.

— Какъ живешь, старина? — положилъ ему Андрей Юрьевичъ руку на плечо. — Ну, какъ ты доволенъ молодымъ графомъ?

— Да вотъ раньше васъ они, ваше сіятельство, въ бракъ вступаютъ.

— Да, похоже, что мы съ тобою такъ холостяками и останемся, Петръ.

— Такъ точно, ваше сіятельство, — довольно усмѣхнулся старикъ. — Пожалуйте, ванная готова-сь.

Часъ спустя оба брата, уже переодѣвшись въ смокинги и отобѣдавъ, сидѣли за чернымъ кофе въ глубокихъ креслахъ, выдвинутыхъ на полукруглый открытый балконъ.

— Скажи мнѣ, Левушка, — медленно раскуривая сигару, прервалъ короткое молчаніе графъ Андрей, — почему какъ разъ сегодня, въ день моего пріѣзда, этотъ званный вечеръ у твоей невѣсты? Мнѣ было-бы пріятнѣе познакомиться съ нею въ семейномъ кругу.

— Это было-бы симпатичнѣе и мнѣ, Андрей. Но сегодня день рожденія княгини. Илона любитъ праздновать этотъ день очень торжественно.

— Ахъ, это очень мило.

— Илона рѣдкій человекъ. Только узнавъ ее, ты поймешь, Андрей, какъ я люблю ее. Я никогда не встрѣчалъ женщины красивѣе, умнѣе, одареннѣе ея... Ты улыбаешься моей восторженности? Ну, подожди; когда ты увидишь мою невѣсту, ты убѣдишься въ томъ, что я недостоинъ ея и удивишься, что мнѣ удалась такая побѣда. Вѣдь до меня Илона отказала двадцати тремъ женихамъ.

— Вотъ какъ? — легкая тѣнь пробѣжала по лицу графа Андрея.

— Ты не довѣряешь Илонѣ, Андрей. Ты такъ долго не ѣхалъ сюда, чтобы оттянуть знакомство съ нею. Я это чувствую.

— Левушка, я буду съ тобою совершенно откровеннымъ, хоть мнѣ это и трудно, такъ какъ я сознаю свою неправоту, — шурясь на голубое кольцо выпущеннаго дыма, медленно проговорилъ графъ Андрей. — Видишь-ли, я, почему-то, всегда предполагалъ, что ты никогда не женишься, воображалъ, что мы съ тобою останемся холостяками и проведемъ всю нашу жизнь вмѣстѣ, не разставаясь. Это было конечно абсурдно, но извѣстіе о твоей помолвкѣ огорчило меня до глубины души. Мнѣ показалось, что я теряю тебя. Меня обидѣло то, что ты рѣшился на такой важный жизненный шагъ, не посоветовавшись со мною. Я ревновалъ тебя къ твоей невѣстѣ. Однимъ словомъ, я потерялъ душевное равновѣсіе и рѣшилъ не возвращаться сюда до тѣхъ поръ, пока она не возстановится. Ну вотъ, теперь я поборолъ свою слабость и я здѣсь. Я совершенно свыкъ съ мыслью, что нади жизни раскололись, что я теперь могу быть только гостемъ у тебя и уже радуюсь перспективѣ нянчить твоихъ дѣтей въ нашемъ бретанскомъ замкѣ, куда я, по двенадесатымъ праздникамъ, буду приѣзжать навѣщать тебя и твою семью.

— Нѣтъ, Андрей, мы никогда не разстанемся съ тобою. Мы будемъ жить вмѣстѣ.

— Объ этомъ и думать нечего, мальчикъ. Главное условіе для счастливаго брака, это — одиночество вдвоемъ. Благонамѣренный третій оказывается всегда лишнимъ, неблагонамѣренный всегда опаснымъ. Возьми себѣ это за правило. Скажи мнѣ, почему твою невѣсту зовутъ Илоной? Вѣдь это, кажется, сербское имя?

— Да, княгиня жила въ Сербіи, когда родилась ея дочь, которую крестилъ сербскій священникъ и по какому-то недоразумѣнію назвалъ ее Илоной. Я нахожу это имя очаровательнымъ и сама Илона очень любитъ его. Однако, Андрей, намъ пора.

— Ты не догадался послать отъ моего имени цвѣтовъ княгинѣ?

— Какъ-же, я послалъ ей съ твоей карточкой корзину орхидей.

— Ты отлично сдѣлалъ. Какъ жаль, что теперь слишкомъ поздно, чтобы достать цвѣтовъ для твоей невѣсты.

— Я подумаю и объ этомъ, Андрей...

•Илона•

Левъ Юрьевичъ исчезъ за дверью, но тотчасъ-же вернулся съ притоптанной для Илоны связкой гвоздики.

— Вотъ, Андрей. Это первый букетъ, который ты поднесешь своей будущей *belle-soeur*.

— Онъ удивительно красивъ.

— Да, онъ понравится Илонѣ. Она обожаетъ цвѣты и знаетъ ихъ психологію. Она увѣряетъ, напримѣръ, что настоящую, утонченную страсть символизируютъ не красныя, а ея любимыя, блѣдныя, изнеможенные чайныя розы. Илона говоритъ, что онѣ олицетворяютъ страсть, раскаленную добѣла.

— *Tiens... tiens...* — сквозь зубы протянулъ графъ Андрей, поднимаясь съ кресла.

— Нѣтъ, нѣтъ, Андрей, ты ошибаешься! Илона совершенное дитя въ любви, а тѣмъ болѣе въ страсти. Я долженъ быть очень осторожнымъ съ нею, чтобы не спугнуть ея чувства. Когда она такъ разсуждаетъ о страсти, въ ней говоритъ только ея живой умъ и артистическое чутье. Да, это и вполнѣ естественно, что она, какъ художница, во всѣхъ сочетаніяхъ линій и тоновъ находитъ скрытый для насъ, простыхъ смертныхъ, метафизическій смыслъ.

— Во всякомъ случаѣ ея замѣчаніе о чайныхъ розахъ очень интересно и мѣтко. Надѣюсь, что она найдетъ эту гвоздику подходящей для перваго визита *beau-frère*'а.

Садъ виллы Генціана сверкалъ длинными ожерельями цвѣтныхъ фонариковъ. Обрывочные, страстные звуки явайскаго джеза оглушали томный воздухъ душной и беззвѣздной ночи. На построенной посреди лужайки танцевальной площадкѣ уже кружилось нѣсколько медленныхъ паръ. Однако, гости княгини Двинской еще не были въ сборѣ и она продолжала принимать ихъ, стоя съ Илоной, въ холлѣ.

— Уже девять часовъ. Странно, что еще нѣтъ Духовскихъ, — сказала она дочери, когда онѣ на минуту остались однѣ.

— Мой драгоценный *beau-père* намѣренно заставляетъ себя ждать, а Левушка его безсловесный рабъ. Я на-

кажу его за это. Вотъ мой поклонникъ, маленькій маркизь Віолафанти. Я увлеку его въ какой-нибудь романтический уголокъ и женихъ мой будетъ взбѣшенъ, заставъ насъ въ самомъ разгарѣ нашего флирта.

— Зачѣмъ, Илона...

— Чтобы отучить его запаздывать... Маркизь, какъ это любезно, что вы для сегодняшняго вечера вернулись изъ Рима, — обратилась она къ восторженно взирающему на нее черезъ монокль молодому итальянскому дипломату. — Идемте танцовать.

— Танцовать съ вами, княжна? Для такого счастья я вернулся-бы не только изъ Рима, но и съ конца свѣта! — воскликнулъ тотъ на своемъ забавномъ итальянско-французскомъ языкѣ, и быстро сѣменя обутыми въ лаковые туфли маленькими ножками, танцующей походкой последовалъ за нею.

Дойдя до уставленной пальмами и мягко освѣщенной огромнымъ оранжевымъ фонаремъ террасы, Илона остановилась и сѣла въ низкое плетеное кресло.

— Миѣ лѣнь танцовать. Посидимъ здѣсь. Хотите? — вскинула она на Віолафанти смѣющіеся, задорные глаза.

Польщенный и обрадованный ея непривычнымъ вниманіемъ маленькій маркизь принялъ позу объясняющагося въ любви премьера и сталъ разсыпаться передъ нею въ самыхъ напыщенныхъ комплиментахъ. Илона слушала его, забавляясь его пересыпанной выразительными итальянскими „э? э?“, смѣшанной романской діалектикой, и когда онъ съ пафосомъ воскликнулъ:

„Oh, princesse, si j'étais un pittore je ferais un portrait de vous avec le sangué de mon cuore,“ она чуть не разразилась громкимъ смѣхомъ, но въ эту минуту на террасу запыхавшись вбѣжала полная блондинка, экономка княгини Ненила Михайловна.

— Васъ просятъ въ холлъ, княжна, графы Духовскіе пріѣхали, — елеинымъ голосомъ сказала она по-русски.

— Почему-же Левъ Юрьевичъ не пришелъ за мною самъ? — вспыхнула Илона.

— Они графа Андрея Юрьевича съ княгиней знако-

мять. Букетъ вамъ старшій графъ привезли! Ну, прямо чудесный. Пожалуйте скорѣе, княжна.

Раздосадованная неторопливостью жениха увидѣть ее и тѣмъ, что ей не удалось возбудить его ревности, молодая дѣвушка, совершенно забывъ о влюбленномъ маркизѣ, порывисто встала и, сердито закинувъ надменную головку, быстрымъ шагомъ вошла въ домъ, прошла черезъ ярко освѣщенную залу въ полутемный будуаръ и приподняла портьеру холла. Тамъ, у камина, лицомъ къ ней стояли княгиня и Левушка, заслоненные отъ нея спиною ея врага, ея ненавистнаго beau-père'a.

Внезапно сердце ея стало такимъ тяжелымъ въ груди, такое мучительное предчувствіе забилося въ немъ, что она должна была сдѣлать усиліе надъ собою, чтобы войти въ комнату.

— Вотъ дочь моя, графъ, — съ гордостью сказала княгиня.

Графъ Андрей обернулся съ поспѣшною учтивостью. Илона еле устояла на ногахъ: передъ нею было то лицо, о которомъ она презила, которое она искала и иногда находила въ измѣненныхъ страстью Левушкиныхъ чертахъ.

Пораженный ея блѣдностью, ея замѣтнымъ смятеніемъ, ея необыкновенною, такою трогательною въ это мгновеніе красотой, графъ Андрей, несмотря на свойственную ему спокойную выдержку, былъ не въ силахъ произнести ни слова, не въ силахъ оторвать отъ нея своихъ изумленныхъ глазъ. Но вотъ Илона улыбнулась, протянула ему руку. Склонившись надъ нею, онъ, мгновенно овладѣвъ собою, овладѣлъ и положеніемъ.

— Вотъ видишь, Левушка, — разсмѣялся онъ, обращаясь къ стоявшему рядомъ съ нимъ брату, — любяясь твоею невѣстой я утратилъ даръ слова. Никакія фразы не могли-бы лучше этого выразить тебѣ моего восторженнаго удивленія. Княжна, прошу васъ, въ знакъ прощенія за мою неловкость, принять вотъ эти цвѣты. Ихъ выbralъ Левушка. Это даетъ мнѣ надежду, что они понравятся вамъ.

— Они очаровательны. Я никогда еще не видѣла такихъ огромныхъ лилово-голубыхъ гвоздикъ, — какимъ-то

новымъ, глубокимъ голосомъ отвѣтила Илона, лаская пальцами махровыя головки цвѣтовъ.

— Не пройти-ли намъ въ садъ, графъ? Мнѣ хочется поскорѣе познакомить васъ съ моими гостями, — внутреннимъ чутьемъ угадавъ, что переживаетъ дочь и торопясь выручить ее изъ тяжелаго положенія, обратилась къ графу Андрею княгиня.

— О, конечно! — предупредительно воскликнулъ тотъ, — я ужъ и такъ непростительно долго отвлекалъ васъ отъ вашихъ обязанностей хозяйки дома.

— Это иногда очень пріятно, — улыбулась княгиня, и, взявъ графа Андрея подъ руку, вышла съ нимъ изъ холла.

— Левушка, иди и ты... Я приду потомъ, когда поставлю въ воду цвѣты, — тщетно стараясь овладѣть своимъ волненіемъ, обратилась Илона къ жениху и, не дожидаясь его отвѣта, стала быстро подниматься по лѣстницѣ.

Левъ Юрьевичъ бросился вслѣдъ за нею, настигъ ее:

— Илона, одно слово... Мнѣ было такъ больно видѣть твое волненіе при встрѣчѣ съ Андреемъ. Вѣдь ты поблѣднѣла вся. Клянусь тебѣ, что ты преувеличиваешь его значеніе въ моей жизни и совершенно безпричинно ревнуешь меня къ нему. Ты, ты одна все для меня въ жизни...

— Ты напрасно приписываешь мою блѣдность волненію. У меня просто мигрень отъ сегодняшней жары и бѣготни. Я отвратительно чувствую себя.

— Бѣдняжка моя. Ну, скажи-же мнѣ, какъ понравился тебѣ Андрей? Ты такимъ представляла его себѣ?

— Нѣтъ, совершенно другимъ... — съ еле уловимой, горькой усмѣшкой, отвѣтила она пересохшими губами.

— Хуже или лучше?

— Не знаю... Ахъ оставь меня, Левушка, я почу принять пирамидону и хотъ немного отдохнуть.

Онъ попробовалъ привлечь ее къ себѣ, но она нетерпѣливымъ движеніемъ высвободилась изъ его рукъ и разсмѣявшись, чтобы смятчить свою рѣзкость, убѣжала наверхъ.

„Илона ревнуетъ меня къ Андрею... Это пожалуй лестно, но если подобныя сцены будутъ повторяться, онѣ

отравят намъ жизнь!“ — сокрушенно думать Левъ Юрьевичъ, направляясь въ гостиную.

Очутившись въ своей комнатѣ, Илона, не зажигая свѣта, упала въ кресло. Въ ней мучительно дрожали каждый нервъ, въ головѣ не было ни одной логичной мысли, передъ ея внутреннимъ взоромъ, наполняя ее ужасомъ и счастьемъ, стояло лицо Андрея... Это вѣчно-любимое, вѣчно-знакомое лицо, черты котораго хранились до сихъ поръ гдѣ-то въ глубинѣ ея метафизической памяти и ожившія въ ней теперь съ такою яркостью, съ такою силой. Молодая дѣвушка, крѣпко зажавъ виски руками, старалась осознать бушевавшія въ ней чувства, овладѣть ими, но изъ всего хаоса нахлынувшихъ на нее переживаній она ясно сознавала только то, что прошлое оборвалось, закончилось и завершилось въ ней, что оно отпало отъ ея души, какъ отпадають лепестки отъ цвѣтка, на которомъ завязывается плодъ. Илона чувствовала себя новой, чуждой себѣ. Страхъ этой новизны сжигалъ ее. Появленіе Андрея въ ея жизни было такъ неожиданно и такъ чудесно, что при встрѣчѣ съ нимъ все казалось ей недѣйствительнымъ, совершающимся въ ея воображеніи. Теперь, вспоминая его лицо, она неспособна была связать представленіе о немъ съ реальной жизнью.

„Что со мною? Я брежу или схожу съ ума? Какъ можетъ быть осуществленіе мечты такъ совершенно?.. Да не сонъ ли все это?“ растерянно спрашивала она себя, крѣпко зажавъ голову руками: „Я должна спуститься внизъ, чтобы увидѣть Андрея... Чтобы убѣдиться...“

Раздался тяжелый и дробный ударъ грома. Въ саду внезапно оборвалась какая-то вывихнутая мелодія джеза, послышался оживленный гулъ веселыхъ голосовъ, но тотчасъ же покрылся новымъ, еще болѣе оглушительнымъ раскатомъ... Сильный порывъ вѣтра внесъ въ комнату лепестки, опавшихъ на балконѣ, розъ. Крупныя капли дождя мягко и влажно забились о стекла оконъ. Внизу раздавался смѣхъ и вскрики дамъ, спасавшихся отъ ливня въ домъ.

Илона зажгла свѣтъ, подошла къ зеркалу, поправила волосы, стянула ниже на лобъ затканную жемчугомъ повязку, поправила узко обтягивающее фигуру платье изъ

золотого ламэ, взглянула на свое блѣдное подъ загаромъ лицо и, все еще не вполне осозная реальности происходящаго, какъ въ полуснѣ, спустилась въ холлъ, гдѣ глазамъ ея представилась необыкновенно странная, но живописная картина — импровизированный бивуакъ.

На полу вокругъ камина, на медвѣжьихъ шкурахъ и на сброшенныхъ съ дивановъ подушкахъ полулежала и сидѣла спасшаяся отъ ливня и совершенно расшалившаяся „молодежь“ самаго юнаго и самаго зрѣлаго возраста. Молодые и старыя дѣвочки въ коротенькихъ платьицахъ не безъ граціи стряхивали брызги со своихъ волосъ, кокетливо вытягивали свои шелковыя ножки, на которыхъ виднѣлись темныя, влажныя пятнышки отъ забрызгавшаго ихъ дождя. Кавалеры услужливо вытирали ихъ туфельки своими фуляровыми платками. Одна французская герцогиня, прославившаяся своею страстью къ нецензурнымъ выраженіямъ, за которую въ Парижѣ ей дали, льстившее ей больше ея титула, прозвище „gavroche de Paris“, собственноручно растапливала каминъ; но онъ плохо разгорался и съ ея, подкрашенныхъ карминомъ, очаровательныхъ губъ только-что сорвалось короткое словечко, сказанное при Ватерло. Оно было брошено такъ громко и такъ мѣтко, что его слышали всѣ, и эти пять буквъ, за произнашеніе которыхъ отказали бы прислугѣ, перестали бы принимать даму средняго общества, слетѣвъ съ устъ герцогини, произвели фуроръ. Онѣ были покрыты взрывомъ неудержимаго смѣха. Громче всѣхъ хохоталъ любовникъ герцогини, красивый австрійскій дипломатъ, баронъ Стархенфельсъ, славившійся своими успѣхами въ будуарахъ не менѣе своихъ успѣховъ въ политикѣ.

— Она безподобна, наша герцогиня, — бросилъ онъ проходившей мимо Илонѣ.

Та сдержанно улыбнулась на ходу. Она находила тонъ герцогини плоскимъ и безвкуснымъ.

Въ большой гостиной танцовали. Войдя въ комнату, молодая дѣвушка, не глядя, по какой-то внутренней тягѣ почувствовала направленіе, въ которомъ сидѣлъ съ княгиней графъ Андрей. Она знала, что должна подойти къ матери, и не могла. Близость Андрея внушала ей чувство похожее на страхъ.

— Илона, наконецъ-то! — съ легкимъ упрекомъ воскликнулъ, увидѣвъ невѣсту, Левъ Юрьевичъ. — Прошу тебя, скажи Андрею нѣсколько любезныхъ словъ. Будь доброй и милой. Сдѣлай это для меня.

— Конечно... Сейчасъ... — растерянно отвѣтила молодая дѣвушка, теребя рукою жемчужную нить. — Ахъ, вотъ и Владиславскій! Я должна устроить эффектный входъ этому избалованному *enfant terrible*, — облегченно вздохнула Илона, найдя предлогъ оттянуть разговоръ съ Андреемъ и устремляясь навстрѣчу только-что появившемуся извѣстному польскому пианисту.

— Такъ поздно? Мы ужъ боялись, что вы забыли о насъ сегодня, — протянула она ему руку.

— Но какъ же, вѣдь я обѣщалъ вамъ быть! — съ легкимъ польскимъ акцентомъ отвѣтилъ онъ, встряхнувъ пышной гривой своихъ сѣдѣющихъ волосъ и окидывая общество большими карими, слегка близорукими, глазами. — Всѣ уже въ сборѣ?

— Всѣ! Только вы блистали своимъ отсутствіемъ, маэстро! — колко отвѣтилъ ему, завидовавшій его успѣху въ свѣтѣ, соотечественникъ.

— Я не „блисталъ“, я просто не могъ пріѣхать раньше, — покраснѣвъ, какъ пойманный на шалости школьникъ, возразилъ Владиславскій, всегда, чтобы быть замѣченнымъ, появляющійся послѣднимъ на вечерахъ. — Однако, я еще не поздоровался съ хозяйкой дома. Гдѣ же она?

— Мама вонъ тамъ, съ графомъ Духовскимъ. Идемте къ ней, — съ мучительно забившимся сердцемъ покоряясь неизбежному, сказала Илона.

Графъ Андрей привсталъ, чтобы уступить ей мѣсто, но Левъ Юрьевичъ поспѣшилъ подкатить ей кресло:

— Вотъ, Илона, сядь сюда между нами. Какъ это говоритъ *„entre deux roses le diable se pose“*?

— Это очень неудачное сравненіе, мой мальчикъ, — разсмѣялся графъ Андрей, — я по крайней мѣрѣ не претендую быть похожимъ на розу. Девушка рассказала мнѣ, княжна, — обратился онъ къ Илонѣ, — что вы очень любите цвѣты. Какъ вамъ нравятся кактеи? Мнѣ кажется, что въ модѣ на нихъ больше снобизма, чѣмъ

вкуса. Какъ можно предпочитать эти маленькія уродливыя чудовища нѣжнымъ, душистымъ цвѣтамъ?

Илона старалась не видѣть волнующаго ее лица Андрея, старалась вникнуть въ смыслъ произнесенныхъ имъ словъ, но они точно витали надъ ея мозгомъ, не проникая въ него: „Цвѣты... кактеи? О чемъ онъ говоритъ? Надо понять... отвѣтить.“ Она сдѣлала надъ собою неимоверное усиліе и заставила себя повернуться къ графу Андрею.

— Я люблю кактеи за то, что онѣ что-то переходное отъ растительнаго къ животному міру и кажутся одухотвореннѣе цвѣтовъ. Недавно мнѣ подарили, покрытую сѣрою шерстью, маленькую, сгорбленную мексиканскую зейделіану, похожую на крошечнаго ежа. Мнѣ все кажется, что вотъ-вотъ она зашевелитъ свои поджатые лапки и сползетъ со своей китайской вазочки. Кромѣ того кактеи можно имѣть долго; можно пересаживать, выращивать ихъ и такимъ образомъ участвовать въ ихъ существованіи.

— Княжна, этимъ объясненіемъ вы выдали вашу манеру любить и я могу только сказать: счастливый Левушка!

Графъ Андрей ласково заглянулъ Илонѣ въ глаза и его любующійся взглядъ пронзилъ ее всю, заставилъ блаженно натянуться всѣ ея нервы, но въ то же мгновеніе тоненькое жало больно кольнуло ее въ сердце и она поняла, что въ немъ зародилось страданіе.

— Илона, monsieur Владиславскій такъ добръ, что, сдавшись на общія просьбы, согласился сыграть намъ что-нибудь, — подошла къ дочери княгиня, — займись приготовлениями къ его импровизированному концерту. Ты одна умѣешь устраивать вдохновляющую его обстановку.

Обрадованная возможностью прервать разговоръ съ Андреемъ, Илона поспѣшно отправилась исполнять порученіе матери.

Черезъ нѣсколько минутъ все общество собралось въ гостиной и въ дверяхъ будуара. Настоящая молодежь усажена просто на ковръ, молодежь постарше на креслахъ и диванахъ.

Илона, подъ возгласы одобренія, потушила люстру и зажгла на каминѣ блѣдно-лиловую лампу Галлэ.

— Да гдѣ же вы, княжна? — раздался среди общаго молчанія капризный возгласъ піаниста. — Вы знаете, что я не могу играть, когда васъ нѣтъ на вашемъ мѣстѣ у рояля.

Илона улыбаясь перешла комнату и послушно опустилась въ кресло, придвинутое къ самому Бехштейну.

Владиславскій пробѣжалъ пальцами по клавишамъ, взялъ нѣсколько вступительныхъ аккордовъ и виртуозно заигралъ мазурку Шопена.

Илона закрыла глаза. Гармонично переливающимися звуковыя волны отрадно дѣйствовали на ея перетянутые нервы; пріятная вялость охватила ея тѣло, мысли утратили мучительную остроту: „Я люблю, люблю Андрея...“ съ какою-то сладостной, глубокой покорностью думала она: „Я люблю свою любовь къ нему“.

Прозвучалъ заключительный аккордъ мазурки. Владиславскій бережно снялъ пальцы съ клавиш.

— Восхитительно!... — раздался полупропотъ слушателей, знающихъ, что піанистъ не выноситъ громкихъ аплодисментовъ, но что онъ требуетъ самаго утонченнаго, самаго восторженнаго одобренія.

— Пока онъ игралъ, я съѣла лежавшее здѣсь, уже откушенное кѣмъ-то яблоко! — дѣланно-наивно воскликнула, старавшаяся подражать въ остроуміи французской герцогини, нѣмецкая княгиня. И несмотря на то, что это выходило у нея грубо и совсѣмъ не смѣшно, ее, уже за одно стараніе быть забавной, вознаграждали взрывами смѣха. Такъ было и теперь: смѣялись всѣ, даже сама герцогиня, относившаяся къ ней какъ къ довольно способной ученицѣ и охотно дѣлившей съ нею не только свой юмористическій успѣхъ, но и любовника.

Оскорбленный этимъ, прервавшимъ создавшееся его игрою музыкальное настроеніе, неумѣстнымъ весельемъ Владиславскій, весь вспыхнувъ, вскочилъ изъ-за рояля.

Илона успокоительно положила руку на его рукавъ. Взглядъ его смягчился, но не въ силахъ совладѣть со своими нервами, онъ направился къ балконной двери и рѣзко растворилъ ее:

— Десять минут перерыва, — немилостиво бросилъ онъ своей публикѣ, выходя на балконъ.

— Что съ нимъ? — удивился Левъ Юрьевичъ.

— Онъ обиженъ безтактностью княгини, — улыбнулась Илона. — Но куда же ты, Левушка?

— Мнѣ нужно сказать брату нѣсколько словъ...

— Какъ вспылчивъ вашъ другъ Владиславскій, княжна! — подошелъ къ Илонѣ одинъ бывший русскій помѣщикъ. — Странно, что всѣ польскіе піанисты воображаютъ, что въ нихъ перевоплотилась душа Шопена. Вы не находите это забавнымъ?

— Нисколько, — пожала она плечами, — душа ихъ націи со всѣми ея особенностями жила въ Шопенѣ, какъ живетъ и въ нихъ. У нихъ всѣхъ та же душа.

— Мастерница вы, княжна, вашихъ друзей защищать... Ахъ, вотъ направляется къ вамъ этотъ австрійскій Мак-клавелли... Терпѣть его не могу. Испаряюсь...

— Дождь уже прошелъ. Какъ хорошо, что освѣжилась атмосфера! Надѣюсь, что, найдя меня на своемъ мѣстѣ, нашъ нервный другъ не сочтетъ этого профанаціей своего искусства, — разсмѣялся Стархенфельсъ, садясь на табуретъ у рояля.

— Не будьте злымъ, графъ, — усмѣхнулась молодая дѣвушка, украдкой слѣдя за разговаривающими на балконѣ Духовскими.

— Какія у васъ очаровательныя ножки, княжна, — лѣниво протянулъ Стархенфельсъ, больше по привычкѣ говорить комплименты, оставаясь съ глазу на глазъ съ красивой женщиной, нежели по вдохновенію, — и какія прелестныя у васъ туфельки... У меня цѣлый сундукъ обуви и нечего надѣть... Всѣ мои башмаки изношены или вышли изъ моды.

Стархенфельсъ былъ очень уменъ, но имѣлъ слабость, изъ-за часто находившей на него лѣни размышлять, говорить ужасный вздоръ, такъ сказать: въ кредитъ своего всѣми признаннаго ума.

Въ глазахъ Илоны зажглись искорки смѣха:

— Баронъ, я нахожу, что вы злоупотребляете, ставшей такой модной въ послѣднее время, манерой рисоваться своимъ разореніемъ, своею бѣдностью... Вамъ

этого совѣтъ не нужно, чтобы быть интереснымъ, — колко сказала она ему.

— Не будьте злой, княжна, — парироваль онъ ей, — а пророс злости, я недавно слышалъ очень остроумное замѣчаніе о нашемъ маэстро: кто-то сказалъ, что, когда онъ играетъ, его лѣвая рука не знаетъ о томъ, что дѣлаетъ правая... Ахъ, вотъ и онъ... Милый другъ, тороплюсь уступить вамъ ваше мѣсто.

Не глядя на него, Владиславскій сѣлъ къ роялю. Кто-то потушилъ свѣтъ и гостиная снова наполнилась полумракомъ, снова полились звуки, зарыдали аккорды.

Отсутствіе курившихъ въ саду графа Андрея и Левушки давало Илонѣ впечатлѣніе какой-то тягостной пустоты. Взглядъ ея безпрестанно направлялся къ открытой балконной двери, но когда они показались въ ней, она сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ ихъ. Оба брата вошли, неслышно ступая, и сѣли возлѣ Илоны. Графъ Андрей протянулъ ей бѣлую розу, всю закрапленную дождемъ; она приняла ее осторожно, чтобы не стряхнуть блестящихъ капель съ лепестковъ, но пальцы ея дрогнули и онъ, какъ слезы, покатались по ея рукѣ: „Это плохое предзнаменованіе...“ подумала она, охлаждая горящее лицо влажнымъ цвѣткомъ.

Владиславскій игралъ съ вдохновеніемъ, но вниманіе его немзыкальной публики уже начинало утомляться и, зная болѣзненную чуткость піаниста, княгиня съ безпокойствомъ замѣтила, что ея гости, еле слушаая его, развлекаются каждый на свой ладъ: долго и напрасно ловившая взглядъ, погрузившагося въ музыкальныя переживанія, Стархенфельса, герцогиня утѣшалась флиртомъ съ молодымъ спортсменомъ, съ которымъ она, во время прогулокъ друга своего сердца съ нѣмецкой княгиней, охотно играла въ поло, тѣннисъ и другія, болѣе опасныя игры; ея соперница, за неимѣніемъ яблока, нетерпѣливо грызла незажженную папиросу и отъ скуки улыбалась всѣмъ, кто взглядывалъ на нее. Какая-то дама полировала свои ногти перчаткой. Но самое увлекательное времяпрепровожденіе нашла одна хорошенькая американка: она бросала въ раскрытый ротъ полулежащаго около нея поклонника кусочки шоколада, которые тотъ ловилъ и глоталъ, строя

невѣроятныя гримасы. Окружающая ихъ молодежь съ большимъ интересомъ слѣдила за этимъ новымъ спортомъ и лишь съ трудомъ удерживала готовые вырваться взрывы смѣха.

Почувствовавъ отсутствіе контакта съ публикой, Владиславскій началъ нервничать и, взявъ послѣдніе аккорды, порывисто всталъ изъ-за рояля:

— Довольно...

Кто-то слишкомъ послѣшно зажегъ люстру. На губахъ піаниста промелькнула надменно - презрительная усмѣшка.

Стархенфельсъ взялъ его подъ руку:

— Спасибо. Вы дали мнѣ нѣсколько божественныхъ минутъ. Да и не мнѣ одному. Значить, вы метали вашъ бисеръ не передъ одними...

Владиславскій слабо улыбнулся и пожалъ плечами:

— Тѣмъ лучше.

— Илона, дождь уже прошелъ. Какъ быть съ фейерверкомъ? — обратился Левъ Юрьевичъ къ невѣстѣ.

— Пожалуйста, займись имъ, Левушка, и попроси нашихъ гостей подняться на террасу бібліотеки, чтобы смотрѣть на него оттуда. Я пойду сдѣлать ревизію холоднаго буфета, — отвѣтила молодая дѣвушка, направляясь въ столовую.

Тамъ, на двухъ длинныхъ, убранныхъ розовыми камеліями, столахъ, среди канделябръ севрскаго фарфора, свѣчи которыхъ живымъ и мягкимъ свѣтомъ освѣщали выдержанную въ стилѣ Людовика XV комнату и множествомъ дрожащихъ огней отражались въ огромныхъ зеркалахъ, были разставлены серебряныя блюда съ холоднымъ мясомъ, омарами, маіонезами и всевозможными закусками. Въ тонкихъ хрустальныхъ вазахъ, своею прозрачностью особенно подчеркивающихъ тяжесть и сочность плодовъ, рдѣли надтреснутыя гранаты, темнѣли синія съ темнымъ налетомъ фиги, золотились бананы.

Илона невольно залюбовалась этою, полною тонкаго очарованія красиваго прошлаго, картиною. Казалось, что вотъ-вотъ раскроются двери и въ нихъ появятся, сверкая, только-что вошедшими въ моду, брилліантами, граціозныя, напудренныя маркизы, похожія на большіе диковин-

ные цвѣты, и ихъ небрежно играющіе лорнетами кавалеры въ бѣлыхъ парикахъ и вышитыхъ камзолахъ.

Давъ послѣднія распоряженія, молодая дѣвушка вернулась въ опустѣвшую гостиную и невольно остановилась на порогѣ. Передъ нею стоялъ графъ Андрей.

— Княжна, — обратился онъ къ ней, — Левушка возложилъ на меня пріятную обязанность быть вашимъ тѣлохранителемъ и проводить васъ на лужайку, гдѣ все уже приготовлено для фейерверка. Онъ разсказалъ мнѣ, что вы всегда сами поджигаете первую ракету въ день рожденія княгини.

— Да, я дѣлаю это съ самаго дѣтства. Какъ хорошо, что прошелъ дождь, а то бы нашъ фейерверкъ упалъ въ воду.

Пройдя черезъ террасу, они вышли въ темный, весь влажный отъ грозы, душистый садъ и по узкой выстриженной аллеѣ направились къ находящейся за бесѣдкой лужайкѣ. Небо было черно и беззвѣдно; изъ-за бурой, окаймленной серебристымъ сіяніемъ тучи ярко сверкалъ ущербный мѣсяцъ.

— Мнѣ кажется, что вы ведете меня какимъ-то таинственнымъ лабиринтомъ, княжна. Помните у д'Аннунціо: „Le fil, Ariane, le fil... — для того, чтобы нарушить наступившее тягостное молчаніе, сказалъ графъ Андрей. Но Илона, до глубины души взволнованная этимъ первымъ одиночествомъ съ нимъ, не нашла въ себѣ силы отвѣтить ему банальной фразой и ставшее вдругъ свинцовымъ, затрудняющимъ движенія и дыханіе, молчаніе окончательно охватило ихъ.

„Я не симпатиченъ ей“, съ огорченіемъ думалъ графъ Андрей: „Какъ это досадно изъ-за Левушки. Но почему не удастся мнѣ затушевать ея нелюбезность? Почему я сейчасъ не могу произнести ни слова? Почему ея присутствіе такъ парализующе дѣйствуетъ на меня? Какъ все это странно и непріятно.“

Они подошли къ засыпанному землею и поросшему травой широкому рву. Его зыбкая почва была сильно размыта дождемъ и болотисто мерцала подъ луною. Илона остановилась и беспомощно взглянула на свои тоненькія туфли.

Графъ Андрей размѣлся ея растерянности и вдругъ, такъ же неожиданно для себя, какъ и для нея, приподнялъ ее съ земли и перенесъ на другую сторону. Его ускоренное дыханіе обожгло ей лицо, она каждымъ своимъ фибромъ почувствовала его прикосновеніе. Это длилось только мгновеніе; потомъ разжалось его объятіе и его сильныя руки поставили ее на землю. Послѣ этого состояніе тягостной неловкости еще услилось въ нихъ, и, не проронивъ ни слова, они двинулись дальше. Въ концѣ сада, на небольшомъ холмѣ, суеилось нѣсколько, освѣщенныхъ бенгальскимъ огнемъ, темныхъ силуэтовъ. Въ самомъ высокомъ изъ нихъ Илона узнала жениха.

— Левушка! — позвала она.

— Наконецъ-то! — отозвался его голосъ. — Илона, иди сюда скорѣе. Все готово. Вотъ свѣча. Подожги ракету.

Молодая дѣвушка машинально подожгла приколоченный къ доскѣ синій столбикъ и испуганно отскочила, когда ракета, зашипѣвъ, взвилась къ небу, какъ золотая змѣя и засыпала его блѣдно-зелеными и красными ка-метами.

— Сядь, Илона, — заботливо пододвинулъ ей Левъ Юрьевичъ какой-то пустой ящикъ.

Она устало опустила на него и глаза ея стали разсѣянно слѣдить за тѣмъ, какъ фейерверкъ огненными узорами расписывалъ тьму. Пережитое въ послѣдніе часы совершенно надомило ее, она почувствовала себя охваченной тяжелой апатіей, и какъ сомнамбула вернулась домой, присутствовала на ужинѣ, провожала съ княгиней гостей. Только когда подошелъ къ ней прощаться графъ Андрей, она снова, съ глубокимъ счастьемъ, увидѣла его лицо.

— Илона, Андрей предлагаетъ ѣхать завтра утромъ въ Коппэ, осматривать дворецъ мадамъ де Сталь, а потомъ въ Женеву завтракать, — обратился къ ней Левъ Юрьевичъ, — но я боюсь, что ты не захочешь пожертвовать намъ своею утренней работой.

— Нѣтъ, почему же...

— Bravo! Какой пріятный сюрпризъ. Андрей, ты и не подозрѣваешь, какую жертву приносить намъ Илона,

разставаясь утромъ со своей мастерской. За все мое жениховство она рѣшается на это первый разъ, — довольнымъ голосомъ воскликнулъ Левъ Юрьевичъ.

— Вотъ какъ! — вѣжливо улыбнулся графъ Андрей и сталъ прощаться.

— Наконецъ-то! — воскликнула княгиня, когда за Духовскими закрылась дверь. — Я безумно устала. А ты?

— И я, — вздохнула Илона, слѣдуя за матерью въ ея спальню, гдѣ онѣ послѣ званыхъ вечеровъ, какъ бы поздно они не кончались, любили обмѣниваться впечатлѣніями за чашкой чаю.

Илона помогла княгинѣ раздѣться, накинула на нее кимоно, уложила ее на кушетку и опустила на свое любимое мѣсто на коврѣ у ея ногъ. Онѣ долго задумчиво молчали.

— Илона, — слегка дрогнувшимъ голосомъ заговорила, наконецъ, княгиня. — Ну, какъ же понравился тебѣ графъ Андрей? По-моему, онъ очень симпатиченъ.

— Да... — вяло прозвучалъ отвѣтъ.

Наклонившись къ дочери, княгиня озабоченно заглянула ей въ глаза:

— Я нахожу, что Левушка не похожъ на него... Не похожъ, пока не сердится...

— Мама... — простонала Илона, роняя голову на ея колѣни, — мама, ты догадалась... Это граничить съ ясно-видѣніемъ... Да, я люблю Андрея... Что будетъ теперь со мною... съ моею жизнью... Мнѣ страшно...

— Можетъ быть твоя любовь къ Левушкѣ побѣдитъ твою странную мечту.

— Моя мечта превратилась въ дѣйствительность. Я люблю Андрея... любила его всегда...

— Ты стала признавать „любовь съ метафизикой“?

— Какъ же объяснить иначе, что лицо его мнѣ смутно грезилось всегда... Но почему онъ не узналъ меня... Я чувствую, что я ему чужая... ненужная...

— Онъ смотритъ на тебя, какъ на невѣсту брата... Ты для него „табу“. Онъ никогда не забудетъ этого.

— Ты такъ легко произносишь мой смертный приговоръ? — съ горькой усмѣшкой воскликнула Илона.

— Ты перестрадаешь и забудешь... Все, все забы-

вается, дорогая... Тѣсный магическій кругъ обведенъ вокругъ насъ судьбою и мы заключены въ него. Часто самыя простыя вещи, дающіяся другимъ шутя, недостижимы намъ только потому, что онѣ не входятъ въ этотъ кругъ. Такъ и счастье твое съ графомъ Андреемъ находится внѣ его. Оно не предназначено тебѣ. Будь мудрой, откажись отъ него добровольно, не истощая своихъ душевныхъ силъ на бесплодную борьбу.

— Ну, нѣтъ, я не сдамся безъ борьбы! Жизнь безъ Андрея кажется мнѣ совершенно невыносимой. Нѣтъ... нѣтъ, лучше умереть, чѣмъ жить безъ него, — Илона нервно закурила папиросу.

Княгиня провела рукою по ея волосамъ:

— Вспомни, дорогая, какъ благоразумно ты разсуждала о любви еще сегодня утромъ...

— Сегодня утромъ! Какъ это уже далеко... Сегодня утромъ я была свободной, безпечной... А теперь мнѣ кажется, что во мнѣ все разрушено... Я такъ устала... Спокойной ночи, мамочка... Не бойся за меня. Не надо. Я вѣрю въ свою счастливую звѣзду. Ты увидишь — все устроится.

Перекрестивъ мать, какъ матери крестятъ дѣтей, молодая дѣвушка усталой походкой ушла къ себѣ.

Въ комнатѣ было темно и душно. Илона вышла на балконъ и легла на соломенную кушетку. Небо прояснилось и было усыпано звѣздами. Надъ самой ея запрокинутой головою мерцало созвѣздіе Орла съ яркимъ Алтаиромъ. Выбравъ удобное положеніе, она почувствовала, что ее постепенно охватываетъ глубокое спокойствіе тихой ночи.

„Теперь мнѣ хорошо. Теперь затишье въ моей душѣ“, думала она: „но сколько страданія мнѣ предстоитъ! Вѣдь не вырвать мнѣ любви къ Андрею изъ сердца, а для него я неприкосновенная святая, — невѣста Левушки. А какъ мнѣ съ Левушкой быть? Не могу же я оставаться его невѣстой, выносить его ласки, любя его брата... Однако, порвать съ нимъ, значитъ порвать послѣднюю связь съ Андреемъ, который сейчасъ же увезетъ его въ Парижъ или Бретань, да еще возненавидитъ меня за то, что я причинила горе его „мальчику“... Тогда все будетъ

кончено... Я никогда больше не увижу его любимого лица... Ахъ, только не это!.. Я лучше возьму на себя всё униженія, всё муки, чтобы не потерять его. Ставъ женою Левушки, я всегда буду жить вблизи отъ Андрея. Можетъ быть онъ согласится жить вмѣстѣ съ нами... Мы втроемъ будемъ ѣздить верхомъ, ходить на охоту, проводить вечера у камина... Андрей будетъ говорить со мною, улыбаться мнѣ... И можетъ быть тайно любить меня..."

Илона, въ полудремѣ, предавалась этимъ первымъ, робкимъ и совершенно неистолнимымъ мечтамъ, пока не померкли звѣзды и пока не сомкнула усталость ея вѣки.

Она проснулась отъ холода въ туманные, сѣрые сумерки, охватившіе ее чувствомъ глубокой безнадежности и желаніемъ полного забвенія. Вернувшись въ комнату, она сбросила съ себя платье и, дрожа, забилась подъ пышное одѣяло.

Когда нѣсколько минутъ спустя, пришла взглянуть на нее, всю ночь молившаяся за нее, княгиня, она уже крѣпко и спокойно спала. У самыхъ ея полураскрытыхъ губъ лежала бѣлая роза графа Андрея. Княгиня бережно сняла шипы со стебля и снова положила ее на подушку у ея лица.

III

Выйдя изъ виллы „Генціана“, Духовскіе по набережной направились домой.

— Ну что же? Какъ понравилась тебѣ Илона, Андрей? — взволнованнымъ голосомъ спросилъ Левъ Юрьевичъ. — Ты находишь ее красивой?

— Красивой? Это слишкомъ банальное выраженіе для ея внѣшности. Въ княжнѣ чувствуется обаяніе сильной души... Въ ней столько женственности. Но ты писалъ мнѣ, что она задорна и весела. Я не нашель.

— Она была сегодня не совсѣмъ собою. Не такую, какъ всегда. У нея была сильная мигрень. Это придало ей что-то томное, что-то побѣжденное. Я никогда еще не видѣлъ ее такую.

— Ты не замѣтилъ, Левушка, что она немного чуждается меня?

— Андрей, я привыкъ быть съ тобою откровеннымъ во всемъ... Видишь ли, Илона ревнуетъ меня къ тебѣ. Она созналась мнѣ въ этомъ.

— Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло! — усмѣхнулся графъ Андрей. — Тогда это не опасно. Она скоро убѣдится въ томъ, что я стою внѣ вашихъ жизней, и мы станемъ друзьями.

Вернувшись въ гостиницу, братья разошлись по своимъ комнатамъ. Левъ Юрьевичъ былъ этимъ не особенно доволенъ. Ему хотѣлось еще долго говорить о своемъ счастьи, объ Илонѣ, но у Андрея былъ такой утомленный видъ, что онъ не рѣшился злоупотребить его терпѣніемъ, и, простившись съ нимъ, ушелъ къ себѣ.

„Они оба ревнуютъ меня другъ къ другу; но Андрей правъ, это конечно сгладится и мы отлично заживемъ всѣ вмѣстѣ“, думалъ онъ, засыпая счастливымъ и довольнымъ.

Въ это время графъ Андрей, нервно шатаая, ходилъ вдоль своей комнаты и курилъ папиросу за папиросой:

„Почему я такъ разстроенъ? Такъ возбужденъ?“ раздраженно спрашивалъ онъ себя: „Вѣдь все отлично складывается для Левушки. Илона дѣйствительно очаровательна. Она немного сдержанна съ женихомъ, но скрытое чувство всегда глубоко. Мой Левушка плаваетъ въ блаженствѣ... Чего же еще... Почему же сверлитъ меня какое-то замуравленное предчувствіе чего-то недобраго... Я полонъ глухого неудовольствія и тревоги. Неужели я все еще не могу свыкнуться съ мыслью, что Левушка нашелъ себѣ свое личное счастье, что мы теперь будемъ идти разными дорогами? Я долженъ побѣдить это эгоистичное чувство, иначе я отравлю моему мальчику все его юное счастье. Однако, какъ я распускаюсь... Должно быть, старѣю... Надо взять себя подъ удила...“

Вспомнивъ, что на другой день онъ не успѣетъ написать дѣловыхъ писемъ, графъ Андрей сѣлъ за письменный столъ.

Часъ спустя, онъ успокоенный и усталый растянулся на прохладной простынѣ и потушилъ свѣтъ.

На другое утро, ровно въ десять часовъ, уже готовый къ отъѣзду, Илона и княгиня услышали условный, троекратный сигналъ Левушкинаго автомобиля и поспѣшили

на его зовъ. Духовскіе встрѣтили ихъ стоя у открытаго Мерседесъ. Графъ Андрей занялъ мѣсто напротивъ Илоны.

— У васъ отличный видъ сегодня, княжна, — сказали они обернувшись къ ней въ полуоборотъ и открыто любуясь ею. — Видно, что вы отлично отдохнули за эту ночь.

— Да, я спала, какъ ящерица на солнцѣ, — размѣялась она, чувствуя, что его близость удваиваетъ ея жизненную энергію, ея радость жизни. Ей захотѣлось смѣяться, говорить, быть плѣнительной и блестящей только для него. Это удалось ей. Между ними завязался оживленный разговоръ, въ который Левушка и княгиня только изрѣдка вставляли свои замѣчанія.

— Уже? — удивленно воскликнула Илона, когда автомобиль, проѣхавъ подъ чугунными воротами, остановился у дворца мадамъ де Сталь. — Входя въ этотъ домъ, я люблю представлять себѣ, что я пріѣхавшая сюда гостить мадамъ Рекамъ и что вотъ-вотъ выйдетъ ко мнѣ навстрѣчу моя подруга, авторша „Коринны“. Я вижу ее, въ своемъ воображеніи, одѣтой въ яркія, развѣвующіяся одежды изъ индійскаго шелка и въ какомъ-нибудь живописномъ тюбанѣ... Она двигается удивительно быстро и легко... съ радостнымъ порывомъ протягиваетъ мнѣ руки...

— Что ты за фантазерка, Илона! — размѣялся Левъ Юрьевичъ, входя вслѣдъ за нею въ большую свѣтлую переднюю, съ правой стороны которой стояла мраморная фигура Неккера*), просматривающаго свои знаменитые отчеты. — Ну, если ты мадамъ Рекамъ, — я влюбленный въ тебя принцъ Августъ-Фердинандъ. Сейчасъ намъ подадутъ къ подѣзду осѣдланыхъ лошадей и мы умчимся въ горы...

Старый кастелянъ, только что разносившій за что-то швейцара, съ недовольнымъ видомъ повелъ ихъ въ первый этажъ, но Илона взяла на себя роль проводника:

— Вотъ большая гостиная, въ которой мадамъ де Сталь и ея гости проводили вечера, — шаловливо подражая за-

**) Неккеръ — отецъ мадамъ де Сталь, парижскій банкиръ и министръ.*

ученному тону проводниковъ, сказала она входя въ большую комнату. — Прошу замѣтить, что устройство комнатъ всегда зависитъ отъ условій жизни. Здѣсь, напримѣръ, вся мебель придвинута къ главной стѣнѣ, подальше отъ оконъ, отъ которыхъ навѣрно дуло въ холодные дни. Всѣ кресла сгруппированы вокругъ двухъ столовъ, на которыхъ стоятъ канделябры. Тогда освѣщеніе было такъ слабо, что всѣ стремились сѣсть поближе къ свѣту. Какъ уютно было здѣсь сидѣть въ зимніе вечера, какъ интересно и значительно было все, что здѣсь говорилось. Не мудрено, что мадамъ Рекамъэ здѣсь научилась слушать и стала „Мадонной разговора“...

— Мнѣ кажется, что вы совершенно плѣнены образомъ мадамъ де Рекамъэ, княжна? — улынулся графъ Андрей.

— Да, она была самой женственной, самой утонченной женщиной своего вѣка.

Пройдя черезъ длинный залъ, въ которомъ висѣли портреты фамилные, они вошли въ прелестную, дѣвственно-скромную комнату Жюльетты Рекамъэ. Въ ней было мало мебели: узенькая кровать подъ балдахинъ изъ узорчатой ткани, стулъ, столъ, умывальникъ съ миниатюрнымъ тазомъ и кувшиномъ.

— Что за примитивныя требованія комфорта были въ тѣ времена, — усмѣхнулся графъ Андрей, — ореолъ прекрасной Жюльетты немного тускнѣетъ для меня при мысли, что она удовлетворялась умываніемъ изъ этой скорлупы.

— Не будьте такъ строги, графъ! — воскликнула Илона. — Въ тѣ времена думали гораздо больше о духовной, чѣмъ о физической жизни. Вотъ за этимъ маленькимъ, неудобнымъ столикомъ, вѣроятно при свѣтѣ одной только свѣчи, мадамъ Рекамъэ писала свои очаровательныя письма Санъ-Беву и Шатобріану. На этой жесткой, спартанской кровати она мечтала о счастіи со своимъ принцемъ, грезила. Для этого вѣдь не надо комфорта, для этого довольно самой примитивной комнаты, самой узенькой кровати... Вѣдь на ней лежить только забытое въ такіа минуты тѣло, мысли-же витаютъ въ той сферѣ, названія которой я не знаю, но которая знакома и вамъ.

— И мнѣ нравится извѣстная простота въ привычкахъ, но физическая питіена кажется мнѣ необходимой для культурныхъ людей въ наши дни, — возразилъ графъ Андрей.

— Я нахожу, что страсть къ физической культурѣ развилась въ современныхъ женщинахъ въ ущербъ ихъ внутренней жизни, — разсмѣялась Илона. — Съ тѣхъ поръ, какъ мода обратила ихъ особенное вниманіе на ихъ тѣло, многія изъ нихъ стали жить исключительно его культомъ. Чѣмъ смѣлѣе обнажаютъ его парижскіе законодатели, тѣмъ сильнѣе поддаются онѣ его тираніи. Когда отгнѣненъ былъ высокій воротничъ, онѣ стали заботиться о красивой формѣ своей шеи, стали сосредоточивать свое вниманіе и тратить время на всевозможные массажи, на улучшение кожи. Вскорѣ исчезли и рукава: руки обнажились до плечей, короткія юбки обнаружили ноги и всѣ эти члены ихъ тѣла, которыхъ они и не чувствовали прежде, предъявили свои права, заставили ихъ ухаживать за собою. Вѣдь вся жизнь нѣкоторыхъ кокетокъ уходитъ на ихъ совершенствованіе и выставленіе на показъ. Ихъ тѣло стало деспотомъ, пожирающимъ всѣ ихъ мысли, все ихъ время... Когда я думаю объ этомъ, мнѣ особенно милъ примитивный умывальникъ моей милой Жюльетты.

— Bravo, Илона. Изъ тебя вышелъ-бы отличный адвокатъ, — воскликнулъ Левъ Юрьевичъ. — Только посмотрѣлъ-бы я на тебя, если-бы тебѣ предложили обмѣнять твою ванну и всѣ твои туалетныя принадлежности на этотъ кукольный умывальникъ.

— Не угодно-ли идти дальше? — напоминалъ о своемъ присутствіи кастелянъ.

— Пройдите прямо въ библіотеку, — бросила ему Илона. — Тамъ всегда происходили репетиціи любительскихъ спектаклей, — обратилась она къ графу Андрею. — Участвующие въ нихъ сами отставляли мебель къ стѣнамъ, свертывали ковры, устраивали сценарій.

Они вошли въ большую, не особенно свѣтлую комнату, выходящую окнами въ садъ.

— Вотъ, все это происходило здѣсь, — продолжала рассказывать, благоговѣющая передъ прошлымъ Коплэ, молодая дѣвушка. — Смотрите, графъ, всѣхъ этихъ бездѣ-

лушекъ и вещей касались руки, которыя мы только что видѣли на столькихъ портретахъ. Я думаю, что если-бы осмотрѣть въ лупу этотъ стоящій на полу большой глобусъ, на немъ нашлись-бы отпечатки ихъ пальцевъ. Какою бьющею ключомъ жизнью жили подъ этою кровлей эти гениальные люди. „И всѣ они умерли... умерли...“

— Конечность жизни вамъ кажется трагичной только изъ-за вашей молодости, княжна. Когда вы станете старше, вы поймете, какъ трагична была-бы ея безконечность, — задумчиво проговорилъ графъ Андрей.

Левъ Юрьевичъ взглянулъ на часы:

— Господа, все это очень интересно и глубоко, но уже половина первого и я адски голоденъ.

— И я, — вздохнула княгиня.

— Не отказаться-ли намъ отъ посѣщенія могилъ мадамъ де Сталь и Неккера и не поѣхать-ли прямо завтракать въ Бориважъ? — предложилъ графъ Андрей и предложение его было единодушно принято.

— Какъ живописенъ этотъ дворецъ и вся эта панорама вокругъ него, — сказала княгиня, садясь въ автомобиль. — Не странно-ли, что мадамъ де Сталь могла здѣсь тосковать по ручейку своей *rue du Bas*.

Ресторанъ отеля Бориважъ былъ переполненъ завтракающей публикой и Леву Юрьевичу только случайно удалось отвоевать столикъ у стеклянной стѣны длинной веранды.

— Посмотри, Андрей, вонъ за маленькимъ столомъ нѣсколько сидитъ господинъ въ сѣромъ костюмѣ. Это не Дупель? — обратился онъ къ брату.

— Да, я уже замѣтилъ его, — отвѣтилъ тотъ, разсѣянно выбирая закуску съ поданнаго ему гарсономъ подноса. — Но сдѣлай милость, не смотри въ его сторону. Я не переносу этого типа.

— Кто это? — спросила княгиня.

— Одинъ мой однополчанинъ. Надо отдать ему справедливость, онъ очень храбро дрался на войнѣ. Но какъ человекъ онъ мнѣ непріятенъ, — неохотно объяснилъ графъ Андрей. — Княжна, вы такъ молчаливы, — обратился онъ къ Илонѣ. — Мадамъ Рекамъ все еще зани-

масть ваши мысли? Какою вы видите ее въ своемъ воображеніи?

— Я вижу ее высокой и тонкой... Съ нѣжною, глубоко шей, дѣвственно-спокойной гордой головой. Я вижу ее Мадонной, женщиной съ бѣлой, чистой душой, созданной для воспріятія самаго прекраснаго, самаго возвышеннаго... даже божественнаго. Если-бъ она жила во времена Рафаэля, онъ написалъ-бы съ нея Богоматерь. Но ее художниками были Давидъ и Жераръ. Давидъ сумѣлъ непорочною линіей ея тѣла передать непорочность ея души, сумѣлъ подчеркнуть ея женственность мягкимъ наклономъ ея головы, поворотомъ ея узкой, опрокинутой ладонью кверху руки, положеніемъ ея босыхъ ногъ. Несмотря на это, она слишкомъ классически красива на его портретѣ. Онъ слишкомъ скульптураленъ. Форма торжествуетъ въ немъ надъ содержаніемъ. На полотнѣ Жерара Жюльетта много жизненнѣе. Что-то таинственное витаетъ надъ ея лбомъ... Глаза ея неподвижно, сосредоточенно прислушиваются къ внутренней работѣ мыслей... Она точно ждетъ откровенія...

— Илона, твой ростбифъ остылъ, — напомнилъ молодой дѣвушкѣ, не любившій длинныхъ отвлеченныхъ разговоровъ, Левъ Юрьевичъ. — Да и у Андрея твоя лекція отняла аппетитъ. Посмотри, онъ все оставилъ на тарелкѣ.

— Левушка, что за вздоръ! — неожиданно рѣзко возразилъ графъ Андрей и самъ удивился своей внезапной неприязни къ брату.

Илона примиряюще положила руку на рукавъ жениха:

— Не браните его, графъ. Онъ совершенно правъ: я становлюсь несносной, когда разговоръ заходитъ о живописи...

— Напротивъ, нашъ разговоръ былъ очень интересенъ и мнѣ досадно, что Левушка прервалъ его. У васъ удивительно сильное художественное чутье.

— Ахъ, Андрей, ты будешь въ восторгѣ отъ картинъ Илоны! — воскликнуть, очень довольный проявляющейся симпатіей между невѣстой и братомъ, Левъ Юрьевичъ. — Маленькая, ты непременно должна показать ему твой по-

слѣдній пейзажъ. Онъ отлично удался тебѣ, — покровительственно сказалъ онъ Илонѣ, какъ власть имѣющій поднося ей руку къ своимъ губамъ.

Отъ этого движенія что-то оборвалось въ груди графа Андрея. Острое раздраженіе къ брату шевельнулось въ немъ и онъ вдругъ понялъ, понялъ съ изумленіемъ и ужасомъ, что ревнуетъ къ нему Илону. Вся кровь отлила отъ его лица, но, какъ это бываетъ обыкновенно, никто изъ присутствующихъ не замѣтилъ его блѣдности. Онъ быстро овладѣлъ собою:

— Я буду очень признателенъ княжнѣ, если она пригласитъ меня въ свою мастерскую, — любезно прозвучалъ его отвѣтъ.

Однако Илона, скорѣе сердцемъ, чѣмъ слухомъ, уловила отчужденность въ его тонѣ и тонкое жало больно кольнуло ее.

Съ этой минуты общее настроеніе стало падать и одна, до тѣхъ поръ молчавшая, княгиня усиленно старалась поддерживать безпрестанно прерывающійся разговоръ.

Какъ только допить былъ черный кофе, графъ Андрей приподнялся со своего мѣста:

— Прошу извинить меня на нѣсколько минутъ, — обратился онъ къ дамамъ. — Я хочу справиться у Дуплева объ одномъ товарищѣ по полку.

Слегка поклонившись, онъ направился къ столику, за которымъ сидѣлъ господинъ въ сѣромъ костюмѣ.

— Какъ странно поведеніе Андрея! — невольно вырвалось у Льва Юрьевича. — Меня онъ просилъ даже не смотрѣть въ сторону „этого типа“, а самъ, ни съ того, ни съ сего, пошелъ разговаривать съ нимъ. Къ тому-же онъ ужасно нервничаетъ и, какъ будто, сердится на меня за что-то. Мнѣ кажется, что онъ все еще ревнуетъ меня къ тебѣ, Илона.

Молодая дѣвушка пожала плечами. На душѣ у нея стало холодно и пусто.

— Не пора-ли намъ домой? — спросила княгиня, взглянувъ на часы.

— Но, вѣдь, мы собирались пить чай въ паркѣ „des eaux vives“ — напомнилъ ей Левъ Юрьевичъ.

Она вопросительно взглянула на дочь.

— Если хочешь, — вяло уронила молодая дѣвушка.

Въ эту минуту ея безсознательно зовущій взглядъ невольно устремился на графа Андрея. Глаза ихъ встрѣтились. Онъ всталъ, и, бросивъ нѣсколько торопливыхъ словъ Дупелеву, вернулся къ своему столу.

— Андрей, по программѣ мы собирались пить чай въ паркѣ „des eaux vives“ — обратился къ нему Левъ Юрьевичъ. — Но, кажется, Илона устала...

— Нисколько, — поспѣшно перебила его, снова оживившаяся, молодая дѣвушка. — Я съ удовольствіемъ сдѣлаю эту прогулку. Я люблю этотъ паркъ ужъ за одно его названіе „Паркъ живыхъ водъ“, въ которомъ есть для меня что-то отрадное, что-то живящее, напоминающее о горныхъ ручьяхъ, водопадахъ, о цѣлыхъ потокахъ свѣжихъ, бурлящихъ водъ.

— Что у тебя за богатая фантазія, маленькая, — разсмѣялся Левъ Юрьевичъ. — Ну, что-же, идемъ, или ѣдемъ въ паркъ?

— Я, къ сожалѣнію, долженъ проститься. Дупелевъ разсказалъ мнѣ, что въ Женевѣ, въ большой нищетѣ, живетъ нашъ бывшій полковой командиръ. Я считаю своимъ долгомъ немедленно отправиться къ нему.

— Какъ досадно. Когда-же ты вернешься въ Монтрѣ? — огорченно спросилъ Левъ Юрьевичъ.

— Сегодня поздно вечеромъ, — пожавъ его руку и еще разъ склонившись передъ княгиней и Илоной, графъ Андрей вернулся къ Дупелеву.

— Это очень мило, что графъ такъ отзывчивъ къ нуждѣ своихъ друзей, — выходя подъ руку съ дочерью изъ отеля, сказала княгиня, чтобы нарушить наступившее разстроенное молчаніе.

— Андрей ужасно не нравится мнѣ сегодня, — вздохнулъ Левъ Юрьевичъ.

Молча спустившись къ находившейся напротивъ Бориважа пристани, они, какъ разъ во-время, поспѣли къ перевозившему публику на противоположный берегъ пароходку.

Сидя на узкой кожаной скамьѣ и склонившись къ прозрачной, какъ стекло, водѣ, Илона задумчиво смотрѣла въ ея изумрудно-зеленую глубину, въ которой медленно

колыхались шелковистыя водоросли, бѣлѣли камушки, мелькали вертлявыя рыбки. Иногда глаза ея бродили по водяному простору широкой и плоской бухты, поднимались къ далекой снѣжной выпшкѣ Монъ-Блана, и весь этотъ, полный необыкновенной прелести пейзажъ, всегда, даже въ самые жаркіе дни дающій впечатлѣніе свѣжести и прохлады, успокаивающе дѣйствовалъ на нее, погружая ее въ какое-то сладкое оцѣпенѣніе. Нѣсколько разъ безуспѣшно пытавшійся заговорить съ нею Левъ Юрьевичъ, печально затаивъ обиду, о чемъ-то разговаривалъ съ княгиней. Общее настроеніе становилось все неуютнѣе, и въ паркѣ „des eaux vives“ стало натянутымъ до-нельзя. Княгиня напрасно старалась оживить его, обращая вниманіе своихъ спутниковъ на красоту широкихъ, тѣнистыхъ аллей, на кружевную листву бѣлыхъ акацій, на гигантскія пальмы, на яркія цвѣточныя клумбы. Все было напрасно. Илона молчала, Левушка молчалъ.

На террасѣ чайнаго павильона было еще пусто. Не видно было ни публики, ни прислуги. Небольшой оркестръ игралъ исключительно для одной единственной, безучастно тянувшей черезъ соломинку свой мутный лимонадъ, старой англичанки.

Усадивъ своихъ дамъ за круглый столикъ подъ краснымъ садовымъ зонтомъ, Левъ Юрьевичъ пошелъ искать гарсона.

— Илона, — обратилась къ дочери княгиня, — если ты не хочешь немедленнаго разрыва съ Левушкой, возьми себя въ руки. Иначе объясненіе станетъ неизбежнымъ уже сегодня.

— Я знаю, но что-же мнѣ дѣлать? Я совершенно потеряла власть надъ собою. Если-бы ты знала, какой хаосъ во мнѣ... Ты замѣтила, какъ внезапно измѣнился ко мнѣ Андрей? Почему? Что такъ шокировало его во мнѣ?

— Я замѣтила, что настроеніе его внезапно измѣнилось, но мнѣ показалось, что онъ раздраженъ противъ Левушки.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я почувствовала, какъ его симпатія ко мнѣ внезапно оборвалась... Ахъ, вотъ идетъ Левушка... Попробую переломить себя.

Увидя пріятливую улыбку на губахъ невѣсты, Левъ

Юрьевичъ положительно ожилъ. Чтобы развлечь ее, онъ сталъ шутить, рассказывать анекдоты. Тронутая его до-вѣрjemъ и полная раскаянiя за свою безвинную измѣну ему, Илона старалась казаться веселой и спокойной. Однако, когда они сѣли въ помчавшiй ихъ обратно въ Монтрэ автомобиль, она, ссылаясь на усталость, въ изнеможенiи откинулась на подушки и закрыла глаза. Какъ сквозь сонъ слышала она голоса Левушки и княгини; слышала, какъ они говорили, что у нея плохой видъ, что хорошо, что она уснула; слышала, какъ Левушка что-то читалъ изъ русской газеты. Изрѣдка она пріоткрывала вѣки, чтобы отдать себѣ отчетъ, далеко-ли еще до Монтрэ. Такъ быстро, такъ незамѣтно профханнiй утроемъ путь казался ей теперь безконечнымъ.

Когда автомобиль остановился наконецъ у подъѣзда виллы „Генціана“, молодая дѣвушка, почувствовавъ вдругъ приливъ новыхъ силъ, легко выпрыгнула изъ лимузина.

— Ну, слава Богу, маленькая, ты, кажется, воскресла! — радостно воскликнулъ Левъ Юрьевичъ.

— Ты ошибаешься. Я безумно устала и оживилась только потому, что „почуяла конюшню“. До свиданiя, милый. До завтра.

— Я не увижу тебя сегодня вечеромъ?

— Я же говорю тебѣ, что еле стою на ногахъ... Протелефонируй мнѣ завтра утромъ. Addio!

Протянувъ ему руку, она убѣжала въ домъ.

Печально простившись съ княгиней, Левъ Юрьевичъ снова сѣлъ въ автомобиль и велѣлъ шофферу ѣхать въ Паласъ.

„Ахъ, какъ все нехорошо, какъ все нехорошо...“ — мучительно думать онъ по дорогѣ: — „Ужасно нехорошо. А главное, какъ-то неуловимо. Какъ разобраться во всѣхъ этихъ нѣмыхъ чувствахъ? Какъ понять, ревнуетъ-ли меня Илона къ Андрею, или просто обижена его страннымъ поведенiемъ... А онъ? За что онъ сердится на меня? Почему его сердечное отношенiе къ Илонѣ превратилось вдругъ въ холодную сдержанность? Объясниться мнѣ съ нимъ сегодня или лучше переждать? Лучше переждать. Можетъ быть все образуется само собою...“

IV

Илона сбросила съ себя одѣяло, повернула выключатель лампочки на ночномъ столѣ и взглянула на часы: пять часовъ утра.

„Вотъ уже восемь часовъ, какъ я безъ сна лежу въ кровати“, подумала она: „Довольно! Довольно этого валянія въ темнотѣ. Мой мозгъ переутомленъ горячечнымъ бѣтомъ все тѣхъ-же мыслей. Мускулы лба такъ ослабли, что хочется крѣпко завязать голову платкомъ. Довольно такъ мучить себя, а то вѣдь можно съ ума сойти! Да и зачѣмъ пытать себя всѣми этими безотрадными мыслями. Къ чему стараться заглянуть въ тайну будущаго, стремиться противопоставить чему-то свою „свободную волю“, когда чувствуешь, что тебя, какъ слѣпую, куда-то властно ведетъ сама судьба.“

Илона вскочила съ кровати, накинула кимоно, раскрыла ставни всю ночь оставшейся открытой балконной двери и съ наслажденіемъ вдохнула утренній воздухъ. На душѣ у нея стало проясняться, словно изгнать розовый разсвѣтъ не только тьму изъ ея комнаты, но и невидимыхъ демоновъ, мучившихъ ее всю ночь.

Нѣжные пастелевые тона зарождающагося дня были разлиты повсюду и придавали что-то необыкновенно воздушное панорамѣ горъ. Надъ просыпающимся озеромъ дымился прозрачный утренній туманъ, лучи восходящаго солнца сверкали въ немъ яркими искорками цвѣта распыленной радуги. По его опаловому фону, широко раскинувъ бѣлыя крылья и горизонтально вытянувъ длинныя шеи, пролетѣла пара лебедей. Это создало на мгновение впечатлѣніе японской живописи. Изъ сада поднимался запахъ скошенныхъ травъ; на фіолетовыхъ лепесткахъ клематисовъ, обвивающихъ балконъ, блестѣли крупныя капли росы. Природа отдохнула и съ тихою торжественностью встрѣчала новый день.

Илона потянуло на волю. Она рѣшила провести утро въ своей любимой ронской долинѣ. Вѣдь о работѣ въ мастерской теперь нечего было и думать.

Взявъ ванну, одѣвшись и написавъ записку матери, молодая дѣвушка, предвкушая удовольствіе предстоявшей

прогулки и полная утренней бодрости, выбѣжала изъ дома. У калитки ей встрѣтился булочникъ. Взявъ у него еще теплый, свѣже-испеченный хлѣбчикъ, она, пріятно ощущая упругую ритмичность своей походки, стальную силу своего молодого, здорового тѣла, спустилась на набережную. Ей пріятно было ѣсть хрустящее тѣсто, глотая вмѣстѣ съ нимъ чистый и еще влажный утренній воздухъ. Пріятно жить, дышать.

„Что за кошмарное настроеніе было у меня сегодня ночью!“ думала она: „Это потому, что я измѣнила себѣ, измѣнила своему убѣжденію въ томъ, что полное удовлетвореніе даютъ только природа и творчество. Какъ правъ былъ Ницше, проповѣдуя: „Только не привязывайтесь къ одному какому-нибудь человѣку, даже самому любимому. Каждый человѣкъ, — это тюрьма.“ Да, все, что отъ людей, связано со страданіемъ!.. Нѣтъ, нѣтъ... Я не хочу страдать, не хочу болѣть душой. Я должна порвать съ Левушкой. Можетъ быть я рѣшусь на это уже сегодня. Какъ хорошо, что сейчасъ мнѣ даже не больно объ этомъ думать. Со временемъ я успокоюсь, забуду Андрея... Стану прежней...“

Какъ четки перебирая все тѣ-же мысли, Илона быстро шла по уже оживляющемуся побережью. Внизу подъ ивами, у самой воды, рыбаки сосредоточенно разбирали свои сѣти; около Шильона молодую дѣвушку обогналъ первый, только что выпущенный изъ „Clarens-depôt“ голубой трамвай; хозяйка находившагося напротивъ замка, магазина „швейцарскихъ сувенировъ“, готовая къ приему веселыхъ ватагъ англичанокъ и американокъ, „дѣлающихъ Шильонъ“, въ одиночку или цѣлымъ роємъ, уже выставила вертящійся столбикъ своихъ яркихъ открытокъ и разставила всевозможныя бездѣлушки съ надписями „Souvenir de Chillon“.

Въ крошечномъ городкѣ „Вильневъ“, гдѣ заканчивалась линія трамвая и начиналась Ронская долина, все уже было на ногахъ: въ свѣтлыхъ домикахъ кипѣла жизнь; хозяйки вытряхали какія-то тряпки изъ оконъ; на улицахъ рѣзавшіе только что вставшія, жующія свои бутерброды, дѣти. Выйдя за городъ, Илона, минуя спускающуюся къ самому озеру тополевою рощу, направилась вглубь долины,

гдѣ стелилась надъ полями тишина, гдѣ далеко къ горизонту убѣгали голубыя дали и небо казалось особенно высокимъ надъ плоской землей. Молодой дѣвушка, выросшей въ чашѣ горъ, этотъ далекій горизонтъ равнины всегда давалъ отрадное впечатлѣніе простора и свободы. Бѣгущая между заросшими густою травою, клеверомъ, маргаритками и синими колокольчиками полями, извилистая дорога скоро привела ее въ небольшое селеніе. Всѣ его чистенькія хижинки были выбѣлены и обновлены легкими изгородями, за которыми кудрявились тѣнистыя яблони, покрытыя завязью будущихъ плодовъ и зеленѣли образцовые огородики съ цѣлыми чащами маковъ и подсолнуховъ. На многихъ заборахъ сушилось цвѣтное бѣлье, на многихъ подоконникахъ, среди герани, дремали кошки; гдѣ-то клокотали куры, откуда-то тянуло дымкомъ, пахло свѣже-испеченнымъ хлѣбомъ.

„Какая идиллія! Какой маленькій рай на взглядъ прохожаго. А если раскрыть двери этихъ избушекъ, изъ нихъ, какъ изъ ларчика Пандоры, такъ и посыпятся всѣ печали, всѣ обиды, всѣ ужасы жизни. Въдѣ тамъ, гдѣ люди, всегда страданія“, снова подумала Илона и какъ-бы въ подтвержденіе этой мысли, она вдругъ увидѣла сидящаго на колодцѣ подростка-кретина. Замѣтивъ ее, онъ захлопалъ короткими, зажатыми въ кулаки руками по колѣнямъ и идиотски засмѣялся беззубымъ, слегка искривленнымъ огромнымъ зобомъ, ртомъ. Молодая дѣвушка поспѣшно отвернулась отъ него, вся похолодѣвъ отъ безглаголиваго состраданія. Если-бъ онъ коснулся ея, она навѣрно лишилась-бы чувствъ. Не оглядываясь и не прибавляя шагу, чтобы не привлечь еще сильнѣе его вниманіе, она прошла мимо него, но долго еще чувствовала его взглядъ на своей спинѣ.

За селеніемъ, съ правой стороны дороги, потянулись фруктовые сады и полянки съ какими-то амбарами, а съ лѣвой — засѣянное поле, въ концѣ котораго, подъ непроницаемою тѣнью вѣковыхъ, развѣсистыхъ дубовъ, ютилось, густо заросшее папоротникомъ и чернымъ плющомъ, заброшенное кладбище, казавшееся какимъ-то особенно таинственнымъ, темнымъ и мрачнымъ отъ близости цѣлаго моря золотыхъ колосѣвъ и покрытыхъ цвѣтами по-

лей. Отъ кладбищенской изгороди давно не осталось и слѣда, кресты его развалились, надгробные камни раскололись, или засыпались землею и только одна изъ тѣхъ надломанныхъ мраморныхъ колоннокъ, подъ которыми швейцарцы хоронятъ молодыхъ дѣвушекъ, еще сверкала бѣлизною среди потрепальной листвы. Эта могила неизвѣстной дѣвушки казалась Илонѣ символомъ всѣхъ слишкомъ рано угасшихъ жизней и она никогда не проходила мимо нея, не положивъ сорванныхъ по дорогѣ дикихъ цвѣтовъ на ея мраморный выступъ.

Было еще прохладно. Спустившись по едва намѣченной, узкой тропинкѣ на окруженную грабниникомъ лужайку, Илона выбрала тѣнистое мѣстечко, растянулась на мягкой травѣ и небо поднялось еще выше надъ нею. Отъ залитыхъ лучами солнца ногъ ея тепло тихонько поползло по всему ея тѣлу, отогрѣвая въ ней растительные инстинкты. Она запустила пальцы въ густую, высокую траву, провела рукою по землѣ, лаская ее, какъ большого косматого звѣря.

„Моя, моя земля... Мое небо... Мои облака...“ повторяла она, съ восторгомъ отдаваясь охватившему ее порыву космической радости. Ей казалось, что она растворяется въ безмолвной тишинѣ, въ зачарованномъ одиночествѣ этой, точно забытой міромъ долины, въ которой міровая душа воплощалась въ своихъ лишенныхъ воли и импульсовъ твореніяхъ: деревьяхъ, хлѣбныхъ поляхъ, цвѣтахъ и травахъ, живущихъ не движеніемъ, не мыслью, а только тепломъ, влагою и свѣтомъ.

„Ахъ, превратиться-бы въ какую-нибудь полевую гвоздику... Тихонько кольхаться отъ легкаго вѣтерка, пить капли росы, благоухать и наконецъ увянуть въ этой нѣмой долинѣ, гдѣ даже мысли звучать слишкомъ громко...“ грезила Илона: „Какъ было-бы пріятно не думать хоть нѣсколько мгновеній... Вотъ... вотъ... мысли начинаютъ смѣшиваться, таять... Свѣтъ и тепло все сильнѣе проникаютъ въ тѣло, золотая голубизна июльскаго утра затопляетъ душу...“

Илона долго пролежала въ этомъ умиротворенномъ оцѣпенѣніи. Оно было прервано полуденнымъ звонкомъ вильневскаго колокола, мягкими звуковыми волнами дока-

тывающагося до ея слуха. Она удивленно взглянула на часы: „Уже двѣнадцать. Какъ скоро пролетѣло время. Пора домой.“ Молодая дѣвушка лѣниво встала и медленно стала подниматься по бѣлой, залитой горячими лучами солнца, дорогѣ. Надъ хлѣбнымъ полемъ, мѣрно лавируя на своихъ широко раскинутыхъ крыльяхъ, кружился, высматривающій добычу, ястребъ. Вдали, подымая клубы легкой пыли и оглушая тишину мелодичнымъ перезвономъ плоскихъ колокольчиковъ, приближалось стадо. Илонѣ показалось, что запахло парнымъ молокомъ.

— Почему вашъ скотъ не на горномъ пастбищѣ? — спросила она, поровнявшись съ вѣжливо поклонившимся ей пастухомъ.

— Видно, что мадемуазель знаетъ наши обычаи, — усмѣхнулся тотъ, очень довольный представившимся ему случаемъ поболтать. — Эти коровы совсѣмъ особенныя коровы... Онѣ принадлежатъ одной американкѣ, своими чудачествами извѣстной всей долинѣ. Она помѣшана на своихъ коровахъ. Выстроила для нихъ боксъ съ бассейномъ; доитъ ихъ всегда собственноручно. Для этой операціи я и веду ихъ сейчасъ домой. Послѣ нея, я долженъ выкупать все стадо и снова вести его на наше роскошное пастбище на берегу Роны. Если мадемуазель интересно взглянуть на „paradis des vaches“, какъ здѣшніе крестьяне называютъ нашу ферму, она можетъ сдѣлать это въ воскресенье. По праздникамъ ворота фермы всегда открыты для посѣтителей.

Илона обѣщала ему какъ-нибудь придти, дала ему папирсъ и размышляя о заблужденіяхъ добрыхъ инстинктовъ, заставляющихъ нѣкоторыхъ людей посвящать всю свою жизнь на благо кошекъ, собакъ и даже коровъ, дошла до Вильневи, гдѣ сѣла въ трамвай.

Черезъ полчаса молодая дѣвушка вернулась домой просвѣтленной и радостно-спокойной. Очищенная космическимъ экстазомъ, природой и одиночествомъ, она испытывала сильный подъемъ нравственнаго чувства и полную отчужденность отъ пережитыхъ наканунѣ волненій.

Княгиня, какъ всегда, чутко угадавъ ея настроеніе, нѣжно обняла ее:

•Илона•

— Илона, только что звонилъ Левушка. Я пригласила его и графа къ чаю.

— Отлично сдѣлала, дорогая. Я рѣшила сегодня-же объясниться съ Левушкой. Кажется у меня хватитъ на это силы...

— Ну, слава Богу, моя дѣвочка. Перестрадавъ теперь, ты избавишь себя отъ столькихъ тяжелыхъ и недостойныхъ тебя переживаній и положеній...

Илона молча поцѣловала руку матери.

Послѣ завтрака она легла отдохнуть и крѣпко проспала до чаю. Чайный столъ былъ накрытъ въ саду, подъ развѣсистой елью, усыпанной изумрудными кисточками свѣжей зелени. Около него, въ плетеномъ креслѣ, съ работою въ рукахъ, сидѣла княгиня; но она не вышивала, а внимательно наблюдала за тѣмъ, какъ у изгороди, совершенно скрытой тѣснымъ рядомъ липовыхъ деревьевъ, горничныя, весело болтая, собирали липовый цвѣтъ. Илона съ увлеченіемъ принялась помогать имъ. Забравшись въ густыя, пахучія, такъ и гудящія пчелинымъ и шмелинымъ жужжаніемъ, вѣтви, она осторожно стала срывать съ нихъ блѣдныя цвѣточки. Ей казалось, что ихъ густой, золотистый ароматъ, какъ растворившійся въ горячемъ воздухѣ медъ, сладко струится по ея пальцамъ, по ея лицу, по ея губамъ, что онъ таетъ на ея языкѣ и тихонько пьянитъ ее.

„Сейчасъ весь зной, вся сладость, вся пахучесть, вся сила лѣта вокругъ меня и во мнѣ“, думала она, замороженная этимъ представленіемъ и съ наслажденіемъ отдаваясь ему.

— Вотъ вы гдѣ, княжна, — вернулъ ее къ дѣйствительности голосъ графа Андрея, и въ душѣ ея мгновенно рухнула, воздвигнутая волей, плотина спокойствія. Ноги ея такъ задрожали, что она прислонилась къ стволу, чтобы не упасть. Графъ Андрей коснулся губами ея, молча протянутой, руки.

— Вотъ и я, маленькая, — оживленно воскликнулъ подошедшій Левъ Юрьевичъ, цѣлуя ее въ лобъ. — Ты вся продушена липовымъ запахомъ. Ну, Андрей, за работу. Ты долженъ помогать намъ въ сборѣ липоваго цвѣта на

блага твоихъ зимнихъ простудъ, отъ которыхъ мы будемъ лѣчить тебя липовымъ чаемъ.

— Что-же я не прочь, — немного натянуто отвѣтилъ Андрей и, захвативъ густую вѣтвь, спустилъ ее между собою и Илоной.

— Ахъ, пчелы эти проклятыя! — раздраженно воскликнулъ Левъ Юрьевичъ взбираясь на дерево и удобно усаживаясь на крѣпкій узловатый сукъ.

Илона дрожавшими пальцами разсѣянно обрывала цвѣты. Взглядъ ея неотрывно слѣдилъ, изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ, за движеніями мелькающихъ передъ нею въ листьѣ тонкихъ рукъ графа Андрея. На мизинцѣ его правой руки влажно сверкала рубинъ. Принявъ его за ягодный сокъ, крупная оса съ разлета опустилась на него. Молодая дѣвушка невольно отогнала ее. При этомъ рука ея коснулась руки графа Андрея. Глаза ихъ встрѣтились и они поблѣднѣли оба, но во власти своего глубокаго волненія не замѣтили ни блѣдности, ни волненія другъ друга. Онъ не поблагодарилъ ее за вниманіе, но она этого даже не замѣтила.

— Нѣтъ, это невозможно. Эти дикія насѣкомыя слишкомъ опасны! — воскликнулъ Левъ Юрьевичъ, соскакивая на землю. — Довольно съ насъ! — онъ хотѣлъ взять Илону подъ руку, но она спрыгнула съ травы, отряхнула платье, подбѣжала къ чайному столу, за которымъ Ненила Михайловна разливала чай, и сѣвъ рядомъ съ матерью, стала разсматривать ея работу.

„Что со мною?“ горячечнымъ бѣгомъ понеслись ея мысли: „Вѣдь я хотѣла порвать со всѣмъ этимъ... Вырваться изъ этихъ проклятыхъ путъ, однако они все тѣснѣе и тѣснѣе стягиваются вокругъ меня... Ахъ, только бы угадать, что думаетъ обо мнѣ Андрей, что онъ чувствуетъ...“

Илона напрягала всѣ свои душевныя силы, чтобы разгадать Андрея; но влюбленные всегда бродятъ въ темнотѣ, пока не столкнутся въ ней, и лишь при этомъ столкновеніи выясняется, разойдутся-ли они, или упадутъ другъ другу въ объятія. Этотъ жгучій хаосъ первыхъ переживаній любви пугалъ графа Андрея не менѣе Илоны. Онъ былъ изумленъ такъ неожиданно нахлынувшимъ на

него чувствомъ къ молодой дѣвушкѣ и былъ убѣжденъ въ ея полномъ равнодушіи къ нему. Только что происшедшая сценка у липы глубоко взволновала его. Онъ видѣлъ все: и приближеніе осы, и невольное движеніе Илоны, хотѣлъ поблагодарить, но когда рука ея коснулась его руки, его такъ неудержимо потянуло прильнуть губами къ ея пальцамъ и сдержанный порывъ такою спазмою сжалъ ему горло, что онъ былъ не въ силахъ произнести ни слова.

Подойдя съ братомъ къ чайному столу, онъ, стараясь не смотрѣть на молодую дѣвушку, сѣлъ напротивъ княгини и, попросивъ разрѣшенія закурить, сталъ сосредоточенно раскуривать папиросу.

— Маленькая, оставь эту работу. Займись лучше мною... — капризно протянулъ Левъ Юрьевичъ, садясь рядомъ съ невѣстой на соломенный диванъ.

— Илона, ты хотѣла показать Левушкѣ твой новый набросокъ, — сказала дочери княгиня, чтобы дать ей предлогъ уединиться съ женихомъ для рѣшительнаго объясненія.

Илона съ виноватой улыбкой взглянула на мать:

— Я не могу сейчасъ... Я покажу его ему завтра. Онъ не готовъ еще...

— Это ничего не значить. Покажи мнѣ его неготовымъ, маленькая, — сталъ просить ее Левъ Юрьевичъ, обрадованный возможностью остаться съ нею наединѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Вѣдь я-же говорю тебѣ, что онъ неготовъ, — еле сдерживая раздраженіе, отвѣтила Илона и снова виновато взглянула на мать. Та печально отвела глаза.

— Госпожа Вышкова, — доложилъ лакей.

Илона съ радостью встала навстрѣчу подругѣ. Какимъ облегченіемъ было для нея появленіе новаго лица.

— Илона, какъ хорошо, что я застала тебя дома! — воскликнула, сбѣгая со ступенекъ дома, высокая, смуглая брюнетка съ вздернутымъ носикомъ и темной родинкой на щекѣ.

Подруги обнялись.

— Мадемуазель Вышкова... Графъ Духовской, — познакомила княгиня.

— Екатерина Леонидовна, какимъ образомъ вы въ Монтрэ? Я думалъ, что вы въ Санъ-Морицѣ! — удивленно воскликнулъ Левъ Юрьевичъ.

— Я вернулась сюда только на два дня съ тысячею и однимъ порученіемъ моей „патроннѣ“. Бѣгала все утро по магазинамъ и рѣшила вознаградить себя за это визитомъ къ вамъ, княгиня.

— Я очень рада вамъ, Катлинъ. Бѣдная, какой у васъ утомленный видъ. Мадемуазель Вышкова должна была, послѣ смерти своей тети, поступить воспитательницей въ англійскую семью. Это кажется очень утомляетъ ее, — обратилась княгиня къ графу Андрею.

— Ахъ, нѣтъ, не моя дѣятельность и не моя воспитанница утомляютъ меня, а моя „патроннѣ“. Она ужасно испытываетъ мое терпѣніе своими капризами. Если-бъ я показала вамъ списокъ ея порученій, вы всѣ пришли-бы въ ужасъ. Къ тому-же у нея странная манера покупать. Вѣдь она перчатки свои выписываетъ, напримѣръ изъ Парижа черезъ парикмахера; чулки черезъ модистку, пудру черезъ башмачника; бисквиты черезъ парфюмерный магазинъ. Поэтому ей все обходится втрое дороже, и когда приходитъ сюда, оказывается не по вкусу, или не впору и послѣ истерики выбрасывается вонъ, то есть дарится мнѣ, или горничной. На дняхъ она изрѣзала ножницами чудное пари, находя его слишкомъ длиннымъ... Но довольно объ этомъ... Скажи мнѣ, Илона, что ты дѣлаешь сегодня вечеромъ?

— Не знаю...

— Илона, мы хотѣли просить княгиню и тебя обѣдать съ нами въ Паласѣ. Надѣюсь, что и Екатерина Леонидовна окажетъ намъ эту честь, — сказалъ Левъ Юрьевичъ.

— Если мама и Катлинъ согласны? Да? Ну, тогда рѣшено, — отвѣтила Илона.

— Я съ удовольствіемъ проведу вечеръ въ Паласѣ, но я должна вернуться домой, чтобы прсеодѣться, — засуетилась мадемуазель Вышкова.

— Не стоитъ, Катлинъ, надѣнь одно изъ моихъ платьевъ, — предложила Илона. — Вѣдь мы одного роста. Пойдемъ ко мнѣ.

— Ну, теперь ты исчезнешь на цѣлый часъ, Илона, — огорчился Левъ Юрьевичъ.

— Учитесь терпѣнію. Это главное достоинство хорошаго мужа, — колко бросила ему Катлинъ.

— Я уже итакъ дивлюсь, что у меня его столько, — вздохнула онъ.

— Вотъ какъ? Я и не подозрѣвала, что такъ испытываю твое терпѣніе, — немного натянуто разсмѣялась Илона. — Ты несправедливъ ко мнѣ. Я увѣрена, что это подтвердятъ всѣ присутствующіе, — ея взглядъ невольно устремился на графа Андрея.

Онъ легкой полуулыбкой любезно подчеркивалъ свое участіе въ происходящей пикировкѣ. Но какимъ далекимъ, какимъ чуждымъ показался онъ молодой дѣвушкѣ. Его упрямая замкнутость вызвала въ ней вдругъ порывъ бурнаго отчаянія. Ей захотѣлось броситься объ нее, какъ объ замуравленную дверь, биться о нее, кричать. Сознаніе своего безсилія противъ его необъяснимой власти надъ нею заставило ее поблѣднѣть.

— Маленькая, моя шутка кажется „не на шутку“ рассердила тебя, — испуганно воскликнулъ замѣтившій ея подавленное волненіе Левъ Юрьевичъ.

Илона разсѣяннo взглянула на него:

— Нисколько... Идемъ-же, Катлинъ, — взявъ подругу за руку, она повела ее въ домъ.

„Довольно... Довольно...“ твердила она про себя, поднимаясь въ свою комнату: „Сегодня-же, въ Паласѣ, объяснюсь съ Левушкой и кончится этотъ бредъ...“

— Ну, что-же ты дашь мнѣ надѣть? — спросила ее Катлинъ, подходя къ зеркалу.

— Что хочешь. Выбирай сама, — Илона раскрыла передъ нею шкафъ.

— Можно вотъ это?

— Конечно...

— Оно очаровательно. Послушай, Илона, какой интересный твой будущій beau-frère. Я отъ него безъ ума. Заняться мнѣ имъ? Удостоитъ онъ меня своимъ вниманіемъ?

— Попробуй, — не безъ ироніи повела Илона губами.

— Боюсь, что ничего не выйдетъ, — пожала плечами

Катлинъ. — Онъ кажется очень любезенъ, но близко къ себѣ не подпускаетъ. Въ такого не дай Богъ влюбиться. Однако, я все-таки попробую начать съ нимъ флиртъ.

— Не совѣтую тебѣ играть съ огнемъ, — усмѣхнулась Илона, натягивая на свои стройныя, длинныя ноги палевые шелковыя чулки.

— Пожалуй ты и права, но такъ скучно жить безъ любви.

— Жить никогда не скучно.

— Можетъ быть такъ, какъ живешь ты... Я такъ одинока. Мнѣ такъ хочется счастья, семьи и вотъ такого мужа, какъ графъ Духовской. У него, навѣрно, бѣшеный успѣхъ у женщинъ...

Послѣдняя фраза больно задѣла Илону, разбудила въ ней еще незнакомое ей чувство ревности.

„Женщины въ жизни Андрея...“ съ болью подумала она: „Да, ихъ несомнѣнно было много... Почему я воображала, что только на меня онъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе? Вотъ и Катлинъ имъ увлечена. И сколько такихъ Катлинъ въ его воспоминаніяхъ. Я взвинтила свое воображеніе до того, что моя любовь къ нему стала казаться мнѣ какимъ-то исключительнымъ, чуть-ли не „метафизическимъ“ чувствомъ. Въ дѣйствительности же оно тривиально... Да, тривиально... Я влюблена въ Андрея, какъ были влюблены въ него всѣ эти незнакомыя, ненавидимыя мнѣ женщины... Вотъ до чего я додумалась... Можетъ быть это излѣчитъ меня.“

Забывъ о присутствіи Катлинъ, Илона опустилась въ кресло передъ туалетомъ и закрыла лицо руками.

— Что съ тобою? — подбѣжала къ ней подруга.

— Что-то закружилась голова. Мнѣ уже лучше...

— Какая ты блѣдная. Но какъ идетъ къ тебѣ это коричневое, вышитое золотомъ платье.

Илона равнодушно пожала плечами:

— Ты готова? — спросила она Катлинъ.

— Кажется да. Но тебѣ-бы слѣдовало поправить волосы, Илона. Я наблюдала за тобою, ты переодѣваясь о чемъ-то думала и ни разу не взглянула на себя въ зеркало.

— Хорошо, что ты напомнила мнѣ объ этомъ.

Подойдя къ туалету, Илона поправила прическу, напудрила лицо.

— Ну, теперь кажется все въ порядкѣ. Идемъ?

— Такъ скоро? — воскликнулъ увидѣвъ ихъ Левъ Юрьевичъ. — Mesdames, безъ васъ здѣсь общимъ совѣтомъ рѣшено, что мы, „молодежь“, сейчасъ-же отправимся пѣшкомъ въ Паласъ, а княгиня пріѣдетъ туда на автомобилѣ. Итакъ въ дорогу.

Ненадолго простившись съ княгиней, все маленькое общество спустилось на набережную. Изъ близкаго сада курзала доносилась музыка. Какъ всегда въ часъ заката, озеро было тихо и торжественно. Вокругъ алѣющей, какъ кусочекъ раскаленной стали вышки „Жамана“ розовѣли тлѣющія верхушки Савойскихъ горъ. На небѣ бездвижно сверкали золотисто-багряныя облака.

— О что за солнечный апофеозъ. Что за оргія огненныхъ тоновъ! — восторженно воскликнула Катлинъ, — Илона, тебя не потянуло къ краскамъ и палитрѣ?

— Нѣтъ. Вѣдь немислимо запечатлѣть на мертвомъ полотнѣ такую мощную и живую, такую божественную красоту. Что такое самый геніально написанный пейзажъ въ сравненіи съ природой? Это то же, что искусственный цвѣтокъ въ сопоставленіи съ живымъ.

— Это ты очень хорошо сказала, маленькая, — покровительственнымъ тономъ одобрилъ Левъ Юрьевичъ, продѣвая руку Илоны подъ свою.

Еле сдерживая раздраженіе она отстранилась отъ него.

— Оставь меня, Левушка. Такъ жарко...

— Но я отвыкъ ходить одинъ, — протянулъ онъ тономъ наказаннаго ребенка.

— Тогда идите сюда, я поведу васъ, — взявъ его подъ руку, разсмѣялась Катлинъ.

Они всю дорогу поддерживали разговоръ. Графъ Андрей только изрѣдка вставлялъ какое-нибудь замѣчаніе. Илона молчала.

Закатъ быстро угасалъ: яркіе тона неба, озера и горъ таяли и блѣднѣли. Остановившійся у пристани бѣлый пароходикъ казался голубымъ въ наступающихъ сумеркахъ.

— C'est l'heure bleu... — мечтательно проговорила Катлинъ.

Всѣ смолкли охваченные элегическимъ настроеніемъ приближающагося вечера.

Изъ сада гостиницы Моннэ повѣяло сильнымъ, сладкимъ и тяжелымъ, какъ Смирскій экстрактъ, ароматомъ розъ. Изъ раскрытой двери гостиной неслись глубокіе, мятежные звуки.

— Это Владиславскій играетъ Шумана, — тихо проговорила Илона. — Послушаемъ немного.

Они остановились у калитки и неподвижно простояли у нея, пока не прозвучалъ послѣдній аккордъ. Катлинъ сдѣлала движеніе, чтобы зааплодировать. Илона удержала ея руку:

— Нѣтъ, нѣтъ... Это нарушить очарованіе музыкальной тишины.

Когда они вошли въ холлъ Паласа, княгиня уже ожидала ихъ тамъ читая газету. Левъ Юрьевичъ, взявшій на себя на этотъ вечеръ обязанности хозяина, направился въ ресторанъ.

— Voila, monsieur le comte, — подскочилъ къ нему красивый молодой гарсонъ Адольфъ, извѣстный во всемъ Монтрэ своими успѣхами у дамъ и своимъ удачнымъ подражаніемъ въ костюмахъ и манерѣ одному, живущему въ Паласѣ, принцу крови. Онъ былъ объявленнымъ женихомъ молодой голландки-милліонерши и обслуженные имъ столы считались привилегированными, такъ какъ вѣдь въ наши дни лакей, становящійся милліонеромъ, гораздо большая рѣдкость, чѣмъ бывшій милліонеръ, ставшій лакеемъ.

— Адольфъ — это модернизированный Фитаро, — смѣясь проговорила Катлинъ, когда тотъ, усадивъ ихъ за убранный розовыми тюльпанами столъ, стрѣлою помчался принимать и усаживать только что вошедшаго принца крови, своего великолѣпнаго образца.

Благодаря присутствію Катлинъ и стараніямъ княгини, обѣдъ прошелъ довольно оживленно; но Андрей и Илона не обмѣнялись ни единымъ словомъ за столомъ. Они боялись себя, боялись другъ друга. Эта холодность

между ними очень огорчала Льва Юрьевича и настроение его стало портиться.

Турецкій кофе, поданный въ мѣдныхъ чesвахъ турченкомъ Ахмедомъ, все маленькое общество перешло пить въ холлъ.

Тамъ всѣ столики были уже заняты представителями самаго изысканнаго интернаціональнаго общества: на своемъ обычномъ мѣстѣ, подъ пальмой, дряхлый венгерскій магнатъ, сеніоръ одного изъ самыхъ древнихъ маджарскихъ родовъ, сонно игралъ въ шахматы со своимъ секретаремъ, одѣтымъ въ смокингъ и свѣтло-желтые башмаки. Иногда графъ прерывалъ игру и перекидывался нѣсколькими словами съ сидѣвшей вблизи отъ него пикантной вдовушкой, прославившейся восклицаніемъ „Одинъ Богъ знаетъ, какъ я хороша.“ Этотъ флиртъ девяностолѣтняго старика очень забавлялъ окружающіхъ, но еще большее вниманіе привлекалъ къ себѣ въ этотъ вечеръ флиртъ Стархенфельса, который, близко придвинувъ свое кресло къ креслу извѣстной парижской кокетки, съ видимымъ удовольствіемъ рисовался своимъ длиннымъ и интимнымъ разговоромъ съ нею.

Старушки были шокированы, мужчины посмѣивались, но всѣ дамы, имѣющія права или претензіи на его сердце, были внѣ себя и истерично реагировали на его дерзкій вызовъ: герцогиня, откинувъ свою, уже тучную, затянутую въ высокій корсетъ фигуру на подушки кресла, нервно грызла неправдоподобно длинный, осыпанный брилліантами, мундштукъ и позволяла ухаживать за собою одному изъ тѣхъ молодыхъ людей, для которыхъ, по выраженію Стэндала, нѣтъ герцогини старше тридцати лѣтъ.

Нѣмецкая княгиня выражала свое раздраженіе тѣмъ, что вызывающе кокетничала съ подрисованнымъ голландскимъ художникомъ, о которомъ говорили, что онъ пробуетъ краски не на палитрѣ, а на своемъ лицѣ. Влюбленная до безумія въ Стархенфельса, молоденькая турчанка, его послѣдняя побѣда, укоризненно смотрѣла на него своими восточными, влажными глазами; ея всегда слегка откинута, словно оттянутая назадъ тяжестью черныхъ косъ, головка была печально наклонена къ пле-

чу: блѣдное смутное личико выражало страданіе, узкія руки теребили нитку жемчуга.

— Ахъ, какая глупенькая эта Фериде! — воскликнула наблюдавшая за нею Катлинъ. — Какъ можно такъ терять голову отъ любви, да еще отъ любви къ такому старому Ловеласу, какъ Стархенфельсъ. Къ тому-же я готова побиться объ закладъ, что онъ разговариваетъ съ этой дамой не о любви, а о какомъ-нибудь японскомъ заемѣ и потѣшается ревностью своего гарема.

Это заключеніе было такъ неожиданно и забавно, что разсмѣшило всѣхъ.

Въ залѣ бравурно заигралъ джэзъ и всѣ направились туда. Начались танцы. Музыканты играли тустепъ. Герцогиня, нетерпѣливо ударяя ладонью по столу, что-то шепнула Стархенфельсу.

— Вальсъ! — крикнулъ онъ, исполняя ея просьбу.

Капельмейстеръ-скрипачъ улыбнулся, какъ улыбаются неразумнымъ желаніямъ дѣтей, и заигралъ „Дунайскія волны“.

— Какъ въ старину наши родители радовались мазуркѣ, такъ теперь и мы, старушки, радуемся вальсу, — печально улыбнулась княгиня.

— Чтобы доказать вамъ, что вы не старушка, а молодая и граціозная женщина, я прошу у васъ этотъ танецъ, — вскочивъ съ мѣста весело проговорилъ Левъ Юрьевичъ. — А ты, Андрей, пригласи Илону.

Глаза графа Андрея внезапно сгустились, онъ слегка поблѣднѣлъ, но долженъ былъ покориться неизбежному. Подойдя къ Илонѣ онъ слегка склонился передъ нею. Не глядя на него, она положила руку на его плечо и они, легко скользя по паркету, закружились въ вальсѣ. Его рука бережно охватывала ея станъ, увѣренно и твердо направляла ее въ вихрь танца. Полная чистою и свѣтлою радостью его близости, она послушно и безмолвно слѣдовала за нимъ. Онъ чувствовалъ эту покорность, это безволие и хотъ и относилъ ихъ только къ ея манерѣ танцовать, они невольно опьяняли его, обманчиво отдавая ее въ его власть. Ея волосы порою касались его лица, ихъ нѣжный, томительный аромат прерывалъ ему дыханіе: взглядъ его не отрывался отъ ея все еще опущен-

ныхъ рѣсницъ, отъ нѣжной линіи ея лба, ея щеки и сердца его все сильнѣе и сильнѣе наполнялось чувствомъ умиленной любви.

„Милая... милая...“ думалъ онъ: „я буду любить тебя безгрѣшною любовью. Буду охранять тебя... Буду оберегать твое счастье съ Левушкой...“

Когда оборвался вальсъ, они оба точно проснулись, и, растерянно взглянувъ другъ на друга, молча вернулись на свои мѣста.

Катлинъ пересѣла съ кресла на диванъ, возлѣ Илоны.

— Послушай, — зашептала она, — я прямо въ отчаяніи. Андрей Юрьевичъ не обращаетъ на меня никакого вниманія, а я отъ него прямо безъ ума.

— Что? — непонимающимъ взглядомъ взглянула на нее молодая дѣвушка.

— Я говорю, что влюблена въ твоего будущего beau-frère'a. Посмотри, какъ идетъ къ нему его Briag-pire; своею примитивностью она особенно подчеркиваетъ изящество его руки, да и всей его фигуры. Правда?

— Да, — разсѣянно отвѣтила Илона, вся еще полная трепетомъ только-что испытаннаго волненія.

Къ княгинѣ подошелъ турченоекъ Ахмедъ.

— Автомобиль вашего сіятельства уже ждетъ у подъѣзда, — доложилъ онъ ей по-французски.

Княгиня встала.

— Уже? — разочарованно воскликнулъ Левъ Юрьевичъ. — Маленькая, останься еще немного. Мы потомъ проводимъ тебя и Екатерину Леонидовну на нашей машинѣ, — взмолился онъ.

— Нѣтъ, уже поздно. Я устала, — твердо отвѣтила Илона, жаждущая одиночества и тишины.

Ей хотѣлось на прощанье крѣпко сжать руку графа Андрея, но когда онъ подошелъ къ ней, она еле протянула ему свои, вдругъ похолодѣвшіе, пальцы.

Проводивъ княгиню и молодыхъ дѣвушекъ до экипажа, оба брата въ подавленномъ настроеніи поднялись къ себѣ наверхъ и, пожелавъ другъ другу спокойной ночи, разошлись по своимъ комнатамъ.

Левъ Юрьевичъ не на шутку былъ встревоженъ от-

чужденностью невесты, а графъ Андрей мучительно соображалъ, какъ-бы ему вырваться изъ Монтрэ и убѣжать подалеже отъ себя, отъ своей страсти, отъ Илоны.

V

Проснувшись на другое утро, послѣ плохо проведенной ночи, графъ Андрей внезапно рѣшилъ немедленно уѣхать въ Парижъ. Позвонивъ Петру, онъ далъ ему распоряженіе уложить сундукъ и взять билеты на отходящій въ пять часовъ ориѣнтъ-экспрессъ.

Это рѣшеніе сняло камень съ его души и когда вошелъ къ нему братъ, онъ почувствовалъ, что поступилъ такъ, какъ долженъ былъ поступить.

— Подумай, Левушка, — весело проговорилъ онъ, протягивая ему руку, — я долженъ сейчасъ-же выѣхать въ Парижъ. Не сердись. Только на нѣсколько дней. Ты вѣдь знаешь, что я основываю тамъ общежитіе для молодыхъ художниковъ, артистовъ и литераторовъ, которымъ назначаю стипендіи. Мой уполномоченный по этимъ дѣламъ проситъ меня пріѣхать, чтобы уладить одинъ вопросъ въ министерствѣ просвѣщенія.

— Прости, Андрей, я не вѣрю тебѣ, — съ горечью воскликнулъ Левъ Юрьевичъ. — Это только предлогъ, чтобы уѣхать отсюда. Ты не откровененъ со мною. Чѣмъ я заслужилъ твое отчужденіе? Повѣрь мнѣ, моя любовь къ Илонѣ нисколько не измѣнила моего чувства къ тебѣ. Вы одинаково дороги мнѣ, поэтому мнѣ особенно больно видѣть, какъ вы оба безпричинно ревнуете меня другъ къ другу и какъ на этой почвѣ растетъ ваша обоюдная антипатія. Въ Коппэ вы оба старались разгрызывать комедію обоюдной симпатіи, но ужъ въ Бориважѣ у васъ истощилось терпѣніе: ты сбѣжалъ, а Илона ведетъ себя съ тѣхъ поръ, какъ невмѣняемая. Вы ненавидите другъ друга. Вотъ я тебѣ, что скажу...

— Говори за княжну, мой мальчикъ. Я замѣтилъ, что она не выносить моего присутствія. Что-же касается меня...

— Нѣтъ, нѣтъ, Андрей, и ты почти рѣзокъ, почти

невѣжливъ съ нею. Ваша обоюдная холодность вытекаетъ изъ одного и того-же чувства ревности ко мнѣ. Я знаю, я наблюдалъ за вами. Илона блѣднѣетъ при одномъ твоёмъ приближеніи, она не поднимаетъ на тебя глазъ. Ты избѣгаешь говорить съ нею, смотришь на нее. Вы точно боитесь и совершенно не выносите другъ друга. Илона, какъ ты, ты какъ Илона. Ея чувство къ тебѣ совершенно то-же, какъ и твое къ ней.

Графъ Андрей поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Замолчи, Левушка. Ты не знаешь, что ты говоришь, — сорвалось съ его губъ, но онъ тотчасъ-же овладѣлъ собою и положилъ брату руку на плечо.

— Полно. Мы совсѣмъ распустили свои нервы. Можетъ быть ты и правъ; можетъ быть я и ревную тебя немного къ твоей невѣстѣ. Однако повѣрь мнѣ, что не эта ревность причина моего отъѣзда.

— Андрей, это дѣло въ министерствѣ только предложъ... Я въ этомъ увѣренъ.

— Не горячись, мой мальчикъ. Ну да, это предложъ. Ты угадалъ. Настоящая причина моего отъѣзда въ Парижъ кроется въ моей личной жизни...

— А-а-а... Понимаю... *cherchez la femme*... Ну, это другое дѣло... — оживился Левъ Юрьевичъ. — Андрей, я готовъ держать пари, что ты встрѣтишься въ Парижѣ съ маркизой Монтэцъ. Это она была причиной, что ты такъ долго не ѣхалъ сюда?

— Возможно... — неохотно процѣдилъ сквозь дымъ своей сигары графъ Андрей, раздосадованный тѣмъ, что ему приходится брать на себя этотъ вымысленный романъ, чтобы успокоить брата. — Однако довольно объ этомъ... Ты знаешь, я не люблю... Итакъ, я пробуду въ Парижѣ недѣли двѣ...

Рѣзкій сигналъ телефона прервалъ его слова. Онъ взялъ трубку.

— Халло? Да... братъ въ моей комнатѣ. Цѣлую ваши ручки, княжна...

Левъ Юрьевичъ подошелъ къ аппарату:

— Илона? Здравствуй. Страшная мигрень? Съ какихъ поръ у тебя мигрени? Когда-же я увижу тебя? Только завтра? Нѣтъ, я протестую. Это невозможно.

Что? Ахъ, слушай, Илона... Новость... Андрей уѣзжаетъ въ Парижъ... Илона? Халло! Халло! Mademoiselle, ne coupez pas! Несносныя эти старыя дѣвы на телефонной станціи. Халло? Ахъ вотъ... Илона? Я думалъ насъ разъединили. Что-же ты такъ долго молчишь? Что? Что мнѣ передать Андрею? Bon voyage? Хорошо. Онъ благодарить. Знаешь, маленькая, я сегодня все-таки зайду. Нѣтъ? Ну, хорошо. Не сердись. Завтра утромъ... Цѣлую.

Левъ Юрьевичъ огорченно положилъ трубку на никелевые рожки.

— Досадно! Илона стала такою нервной...

Раздался новый телефонный звонокъ. Левъ Юрьевичъ снова взялъ трубку.

— Халло? Ахъ, здравствуй, Нидикъ! Меня искали во всемъ отелѣ? Я сижу у Андрея. Въ чемъ дѣло? Нѣтъ, невозможно. Устройся какъ-нибудь безъ меня. Братъ уѣзжаетъ сегодня...

— Что такое? — негромко спросилъ графъ Андрей.

— Нидикъ, подожди одну минуту, — попросилъ Левъ Юрьевичъ своего незримаго собесѣдника, закрывая трубку рукой. — Это Кубскій, — объяснилъ онъ графу Андрею, — онъ женится на дочери шоколаднаго короля и проситъ меня пріѣхать сегодня на мальчишникъ.

— Поѣзжай непременно.

— Онъ проситъ пріѣхать уже къ завтраку, чтобы поѣхать съ нимъ что-то заказать.

— Ну, и отлично.

— Нѣтъ, я хочу остаться съ тобою, Андрей, до отхода твоего поѣзда.

— Да нѣтъ-же, Левушка, поѣзжай сейчасъ съ экспрессомъ въ Лозанну. Потомъ нѣтъ удобнаго сообщенія. Княжна нездорова. Что ты будешь дѣлать полдня въ Монтрѣ, въ полномъ одиночествѣ? Отвѣтъ Кубскому, что ѣдешь.

— Ты думаешь?

— Я этого требую отъ тебя, мой мальчикъ.

— Ну, покоряюсь. Халло? Нидикъ? Извини. Долженъ былъ переговорить съ братомъ. Онъ гонитъ меня

къ тебѣ. Черезъ полтора часа я въ Лозаннѣ-Паласѣ.
До скорого свиданія.

— Торопись, Левушка, тебѣ пора.

Братья обнялись.

— Желаю тебѣ счастья, Андрей, — остановился Левъ Юрьевичъ на порогѣ.

— Счастья? Ахъ, да... — чуть не выдалъ себя тотъ.

— Благодарю. Торопись, Левушка. Поѣздъ не ждетъ.

— Сдержи свое обѣщаніе, Андрей. Вернись черезъ двѣ недѣли.

— Постараюсь.

— Итакъ, до свиданія черезъ двѣ недѣли! — сдѣлавъ прощальный жестъ рукою, Левъ Юрьевичъ исчезъ за дверью.

Графъ Андрей съ облегченіемъ вздохнулъ, опустился въ глубокое кресло, закрылъ глаза и задумался:

„Какъ странно выразился Левушка. Онъ сказалъ: „Ея чувство къ тебѣ совершенно то-же, какъ и твое къ ней.“ А что если Левушка, ошибаясь только въ причинѣ нашей враждебности, угадалъ глубже того, что сумѣлъ выразить и понять? Что если и дѣйствительно одно и то-же чувство заставляетъ насъ чуждаться, избѣгать другъ друга... Вѣдь тогда Илона любитъ меня... Нѣтъ, нѣтъ... Это недопустимо... Этого не можетъ быть... Левушка говоритъ, что она боится взглянуть на меня, блѣднѣетъ при моемъ приближеніи... Я не замѣчалъ. Однако вчера она дѣйствительно не сказала со мною ни слова. Была разсѣянной, молчаливой... Когда я вспоминаю о ней, я точно теряю рассудокъ. Доживъ до сѣдыхъ волосъ я люблю въ первый разъ. И кого-же? Левушкину невесту... Илона никогда, никогда не будетъ моею... даже если любитъ меня... Любитъ? Любитъ?“ — Эта мысль дурманила его мозгъ, но онъ страстно боролся противъ нея: „Этого не должно быть“, убѣждалъ онъ себя; „Это было-бы ужаснымъ несчастьемъ для насъ всѣхъ. Моя воля не желаетъ и не допустить этого. Я долженъ раздавить эту страсть, пока она не раздавила меня. Если Илона почувствовала влеченіе ко мнѣ, она должна забыть... Но можетъ быть все это только игра моего разстроеннаго воображенія. Я долженъ еще разъ увидѣть

Илону, чтобы проверить мое чувство къ ней и выяснить ея отношеніе ко мнѣ. Пойду, сдѣлаю прощальный визитъ княгинѣ. Если Илона захочетъ меня видѣть, она покажется несмотря на свою мигрень.“

Графъ Андрей взялъ шляпу и вышелъ изъ прохладнаго отеля на полуденно-знойную набережную. Проходя мимо цвѣточницы, стоявшей у пристани, онъ увидѣлъ въ ея корзинѣ нѣсколько блѣдныхъ „Марешаль Ніэль“. Вспомнивъ слова брата о томъ, что это любимые цвѣты Илоны, онъ уступилъ непреодолимому желанію купить ихъ для нея, но тотчасъ-же пожалѣлъ объ этомъ.

„Я не могу позволить себѣ принести ей эти чайныя розы, которыя кажутся ей символомъ страсти раскаленной добѣла... Это невозможно“, думалъ онъ вдыхая мучительно-нѣжный ароматъ довѣрчиво поникшихъ полевыхъ лепестковъ, и ихъ благоуханіе, смѣшанное съ запахомъ размягченнаго отъ жары асфальта навсегда сплелся въ его памяти съ этимъ прощальнымъ визитомъ къ Илонѣ, навсегда запомнился ему, какъ запоминаются только рѣдкія сочетанія запаховъ, почувствованныхъ въ какую-нибудь особенную минуту жизни.

— Княгиня въ Лозаннѣ, но княжна дома. Я сейчасъ доложу ей, — сказалъ лакей растворяя передъ графомъ Андреемъ дверь гостиной.

Это было неожиданно. Предстоящее свиданіе наединѣ съ Илоной такъ взволновало графа Андрея, что вся кровь отлила отъ его лица. Положивъ раздражающіе его цвѣты на рояль, онъ сталъ нервно шагать отъ камина къ окну, за которымъ, придавая воздуху изумрудный отблескъ, колыхалась легкая и пышная листва альпійскаго раikitника.

Въ это время Илона, лежа въ ярко-желтой пиджамѣ на покрытомъ персидскими чепраками диванѣ своей мастерской, курила одну за другой безчисленныя папиросы, окурки которыхъ летѣли въ ониссовый жбанъ. Первые ея были въ ужасномъ состояніи. Извѣстіе объ отбѣздѣ графа Андрея повергло ее въ неистовое отчаяніе. Ей казалось, что она попала въ какую-то ловушку страданія и не находитъ изъ нея выхода. Она то намѣревалась вызвать къ себѣ графа Андрея и смѣло объясниться

съ нимъ, то усиливалась изгнать изъ памяти мучившее ее чувство, собиралась заглушить его какими-нибудь новыми впечатлѣніями, отравить его наркотиками и какою-бы то ни было цѣною вырвать его изъ своего сердца.

Легкій стукъ въ дверь заставилъ ее вскочить на ноги.

— Кто тамъ? Войдите.

На порогѣ появилась запыхавшаяся Ненила Михайловна.

— Княжна, графъ Андрей Юрьевичъ внизу. Вы их примите? — спросила она съ трудомъ переводя дыханіе.

Илона еле устояла на ногахъ, но тотчасъ-же побѣдила свою слабость.

— Конечно приму. Попросите графа подождать. Я сейчасъ приду въ гостиную.

Молодая дѣвушка поспѣшно спустилась въ свою комнату, чтобы переодѣться. Ее сжигала лихорадка нетерпѣливаго ожиданія. Все валилось изъ ея рукъ. Она долго не могла выбрать платья. Всѣ казались ей недостаточно красивыми, чтобы показаться въ нихъ сейчасъ графу Андрею. Остановившись наконецъ на легкомъ жоржетъ теплаго оттѣнка *bois de rose*, она надѣла къ нему старинное ожерелье изъ выточенныхъ лепестками блѣдно-зеленыхъ хризолитовъ. Руки ея разсѣянно искали флаконъ духовъ *Ambre antique*.

„Я объяснюсь съ Андреемъ откровенно. Пусть онъ узнаетъ, что я люблю его. Пусть рѣшить мою судьбу...“ думала Илона спускаясь съ лѣстницы.

Ея прямая натура возставала противъ неясности положенія, но вдругъ сердце ея больно сжалось и она поняла, что любовь надломила ея гордость, ея волю, что она ни словомъ не выдастъ своей тайны Андрею и пойдетъ на всѣ уступки, на всѣ сдѣлки со своею совѣстью, на всѣ нравственныя униженія, чтобы не потерять его.

Подойдя къ гостиной, молодая дѣвушка остановилась на мгновеніе, чтобы собрать въ спокойную маску привѣтливости дрожавшіе отъ волненія мускулы своего лица, чтобы утвердить на своихъ губахъ, плохо дающуюся ей въ эту минуту, спокойную, портретную улыбку. Принявъ непринужденный видъ, она неторопливо раскрыла дверь.

— Графъ, какъ любезно, что вы зашли проститься съ

нами. Мама будетъ очень жалѣть, что вы не застали ее, — сдержанно проговорила она протягивая ему руку.

Сидя въ официальныхъ позахъ они долго вели свѣтскій разговоръ, мучительно стараясь разгадать другъ друга; но оба были полны такого внутренняго смятенія, что были не въ силахъ дѣлать какихъ — нибудь выводовъ изъ своихъ наблюденій.

Чувствуя, что визитъ его слишкомъ затягивается, графъ Андрей приподнялся со стула.

— Итакъ, до свиданія, княжна. Прошу васъ передать княгинѣ мой привѣтъ.

— Благодарю.

Онъ низко склонился передъ нею и вышелъ изъ комнаты.

„Какъ быстро мелькаютъ ступени подъ моими ногами,“ думалъ онъ спускаясь съ подъѣзда „Какъ - бы не оступить. Въ какомъ я странномъ состояніи. Похоже, что страсть, которую я собирался раздавить, уже раздавила меня... Илона была холодна и спокойна. А главное, совершенно естественна. Она ко мнѣ равнодушна.“

Прощаясь съ графомъ Андреемъ, Илона все еще находилась въ легкомъ оцѣпенѣніи самогипноза, даваго ей силу поддержать фикцію отчужденной любезности разговаривая съ нимъ. Но, когда онъ исчезъ за дверью, сознаніе дѣйствительности мгновенно вернулось къ ней.

„Кончено... Все кончено. Зачѣмъ я отпустила его? Зачѣмъ разыграла эту глупую комедію и не сказала ему правды? Зачѣмъ не удержала его?“ заматались мысли въ ея головѣ.

Безумное желаніе увидѣть его, еще хотъ разъ, охватило ее, и она бросилась въ мастерскую, откуда видна была, поднимающаяся къ главной улицѣ, длинная аллея. Подбѣжавъ къ раскрытому окну, Илона перегнулась черезъ него. Глаза ея жадно устремились на удаляющійся силуэтъ графа Андрея. Вотъ онъ промелькнулъ между послѣдними деревьями аллеи.

„Сейчасъ онъ завернетъ за уголъ... Сейчасъ исчезнетъ...“ съ отчаяніемъ думала она, стараясь удержать, позвать его взглядомъ. Напрасно; онъ не обернулся, не услыхалъ ея нѣмого крика, и спокойной походкой гу-

ляющего скрылся за розовымъ зданіемъ почты. Сердце Илоны больно рванулось ему вслѣдъ.

„Кончено... Кончено...“ твердилъ ей какой - то враждебный голосъ, но все въ ней возмутилось противъ этого слова безнадежности.

„Нѣтъ, не кончено,“ топнула она ногой: „Я не сдамся. Не откажусь отъ счастья. Отреченіе придумано не для такихъ, какъ я...“

VI

На другой день, подъ вечеръ, Илона лежала въ саду, растянувшись на соломенной кушеткѣ у фонтана. Голова ея была закинута на пестрые подушки, руки теребили чайную розу. Левъ Юрьевичъ, сидя въ креслѣ напротивъ нея, что - то наигрывалъ на балалайкѣ.

— Довольно, Левушка, — капризно протянула молодая дѣвушка, — что за несносное тиликанье.

Онъ бережно положилъ балалайку на траву. Придвинулся еще ближе къ невѣстѣ, склонился къ ней:

— Илона, что съ тобою? Скажи мнѣ. Я не могу видѣть тебя такою!

— Со мною ровно ничего. У меня просто пренесносный характеръ. Вотъ и все.

— Ты такъ измѣнилась ко мнѣ.

— Твое воображеніе.

— Ты мучишь меня.

— Тогда брось меня... Я возвращаю тебѣ свободу.

— Маленькая, какъ можешь ты говорить такія жестокия вещи. Ну, прости. Не сердись на меня. Откуда у тебя этотъ цвѣтокъ?

— Графъ Андрей принесъ вчера связку „Маршаль Ніэль“... Вѣроятно, для мама; но ея не было дома и онъ положилъ цвѣты на рояль.

— Ахъ нѣтъ, Илона, они навѣрно были предназначены тебѣ. Вѣдь онъ знаетъ, что чайныя розы твои любимыя цвѣты. Я самъ сказалъ ему объ этомъ. Онъ просто забылъ тебѣ ихъ передать.

Легкій румянецъ покрылъ щеки Илоны. Она закры-

ла глаза. Легкая, чуть замѣтная, улыбка появилась на ея губахъ:

— Левушка, мнѣ хорошо сейчасъ. Такъ хорошо... — мелодично прозвучалъ ея голосъ. — Это запахъ приближающейся ночи, весь напоенный ароматомъ засыпающихъ цвѣтовъ, такъ дѣйствуетъ на меня, должно быть, — тихонько разсмѣялась она.

Ей казалось, что сердце ея оттаиваетъ и снова начинаетъ ровно биться при одной только мысли, что для нея принесъ графъ Андрей ея любимыя чайныя розы.

Обрадованный улучшеніемъ въ ея настроеніи Левъ Юрьевичъ пересѣлъ на край ея кушетки и попробовалъ завладѣть ея рукою; но она закинула ее за голову.

— Оставь меня, Левушка... Расскажи мнѣ лучше, по какому дѣлу вызвали графа Андрея въ Парижъ?

— Ахъ, я забылъ рассказать тебѣ интересную новость... Андрей полусознался мнѣ, что тамъ ждетъ его маркиза Монтець и что изъ — за нея онъ такъ долго не возвращался сюда.

Илона рѣзко приподнялась съ подушекъ:

— Кто? Кто ждетъ его тамъ?

— Маркиза Монтець, съ которой у него былъ романъ въ Токио. Ты забыла? Я — же рассказывалъ тебѣ.

— Ахъ, да... Это такъ мало интересуется меня...

— Маленькая, тебѣ не хорошо? У тебя совершенно бѣлыя губы.

Илона порывисто вскочила съ кушетки:

— Левушка, прошу тебя оставь меня въ покоѣ. Не задавай мнѣ каждую минуту вопросовъ озабоченнаго врача. Я не выношу этого. Я совершенно здорова, но у меня капризная, своевольная натура и я „закидываюсь“ иногда, по выраженію мама. Тебѣ придется съ этимъ примириться, или разстаться со мною...

— Илона, не шути такъ!

— Я не шучу.

— Илона...

Она стояла передъ нею весь дрожа отъ волненія. Ей стало жаль его. Она протянула ему руку:

— Полно, Левушка, не будемъ ссориться. Прости меня. Ну, спокойной ночи. Завтра утромъ мы съ тобою

пойдемъ играть въ гольфъ. Хорошо? — ласково взглянула она на него.

— Наконецъ - то! — обрадовался онъ. — Я ужъ давно стосковался по своимъ „дриверсъ“... Илона, еще только одно слово... Скажи мнѣ, что ты любишь меня.

— Я сейчасъ не въ настроеніи любовныхъ объясненій, а ихъ не слѣдуетъ профанировать.

Подобные діалоги часто, слишкомъ часто повторялись между ними въ послѣдующіе дни. Левъ Юрьевичъ сильно перничалъ, и на лицѣ его нерѣдко появлялось когда - то плѣнившее Илону мужественное выраженіе глубокой серьезности и твердой воли. Однако теперь оно только раздражало ее, казалось ей жалкой пародіей любимого лица и будило въ ней невыносимую тоску по Андрею.

Порою ей было жаль жениха и она старалась быть ласковой съ нимъ, но ея собственныя переживанія такъ поглощали ее, что не оставляли ей время думать о печаляхъ другихъ, даже самыхъ близкихъ людей. Ее терзало сознаніе, что она поступаетъ съ Левушкой нечестно, что она должна порвать съ нимъ. Но онъ былъ ея единственной связью съ Андреемъ и она боялась потерять его.

Чтобы меньше оставаться съ нимъ наединѣ и убить свою тоску, она, пользуясь чудесной погодой, проводила цѣлые дни на тѣннисѣ, или на гольфѣ; уставала до изнеможенія, ложилась спать въ восемь часовъ и просыпалась въ шесть, пронзенная страшною мыслью, что съ этой минуты снова принуждена начать новый мертвый день, что некуда ей скрыться отъ себя, отъ своей муки.

Какъ - то, въ дождливое, скучное воскресенье княгиня играла въ бриджъ съ Львомъ Юрьевичемъ, домашнимъ докторомъ и Ненилой Михайловной.

Илона сидѣла у окна съ книгою въ рукахъ, но она не читала. Взглядъ ея былъ устремленъ на заплаканное стекло окна, за которымъ влажно блестяли омытыя дождемъ вѣтви деревьевъ. Знакомая панорама озера и горъ вся была затянута легкими парами.

„Туманъ... туманъ... туманъ...“ съ тоскою повторяла про себя Илона.

Отвыкшая отъ неподвижности, она чувствовала се-

бя пойманной и запертой въ четырехъ стѣнахъ. Ей захотѣлось воздуха и движенія.

— Левушка, я скоро вернусь, — бросила она жениху, выходя изъ комнаты.

Тотъ молча кивнулъ головой. Онъ ужъ отучился разспрашивать и покорно переносилъ всѣ ея капризы.

Надѣвъ непромокаемое пальто, Илона фланирующей, скучающей походкой направилась къ городу. На главной улицѣ вниманіе ея было привлечено полураскрытой дверью католической церкви. Она медленно поднялась по ступенямъ и вошла въ нее. Только что кончилась обѣдня: въ воздухѣ еще виталъ теплый запахъ ладона. Прямо и трепетно горѣли свѣчи у Распятія. Илона подняла глаза на поникшее въ предсмертной мукѣ израненное чело Христа. „Просите во имя мое и дастся вамъ“, вспомнила она: „Но какъ просить тому, кто утадываетъ страшный смыслъ этихъ потрясающихъ словъ. Вѣдь они значать: „Просите въ счетъ моихъ мукъ. Я готовъ страдать все счастье міра. Пусть заполнится моими муками чаша страданія на вѣсахъ высшей, непостижимой вамъ справедливости, а чаша счастья пусть заполнится вашими радостями“. Нѣтъ, зная это, невозможно молиться передъ истекающимъ кровью сердцемъ Распятая о своемъ личномъ, такомъ земномъ счастьѣ. Оно начинаетъ казаться ничтожнымъ... И все-таки невозможна безъ него больше жизнь. Нѣтъ... невозможна...“

Илона долго стояла прислонившись къ колоннѣ и неотрывно глядя на молитвенное мерцаніе свѣчей. Потомъ, чувствуя себя какою-то застывшей и несчастной, вышла на паперть.

Дождь уже пересталъ. Легкія, быстро мѣняющія свою форму облака дымились на проясняющемся небѣ.

Заложивъ руки въ широкіе карманы своего дождевика, Илона печально направилась домой.

— Алло! Алло! Княжна! — заставилъ ее обернуться голосъ Владиславскаго.

Она протянула ему руку:

— Какъ дѣла, маэстро?

— О, я вѣдь себя! Я взбѣшенъ! Одинъ типъ мнѣ передалъ сейчасъ отвратительную сплетню. Кто - то ска-

заль, что, когда я играю, моя правая рука не знает того, что дѣлаетъ лѣвая. Это такъ разстроило меня, что я не могу работать.

Илона укоризненно покачала головой:

— Такъ нельзя, мой милый другъ. Вы должны бдителнѣе охранять вашъ внутренний міръ; міръ вашего творчества. Вы слишкомъ впечатлительны: неосторожно сказанное слово, чье - нибудь несимпатичное вамъ присутствіе и ваше душевное равновѣсіе нарушено. Вы не въ силахъ больше работать, не въ силахъ больше творить. Такая слабость преступленіе противъ вашего генія.

— Развѣ артистъ не долженъ быть впечатлительнымъ?

— Нѣтъ, онъ долженъ быть воспримчивымъ. Ваша впечатлительность — это только одна изъ формъ вашей повышенной нервности, а истинный артистъ долженъ умѣть владѣть своими нервами. Вы путаетесь каждой темной тѣни; каждый недоброжелательный отзывъ подрываетъ вашу вѣру въ себя. Мы, артисты, должны быть глухи къ пересудамъ невѣждъ, судящихъ насъ не по силѣ нашего художественнаго замысла, а по его выполнению, подверженному всегда столькимъ случайностямъ... Повторяю, мы должны быть глухи къ крикамъ толпы, которые мѣшаютъ намъ слышать голосъ нашего генія. Только полная концентрація и одиночество могутъ облегчить намъ путь на высоту. Какъ могли вы сегодня изъ - за какой-то глупой, сказанной какимъ-то неизвѣстнымъ, фразы лишить себя любимаго труда, лишить себя высшей радости — творчества.

Счастливая улыбка появилась на губахъ піаниста.

— Спасибо... Спасибо... Oh comme vous m'avez fais du bien! Я сейчасъ - же вернусь домой и сяду за рояль, — искренно проговорилъ онъ, крѣпко сжимая руку молодой дѣвушки, и ушелъ торопясь, торопясь, какъ дитя, которое боится, что кто - нибудь можетъ отнять у него только что полученный подарокъ.

Илона съ невольною улыбкой взглянула вслѣдъ его удаляющейся широкоплечей фигурѣ въ развѣвающемся черномъ плащѣ. Ей пріятно было думать, что ея слова

облегчили ему сердце, вернули ему радость чуть - было не испорченного дня.

„Въ общемъ все сказанное ему, я могла - бы отнести къ себѣ,“ думала она направляясь домой: „Я тоже перестала прислушиваться къ голосу моего генія, измѣнила благотворной привычкѣ проводить въ одиночествѣ утренніе часы, совершенно отучила себя отъ внутренняго сосредоточія, отказалась отъ радостей творчества. Однако сейчасъ во мнѣ проснулось желаніе вдохнуть запахъ масляныхъ красокъ... Желаніе писать... Начать что - нибудь новое. Мотивъ безразличенъ. Букетъ чайныхъ розъ на фонѣ закрапленного дождемъ окна, напримѣръ? Чѣмъ не аллегорія?“

Поднявшись въ мастерскую заднимъ ходомъ, чтобы ея возвращеніе осталось незамѣченнымъ Левушкой и княгиней, Илона невольно остановилась на порогѣ. Знакомая во всѣхъ подробностяхъ комната показалась ей вдругъ чуждой, почти враждебной. Мебель, эскизы и картины стояли по стѣнамъ. Все было прибрано, выметено чьеюто равнодушной рукой. Въ вазахъ не было цвѣтовъ. Кисти остыли не согрѣтыя тепломъ ея руки и она забыла ощущение ихъ формъ. Мольбертъ стоялъ на непривычномъ мѣстѣ и краски засохли и потускнѣли на начатомъ полотнѣ. Она забыла, гдѣ находилось на немъ не подававшееся ея художественному чутью больное мѣсто, гдѣ радовали ее удачные мазки.

Илона съ тоскою почувствовала, что ея слабый творческій порывъ не сможетъ одухотворить этой мертвой атмосферы мастерской, изъ которой исчезло настроеніе вдохновенной работы; почувствовала, что не въ силахъ взяться за палитру.

„Я измѣнила себѣ,“ съ невыразимой горечью думала она выходя изъ комнаты и запирая ее на ключъ: „Я измѣнила своему искусству.“

Когда Илона вошла въ столовую, всѣ уже сидѣли за столомъ. Левъ Юрьевичъ встрѣтилъ ее покорнымъ взглядомъ наказаннаго ребенка. Она стиснула отъ раздраженія зубы, но заставила себя улыбнуться ему.

Погода совершенно прояснилась, и черный кофе былъ поданъ на террасѣ. Илона сѣла въ качалку и закурила

папиросу. Левъ Юрьевичъ стоялъ рядомъ съ нею, прислонясь къ периламъ.

— Маленькая, у тебя сегодня опять совершенно блѣдныя губы, — мягко проговорилъ онъ.

— Какъ это должно быть красиво на моемъ загорѣломъ лицѣ, — усмѣхнулась она. — Оставимъ разговоръ обо мнѣ. У тебя ничего нѣтъ новаго?

— Какъ-же, письмо отъ Андрея. Представь себѣ, онъ въ Juan-les-Pins.

— Съ нею?

— Вѣроятно. Вотъ уже три недѣли, какъ онъ уѣхалъ.

Илона затянулась папиросой и закрыла глаза.

— Въ Juan-les-Pins? Тамъ чудесно. Море шипитъ, какъ шампанское, вѣетъ соленый вѣтерокъ, — мечтательно протянула она и вдругъ замолкла, пронзенная безумномъ желаніемъ, во что-бы то ни стало, очутиться въ Juan-les-Pins, своими глазами увидѣть свою муку, — графа Андрея съ этой ненавистной ей женщиной. Но главное, чтобы увидѣть графа Андрея. Это представленіе было такъ отрадно, что заглушило въ ней даже ревность и заставило забыть всѣ страданія послѣднихъ дней.

— Левушка, признаться тебѣ, почему я хандрила все это время? — съ плѣнительной задумчивостью обратилась она къ жениху — Знаешь, мнѣ ужасно надоѣло наше сонное Женевское озеро. Мнѣ такъ хочется вырваться отсюда къ морю. Похити меня и увези въ Juan-les-Pins.

Левъ Юрьевичъ разразился радостнымъ смѣхомъ:

— Нѣтъ, маленькая, я не думаю, что княгиня одобрила-бы такой преждевременный voyage de pose. Но кто намъ мѣшаетъ обвѣнчаться, хоть завтра, и уѣхать.

— Это было-бы банально. О мама не беспокойся... Я берусь уговорить ее. Ну, что-же? Ѣдемъ? Ты согласишься?

— Еще - бы! Но предупреждаю тебя, что злые языки насъ не пощадятъ, и наши „лучшіе друзья“ будутъ часто подносить тебѣ, какъ букетъ, какую - нибудь пущенную о насъ сплетню.

— На здоровье! Меня интересуютъ только сплетни о другихъ, — пожала она плечами. — Итакъ, Левушка, по-

торопись заказать намъ мѣста. Не предупреждай о нашемъ приѣздѣ графа Андрея. Пусть твой приѣздъ будетъ ему сюрпризомъ.

— Не знаю, какъ онъ это приметъ...

— Онъ будетъ въ восторгѣ прижать тебя къ груди, мой безцѣнный Левушка. Не бойся, онъ не поставитъ тебя въ уголъ...

— Илона, какъ я счастливъ, что ты вдругъ стала прежней, — смѣющейся, задорной...

Княгиня съ удивленіемъ замѣтила измѣненіе въ настроеніи дочери и съ нетерпѣніемъ ожидала минуты, когда, оставшись съ нею вдвоемъ, узнаетъ о причинѣ ея ликованія. Однако, когда молодая дѣвушка изложила ей свой планъ, она съ ужасомъ всплеснула руками:

— Илона, да вѣдь это же безуміе! Я не узнаю тебя. Вспомни о своихъ трезвыхъ взглядахъ на любовь. Вспомни о своей филиппикѣ противъ всякихъ эксцессовъ страсти въ день приѣзда графа Андрея...

— Какъ хотѣла бы я вернуть этотъ день, чтобы снова стать свободной и счастливой.

— Дѣвочка моя, умоляю тебя, опомнись. Въ угарѣ своей страсти ты не сознаешь, въ какую глубокую пропасть ты бросаешься съ головой. Подумай, что за странную роль ты берешь на себя, Илона; въ какое двусмысленное положеніе ставишь Левушку. Такія сдѣлки съ совѣстью неизмѣнно ведутъ къ самымъ страшнымъ душевнымъ конфликтамъ. Ты будешь страдать самымъ недостойнымъ страданіемъ, полнымъ униженій и презрѣній къ себѣ. Если же ты храбро откажешься отъ счастья съ графомъ Андреемъ, страданіе твое будетъ чистымъ и возвышеннымъ, гармонирующимъ съ твоимъ нравственнымъ обликомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Гётевское „Verzichten“ не для меня. Я такъ же мало хочу страдать красиво, какъ страдать некрасиво. Я хочу счастья съ Андреемъ, хочу его всѣмъ своимъ существомъ и добьюсь его...

— Я вижу только одну возможность вашего сближенія, достойную тебя. Это твой немедленный разрывъ съ Левушкой. Зная его сангвиническій, жизнерадостный темпераментъ, не надо быть пифіей, чтобы предсказать,

что, переболѣвъ свою неудачную любовь къ тебѣ, онъ утѣшится; даже женится, можетъ быть. Тогда ты перестанешь быть „табу“ для графа Андрея. Это все, конечно, затянулось бы очень долго. Тебѣ пришлось бы запастись терпѣніемъ. Ждать...

— Ждать? Ни за что! Я не могу больше прожить безъ Андрея и нѣсколькихъ дней. Я должна его увидѣть поскорѣе, взглянуть на его чудное лицо, убѣдиться, что онъ не сонъ, не мечта, а чудная дѣйствительность.

— Его можетъ шокировать твоя эскапада на Ривьеру вдвоемъ съ женихомъ. Если же онъ пойметъ причину твоего прїѣзда, онъ осудитъ тебя.

— Пускай осудитъ... А что, если и онъ любитъ меня?

— Не дѣлай себѣ иллюзій.

— Не отнимай ихъ у меня. Вѣдь безъ нихъ невозможно больше жизнь. Пойми же, пойми. Вѣдь я отравлена своей любовью къ Андрею и только его отвѣтное чувство можетъ спасти меня. Я объяснюсь съ нимъ откровенно...

— Илона...

— Да, я все скажу ему. Я не хочу вести съ нимъ тайной игры. Какъ онъ рѣшитъ, такъ и будетъ.

— Онъ никогда не нанесетъ Левушкѣ удара.

— Тогда онъ нанесетъ его мнѣ и, можетъ быть, я снесу его: но жить въ этой ужасной неизвѣстности я больше не могу!

— Илона, я дрожу за тебя. Я предвижу страшныя драмы. Обѣщай мнѣ, что въ самую тяжелую минуту ты подумаешь обо мнѣ и будешь сильной.

— Обѣщаю, моя любимая. Итакъ, ты отпускаешь меня съ миромъ?

— Мнѣ кажется, что я перестану дышать до твоего возвращенія.

Когда Левъ Юрьевичъ потребовалъ въ конторѣ международнаго общества спальныхъ вагоновъ два спальныхъ мѣста: одно въ дамскомъ купѣ, другое въ мужскомъ,

ему отвѣтили, что онъ могъ бы получить ихъ, заказавъ за недѣлю, а не наканунѣ отъѣзда.

Илона и слышать не хотѣла о такой долгой отсрочкѣ и объявила, что не прочь провести одну ночь безъ сна, чтобы поскорѣе увидѣть море.

На другой день княгиня проводила жениха и невѣсту до Женева, откуда они ночнымъ поѣздомъ тронулись на Ривьеру.

Вагонъ прямого сообщенія былъ такъ переполненъ, что имъ пришлось занять мѣста въ отдѣленіи для некурящихъ, гдѣ уже сидѣла неряшливая молодая чета съ ребенкомъ и желчный господинъ, несмотря на жару, закутанный въ пледъ.

— Пріятная перспектива на эту ночь, нечего сказать, — проворчалъ Левъ Юрьевичъ, выходя въ коридоръ покурить.

— Спать, конечно, будетъ невозможно, но вѣдь мы къ этому были подготовлены, — размѣялась Илона, вся излучавшая счастье радостнаго ожиданія, которымъ была полна.

Молодые супруги оказались русскими. Чтобы избѣжать знакомства съ несимпатичными соотечественниками, Левъ Юрьевичъ предложилъ Илонѣ говорить по-нѣмецки, но сейчасъ же былъ наказанъ за утаеніе своей національности, такъ какъ при первыхъ же его нѣмецкихъ словахъ оживился желчный господинъ у окна:

— Какъ пріятно услышать заграницей родную рѣчь, — проговорилъ онъ, коснувшись маленькой, увядшей рукой своей дорожной кэпки. — Позвольте мнѣ представиться вамъ. Я писатель Адольфъ Вернъ. Мое имя вамъ, конечно, неизвѣстно? Меня это не удивляетъ. Вѣдь, чтобы пріобрѣсти литературную извѣстность въ наши дни, нужно быть кокеткой, пишущей свои мемуары. Вотъ полюбуйтеся, *gnädige Frau*, — протянулъ онъ Илонѣ вынутую изъ кармана книгу, — полюбуйтеся этимъ „трудомъ“ извѣстной „камельи“. Передъ вами пятое изданіе этой пошлости и весь секретъ ея успѣха кроется въ томъ, что это воспоминанія. Читающая публика требуетъ теперь только переписокъ и мемуаровъ. Она не удовлетворяется больше вымышленными, даже и геніально вымы-

шленными романами. Она хочет знать имена, хочет видеть изображенія лицъ, любившихъ въ нихъ людей. Ей недостаточно учиться жизни, такъ сказать на литературныхъ препаратахъ, она хочет копошиться въ ней самой, и только тѣ писатели, которые умѣютъ стряпать ей вкусныя блюда изъ сердецъ когда-то жившихъ людей, имѣютъ успѣхъ. Ха-ха-ха... Да, подавай ей мемуары. А гдѣ ихъ взять? Все ужъ обсосано. Не только письма великихъ людей, а даже счета ихъ прачекъ изданы въ роскошныхъ изданіяхъ. Мнѣ остается только плюнуть на всякую порядочность и издать какую-нибудь сенсационную, якобы до сихъ поръ скрытую мною, любовную переписку моей прабабушки съ Фридрихомъ Великимъ. Меня будутъ оспаривать. Меня будутъ ругать и я стану знаменитъ. Мы живемъ въ ужасную эпоху!

— Но почему же вы вините въ этомъ нашу эпоху? — улынулся Левъ Юрьевичъ. — Вѣдь и во времена Гёте и Руссо мемуары и переписка были излюбленной формой литературы.

— Такъ вѣдь то была литература, — подпрыгнулъ отъ волненія на своемъ мѣстѣ старичекъ, — а теперь о литературѣ никто и не думаетъ. Теперь стремятся только къ сенсациямъ, стремятся только къ тому, чтобы ударить публикѣ книгою въ носъ.

— Однако, есть же и молодые таланты, которые даютъ литературѣ новыя, интересныя направленія, — вставила Илона.

— Я утверждаю, что нѣтъ „молодыхъ талантовъ“, — окончательно выпелъ изъ себя Адольфъ Вернъ. — Я утверждаю, что молодые не дали ничего талантливо-новаго. Талантливо-новое дали только старики Пиранделло и Шоу.

Разговоры о литературѣ, съ кѣмъ бы они ни велись, всегда увлекали Льва Юрьевича, и онъ полночи пробесѣдовалъ съ язвительнымъ писателемъ, забавляясь его злыми и мѣткими замѣчаніями.

Илона находилась въ томъ состояніи влюбленности въ жизнь, когда все кажется занимательнымъ, пріятнымъ, симпатичнымъ. Удобно устроившись въ своемъ уголкѣ, она съ интересомъ слѣдила за споромъ Левушки съ Верномъ и одновременно прислушивалась къ ведущемуся подъ

сурдинку нѣмецкаго разговора діалогу русскихъ супруговъ:

— Дождь какъ изъ ведра шелъ, а ты этой кривлякѣ мой зонтикъ отдашь, — съ упрямымъ ожесточеніемъ повторяла молодая женщина, однообразнымъ движеніемъ укачивая ребенка.

— Да нѣтъ же, — вяло возражалъ ей мужъ.

Этотъ разговоръ они, немного измѣняя интонаціи голосовъ и различно переставляя все тѣ же слова, вели въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Ребенокъ просыпался, плакалъ, родители умолкали; ребенокъ засыпалъ и родители снова возвращались все къ той же темѣ.

Только подъ утро, на разсвѣтѣ, всѣ устали и задремали наконецъ.

Илона проснулась отъ яркаго солнца, свѣтящаго ей прямо въ лицо. Поѣздъ съ рѣзкимъ свистомъ мчался мимо высокой песчаной стѣны, съ которой, вонзившись узловатыми, причудливо-искривленными корнями въ свѣтлую почву, свисали вѣчно-зеленыя морскія пиніи.

— Ты долго проспала, — коснулся Левъ Юрьевичъ руки невѣсты, — мы приближаемся къ Niers.

— Неужели? А гдѣ же наши спутники?

— Они вышли въ Марсель.

— Ахъ, какъ чудесно здѣсь пахнетъ югомъ! — воскликнула, поправляя волосы, Илона. Вынувъ изъ чемодана небольшое зеркало, она, приподнявъ брови, съ серьезнымъ вниманіемъ посмотрѣла на себя въ него, взяла пуховку и стала неторопливо пудрить ею свое лицо.

— Déjeuner! Premier service! — прокричалъ голосъ ресторанныя проводника въ коридорѣ.

— Пойдемъ завтракать, Левушка. Я безумно голодна, — жизнерадостно предложила Илона, вскакивая съ мѣста.

По нескончаемымъ, шаткимъ, запыленнымъ углемъ коридорамъ они добрались до вагона-ресторана и сѣли за маленькій столикъ у окна.

Полчаса спустя, гдѣ-то вдали, внизу засверкалъ изумрудный безкрайный водяной просторъ.

— Море! — воскликнула Илона, какъ Колумбъ когда-то воскликнулъ „Земля!“.

Съ этой минуты все вниманіе молодой дѣвушки было поглощено развѣтывающей передъ нею свою красочную киноленту южной природой. Въ ней проснулась художница. Ее приводилъ въ восторгъ и лазурный отгѣнокъ безоблачнаго неба, и богатый сине-зеленый колоритъ бурлящаго моря, усыпаннаго милліардами сверкающихъ водяныхъ брызгъ, и мѣрные ряды его пѣнистыхъ волнъ, и темные утесы, и живописныя фѣрмаціи влажныхъ скалъ, заброшенныхъ въ тихія бухты съ поверхностью воды малахитовыхъ тоновъ. Ее радовали оргіи розъ и пышныя клумбы огненной саны въ садахъ феодальныхъ виллъ, похожихъ на греческіе дворцы; каскады глициній и клематисовъ, ниспадающіе со стѣнъ розовыхъ домовъ, заканчивающихся кувшинообразными баллюстрадами наверху; воздушныя букеты бѣлыхъ и лиловыхъ растений, цвѣтушіе между разсѣлинъ скалъ, и причудливыя, точно обтянутыя блѣдно-зеленой замшей агавы, растущія между камней.

Легкіе контуры давно не виданныхъ ею южныхъ деревьевъ вызывали въ ней желаніе зарисовать всѣ эти бѣгущія мимо вагоннаго окна затѣйливыя пиніи съ приплюснутыми шапками листвы на красныхъ, странно изогнутыхъ стволахъ; роскошныя пальмы съ широко раскинутыми, изящно изогнутыми вѣтвями и печальныя, пепельно-сѣрыя оливковыя деревья, — деревья страданій Христовыхъ, съ полуизсохшими, расщепленными стволами.

— Левушка, смотри же, смотри. Это вѣдь античный, вѣчный югъ! — съ ликованіемъ твердила она.

Этотъ послѣдній, отдѣляющій ее отъ графа Андрея, день пролетѣлъ для нея пріятно и незамѣтно. Левъ Юрьевичъ былъ на верху блаженства, видя ее довольной и счастливой.

Около шести часовъ вечера ихъ поѣздъ съ легкимъ опозданіемъ прибылъ въ Juan-les-Pins. Послѣ скучной и долгой ревизіи багажа, стоимшей имъ коробки папирсовъ, отнятой у нихъ ретивымъ таможеннымъ чиновникомъ, они сѣли въ такси, быстро доставившее ихъ въ стоящій на холмѣ, надъ моремъ, и окруженный лѣсомъ пиній отель le Provençal, въ которомъ жилъ графъ Андрей.

Льву Юрьевичу случайно удалось получить для себя и Илоны двѣ, довольно отдаленныя другъ отъ друга, комна-

ты въ томъ же коридорѣ, въ которомъ находилось и помѣщеніе его брата.

Портѣ предупредительно доложилъ ему, что графъ Духовской только-что вышелъ на прогулку.

Поднявшись въ свою комнату, обтянутую блеклымъ шелкомъ, Илона стала съ помощью пожилой отельной горничной распаковывать свой сундукъ. Передавая вещи болтливой піэмонтезкѣ, для размѣщенія ихъ по шкапамъ, она задала ей нѣсколько осторожныхъ вопросовъ и въ пять минутъ узнала распредѣленіе дня графа Андрея. Утро онъ проводилъ на пляжѣ, днемъ писалъ у себя въ гостиной, а вечеромъ отправлялся въ казино.

„Странно,“ подумала Илона: „Когда же онъ видится со своей испанкой?“

— Въ какомъ этажѣ живетъ маркиза Монтець? — какъ бы вскользь спросила она горничную.

— Маркиза Монтець? — удивилась та. — Я не знаю этой дамы. Она не живетъ у насъ. Вотъ теперь все въ шкапахъ. Я могу идти?

— Да. Благодарю васъ. Зажгите люстру. Или нѣтъ, лучше не надо.

— Спокойной ночи, мадемуазель.

Открывъ двойную стеклянную дверь балкона, выходящую на море, Илона подошла къ широкимъ периламъ и облокотилась на нихъ. Уже совершенно стемнѣло; ее мягко охватила душистая мгла южной ночи, осыпанной алмазной осыпью созвѣздій и золотыми блестками далекихъ огней. Гдѣ-то внизу шелестѣла листва деревьевъ, сонно плескалось море. Молодая дѣвушка всею грудью вдохнула густой, соленый воздухъ, весь насыщенный бальзамическимъ запахомъ пиній и смѣшаннымъ ароматомъ гвоздики и розъ, вѣющимъ съ цвѣточныхъ культуръ, находящихся вокругъ Антибовъ.

„Какъ здѣсь чудесно!... Какъ упоительна жизнь...“ подумала Илона: „Только вотъ этотъ страхъ передъ встрѣчей съ Андреемъ! Мнѣ начинаетъ казаться вся эта исторія съ маркизой неправдоподобной. Андрей бѣжалъ изъ Монтрэ потому, что замѣтилъ мое чувство... Если это такъ, мой прїѣздъ сюда покажется ему неслыханнымъ. Вѣдь онъ такой пе-

дантъ. Однако, какъ мучительно мое волненіе. Сердце такъ сжимается, что трудно дышать... Пора одѣваться къ обѣду. Левушка уже ждетъ меня..“

Полчаса спустя, Илона въ бѣломъ платьѣ изъ тонкаго, почти прозрачнаго бархата, отдѣланномъ легкою гирляндою восковыхъ фрезій, поднялась по лифту на четвертый этажъ, гдѣ находились роскошные салоны и ресторанныя залы гостиницы. Пройдя длиннымъ коридоромъ съ ярко освѣщенными витринами, за зеркальными стеклами которыхъ были выставлены драгоценныя матеріи, кружева, изысканное бѣлье, духи и другія утонченныя принадлежности дамскаго туалета, она вышла на обѣденную террасу, залитую таинственнымъ свѣтомъ лунныхъ прожекторовъ, и остановилась, очарованная этой картиной изъ 1001 ночи XX-го вѣка. Ея художественный вкусъ былъ ослѣпленъ этими искусственными сумерками цвѣта расплывающагося зеленого золота, создававшими глубокіе контрасты свѣта и тѣней и покрывавшими облаженные плечи женщинъ лунной паутиной, какъ тѣло русалокъ. Тонкими лучами лунныхъ водъ сверкали брилліанты. Черные смокинги мужчинъ сливались съ мракомъ ночи, въ которомъ ярко блѣдѣли пластроны ихъ рубашекъ. На блѣдномъ фонѣ этой лунной фееріи особенно красочно выдѣлялись стоявшія на всѣхъ столахъ цвѣтныя электрическія лампочки, похожія на тлѣющіе изнутри диковинные цвѣты. Посреди террасы, подъ зонтами морскихъ линій, томно кружились пары, танцующія танго:

„Ma non ti chiromas...“ подчеркивая мелодію, пѣлъ невидимый баритонъ.

— Илона! — раздался за молодой дѣвушкой голосъ жениха.

Она обернулась, вся кровь отлила отъ ея сердца: передъ нею стояли оба брата.

— Княжна, я такъ изумленъ „сюрпризомъ“ Левушки, что даже не нахожу подходящихъ словъ, чтобы привѣтствовать васъ, — цѣлуя ея руку, сказалъ графъ Андрей.

— Вы навѣрно находите нашу эскападу непроизвольной, графъ? — заставила себя разсмѣяться Илона.

— Нѣтъ... это очень по-американски... Очень

„смартъ“, — любезно отвѣтилъ онъ, но въ голосѣ его звучала натянутость.

— Подумай, Илона, какая незадача! Андрей непременно долженъ выѣхать уже завтра утромъ въ Парижъ! — оторченно воскликнулъ Левъ Юрьевичъ.

— Да. Очень жаль. Если бы я зналъ... — чуть пожалъ плечами графъ Андрей.

— Ты не можешь отложить твой отъѣздъ?

— Нѣтъ, никакимъ образомъ. Я ужъ назначилъ тамъ одно очень важное свиданіе. Но не пройти ли намъ къ нашему столику? Гораздо пріятнѣе разговаривать сидя.

Появленіе Илоны привлекло всеобщее вниманіе. Ея оригинальная красота такъ сильно отдѣлялась отъ типа красоты находящихся здѣсь женщинъ, причесанныхъ, подкрашенныхъ на одинъ шаблонъ, что на нее устремились всѣ взгляды. Обыкновенно ей нравилось читать восхищеніе въ глазахъ, но на этотъ разъ она такъ была полна своими переживаніями, что даже не замѣтила произведеннаго впечатлѣнія. Въ ней все сильнѣе назрѣвала увѣренность, что графъ Андрей разгадалъ ее и своимъ отъѣздомъ холодно парируетъ атаку ея пріѣзда.

„Я должна удержать его во что бы то ни стало. Если онъ уѣдетъ, разобьется моя жизнь,“ думала она, устремивъ невидящія глаза на танцующихъ.

— Илона, вотъ меню, — протянулъ ей Левъ Юрьевичъ длинный картонъ.

Она сдѣлала отстраняющее движеніе рукой:

— Закажи мнѣ что-нибудь легкое.

— Излюбленное меню здѣшнихъ дамъ, стремящихся сохранить линію, — это: на первое блюдо тарелочка икры, на второе нѣсколько редисокъ, на третье грапъ-фрюи. Это ихъ полный пансіонъ, за который онѣ платятъ бѣшенныя деньги, — разсмѣялся графъ Андрей.

Илона взглянула на него и выраженіе необычайной мягкости, промелькнувшее на его строгомъ лицѣ, залило горячей волной ея сердце.

— Левушка, какой добрый вѣтеръ тебя сюда занесъ? — громко воскликнулъ, подходя къ столу Духовскихъ, широкоплечій, краснощекій, непріятно шурящійся, брюнетъ.

— Патрикъ? Я могу задать тебѣ тотъ же вопросъ. Миѣ говорили, что ты застрѣлъ въ Галлиполи.

— Да, я тамъ быу и медъ пиу. Но вотъ уже два года, какъ я здѣсь загребаю деньгу.

— Вотъ какъ? Патрикъ, я хочу представить тебя моей невѣстѣ. Илона, — баронъ Нольденъ, мой товарищъ по пажескому корпусу. Андрей, ты вѣдь знакомъ?

— Какъ же! Я зналъ барона мальчикомъ.

— Ты одинъ здѣсь, Патрикъ? — спросилъ Левъ Юрьевичъ. — Тогда присаживайся къ намъ.

— Съ удовольствіемъ.

— Ты только что сказалъ, что загребаешь деньгу? Какъ же ты это дѣлаешь?

— Да, Côte d'Azur, это зѣтое дно, для спортсмена и чеуовѣка не безъ уовкости. Я даю уроки „въ маленькіе сроки и очень дорого беру“. Учѣ коронованныхъ особъ играть въ поуо, здѣсь поблизости въ Каннѣ. Немного подальше, въ Ниццѣ, въ Lawn tennis Club парка Имперіаль даю уроки тѣнниса моуадымъ красивымъ женщинамъ. Еще дальше, въ Рокбрюннѣ, въ куубѣ „La Festa“ на утесѣ, я посвящаю знатныхъ и богатыхъ старухъ въ таинства бриджа, а здѣсь, на пляжѣ, я изнуряю гимнастической уюбителей culture physique, и учѣ ихъ пуавать. Моя спеціальность, это — „crawl“, — со смакомъ, точно обсасывая каждое слово, высчитывалъ онъ, закладывая волосатые пальцы, — кромѣ того у меня можно научиться русскому, англійскому и ффранцузскому языку.

— Кто же учится здѣсь у тебя говорить по-французски? — удивился Левъ Юрьевичъ.

— Мой самый хлѣбный ученикъ, — нашъ компатріотъ, — еврей Самуиу Апоуоновичъ Зильбергъ.

— Большевикъ? — спросила Илона.

— Говоритъ, что нѣтъ, но дѣуаетъ дѣуа съ „совѣтской“ Россіей.

— И тебѣ не противно имѣть дѣло съ такимъ типомъ? — спросилъ Левъ Юрьевичъ.

— Нѣтъ, онъ забавляетъ меня. Его семья — это сборникъ живыхъ каррикатуръ. Да и вообще здѣсь много курьезныхъ фигуръ. Интереснѣе всего наблюдать ихъ въ казино за баккара. Тамъ можно встрѣтить и развѣн-

чанныхъ королей, и коронованныхъ манекеновъ, и восточныхъ принцевъ... Что ты дѣлаешь сегодня вечеромъ, Левушка?

— Не знаю. Илона? Андрей? Какіе у васъ планы?

— Пусть рѣшитъ княжна, — любезно проговорилъ графъ Андрей.

— Мнѣ безразлично, — флегматично отвѣтила Илона, — Я непрочъ взглянуть на туалеты въ игорномъ залѣ.

— Тогда води насъ туда, Патрикъ, — довольнымъ голосомъ сказалъ Левъ Юрьевичъ.

Выйдя изъ гостиницы, они медленнымъ шагомъ направились въ казино. Мужчины курили и перекидывались незначительными словами. Илона нервно куталась въ свою „лѣтнюю“ горностаевую шубу и лихорадочно соображала, какъ бы устроить такъ, чтобы остаться, хоть нѣсколько минутъ, наединѣ съ Андреемъ. Близость его отъѣзда отнимала у нея почву подъ ногами. Она чувствовала, что онъ ускользаетъ отъ нея, и совершенно теряла голову, не знала, какъ поступить, что сказать ему, чтобы удержать его въ Juan-les-Pins.

„Для осторожной тактики не осталось время,“ лихорадочно соображала она: „Если я не объяснюсь съ нимъ сегодня, сейчасъ, все потеряно. Я должна дѣйствовать немедленно, даже, если это и погубить все...“

Она остановилась:

— Левушка, — обратилась она къ жениху, — я раздумала идти въ казино. Я слишкомъ устала; но ты непремѣнно ступай. Тебѣ необходимо развлечься послѣ скучнаго Террита. Можетъ быть Андрей Юрьевичъ будетъ такъ любезенъ пройтись со мною немного и проводить меня домой.

Графъ Андрей молча поклонился. Левъ Юрьевичъ почелъ своимъ долгомъ запротестовать, но его очень тянуло въ залъ баккара и онъ не безъ удовольствія покорился желанію невѣсты.

Простившись съ нимъ и барономъ Нольде, Илона и графъ Андрей молча спустились на набережную и сѣли на скамью. Они были такъ взволнованы оба, что забыли о свѣтскихъ условностяхъ и странность воцарившагося между ними безмолвія не доходила до ихъ сознанія.

Графъ Андрей неотрывнымъ взглядомъ смотрѣлъ на чистый профиль молодой дѣвушки, на широкія волны ея отливающихъ мѣдью волосъ, и въ сердцѣ его больно горѣла затаенная страсть.

Глаза Илоны были задумчиво устремлены на темный горизонтъ, въ которомъ то загорались, то угасали созвѣздія, затушенные пробѣгающимъ по нимъ яркимъ снопомъ свѣта далекаго маяка.

— Говорятъ, что откровенность лучшая дипломатія, графъ, — сиюсь быть спокойной, проговорила она наконецъ. — Я хочу быть откровенной съ вами... задать вамъ нѣсколько очень важныхъ для меня вопросовъ... Вамъ это не будетъ непріятно?

— Напротивъ. Я безконечно тронутъ довѣріемъ... невѣсты моего брата, — съ болѣзненнымъ желаніемъ страдать еще больше, отвѣтилъ онъ.

— Вы цѣните мое довѣріе только потому... что я невѣста вашего брата? — вспыхнула Илона. — Тогда я предпочитаю прекратить этотъ разговоръ.

Графъ Андрей поблѣднѣлъ, понявъ скрытый смыслъ этихъ словъ и почувствовавъ, что опасность, которой онъ смутно боялся весь этотъ вечеръ, внезапно надвигается на него и что онъ безсиленъ ее предотвратить.

„Я начала не такъ“, думала Илона, теряя мысли отъ волненія, „мой тонъ слишкомъ неровенъ, слишкомъ вымученъ. Онъ долженъ стать легче, непринужденнѣе“.

— Вы молчите, графъ? — заставила она себя улыбнуться. — Молчаніе знакъ согласія. Итакъ я начинаю свое интервью. Вотъ мой первый вопросъ: почему вы уѣхали изъ Монтрэ?

—

— Вы не отвѣчаете? Я помогу вамъ. Васъ ждала въ Парижѣ маркиза Монтець?

— Нѣтъ.

Сердце Илоны остановилось, потомъ бѣшено забилось. Она заглянула графу Андрею въ лицо.

— Вы любите маркизу?

— Нѣтъ.

— Когда вы видѣли ее въ послѣдній разъ?

— Въ Японіи.

— Значить, не она ждала васъ въ Парижѣ?

— Меня никто не ждалъ въ Парижѣ.

— Тогда почему же вы уѣхали изъ Монтрэ? Почему? Я хочу... я должна это узнать... Ваши губы крѣпко сжаты. Ничто не заставитъ васъ сказать мнѣ правды... Ну, такъ я скажу вамъ ее. Вы бѣжали... Да, бѣжали изъ Монтрэ, потому... что угадали... угадали мое чувство... къ вамъ.

Глухое рыданіе вырвалось изъ груди Илоны. Она закрыла лицо руками.

— Вы для меня табу, княжна, и должны это знать... — глухо произнесъ графъ Андрей.

— Какъ спокойно вы это говорите! О, я знаю, что вы равнодушны ко мнѣ. Но что же мнѣ дѣлать? Развѣ я хотѣла этой любви? Она вошла въ меня, какъ болѣзнь, разрушаетъ мой внутренній міръ, губитъ мое творчество... Я бросилась вамъ вслѣдъ, надѣясь получить отъ вашей близости, если не исцѣленіе, то облегченіе отъ моихъ мукъ. Я была бы счастлива однимъ вашимъ присутствіемъ, но мысль о томъ, что вы завтра снова исчезнете изъ моей жизни, заставила меня выдать себя. Я не могу больше молчать.

Она говорила какъ въ бреду, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Вся душа графа Андрея рванулась къ ней; отъ желанія обнять ее у него закружилась голова, но онъ пересилилъ себя и, тихонько взявъ ее руку, на мгновеніе приникъ къ ней губами.

— Я никогда не забуду этой минуты, Илона... Но я долженъ, долженъ уѣхать...

— Нѣтъ. Останьтесь... Я сумѣю заставить васъ забыть о томъ, что вы сейчасъ слыхали. Я останусь невѣстой Левушки... Но дайте мнѣ на это силы своимъ присутствіемъ. Вѣдь я не прошу васъ о взаимности, а только о поддержкѣ... Что потеряетъ Левушка отъ того, что я буду меньше страдать? Останьтесь... Можетъ быть я скоро и сама попрошу васъ уѣхать. Но сейчасъ я нахожусь въ такой болѣзненной экзальтаціи, что не представляю себѣ, какъ переживу вашъ отъѣздъ. Сдѣлайте мнѣ уступку, останьтесь здѣсь еще хоть недѣлю...

— Илона, я въ отчаяніи оттого, что не могу отвѣ-

тить, какъ бы хотѣлъ... Но если вамъ нужна моя дружба, я останусь здѣсь, пока вы сами не прогоните меня...

— Спасибо... — освобожденно вздохнула Илона, откидываясь на спинку скамьи.

Отъ этого движенія слегка распахнулась ея шуба, и на графа Андрея повѣяло душистымъ тепломъ ея тѣла. Онъ стиснулъ зубы. Всталъ.

— Вы навѣрно устали, княжна. Я провожу васъ до отеля, — осторожнымъ голосомъ, словно боясь сдѣлать ей больно, сказалъ онъ.

Она медленно приподнялась, тѣснѣе обернулась въ шубу. Угаръ ея волненія сталъ разсѣиваться и ей казалось, что она просыпается отъ какого-то тяжелого, уже забытаго сна, оставившаго въ ней горькій привкусъ униженія.

— Нѣтъ, не провожайте меня. Мнѣ сейчасъ необходимо одиночество, — холодно, чуть свысока отвѣтила она.

Онъ низко поклонился.

Илона вернулась къ себѣ, опустошенной, съ выгорѣвшей душой и смертельно израненной гордостью. Горечь непролитыхъ слезъ душила ее.

„Какъ права была мама, предвидя, что мнѣ предстоятъ страданія, полныя презрѣнія къ себѣ,“ думала она. „И все же... лучше самая унижительная мука съ Андреемъ, чѣмъ „красивое возвышающее страданіе“ безъ него...

VII

Сангвиническій темпъ жизни на Ривьерѣ быстро захватилъ Илону и какъ нельзя лучше подошелъ къ ея настроенію. Ей нравилось, что расписаніе ея дня, составленное по кодексу свѣтскихъ привычекъ обитателей Juan-les-Pins, не оставляетъ ей времени задумываться и избавляетъ ее отъ тягостнаго одиночества съ женихомъ, а главное, позволяетъ ей быть почти неразлучной съ графомъ Андреемъ, повсюду сопровождающимъ ее и Левушку.

Все утро они посвящали плаванію, или верховой ѣздѣ. Послѣ завтрака позволяли себѣ недолгій отдыхъ, потомъ голубая Минерва графа Андрея мчала ихъ то на состязаніе

автомобилей, то на регатту въ Каннѣ, то на теннисный турниръ въ Ниццу, или въ Монтэ-Карло, гдѣ Левъ Юрьевичъ очень увлекался игрой въ рулетку.

Илонѣ и графу Андрею нерѣдко приходилось оставаться вдвоемъ, но это не пугало ихъ. Они безукоризненно владѣли собою: онъ былъ серьезенъ и спокоенъ, какъ всегда, она — непринужденна и равна. Ничто въ ея поведеніи не напоминало ему объ ихъ мучительномъ объясненіи въ день ея пріѣзда. Она съ такимъ совершенствомъ поддерживала фикцію равнодушія къ нему, что порою ея охлажденіе казалось ему несомнѣннымъ и это заставляло его страдать. Жизнь стала казаться ему невозможной безъ опіума ея близости, безъ увѣренности въ ея любви. Онъ любилъ въ первый разъ и безнадежность его чувства придавала ему особенную, болѣзненную остроту. Вся жизнь его превратилась въ длинный рядъ душевныхъ пытокъ, изъ которыхъ самой жестокой была ревность къ брату. Стоило Левушкѣ коснуться руки Илоны, чѣмъ-нибудь подчеркнуть свою близость къ ней, и чудовищная ненависть загоралась къ нему въ его сердцѣ. За этими вспышками слѣдовали часы горькаго раскаянія и бессонныя ночи, во время которыхъ онъ бралъ твердое рѣшеніе, несмотря на обѣщаніе, данное Илонѣ, немедленно уѣхать въ Парижъ. Однако, на утро желаніе увидѣть ее такъ непреодолимо охватывало его, что онъ мало-душно оставался.

Часто Левъ Юрьевичъ мучилъ его своею откровенностью. Жаловался ему на холодность и странную отчужденность невѣсты, сознавался ему, что только-что сдѣлалъ ей за это сцену, и графъ Андрей слушалъ его блѣднѣя, принимая каждое его слово, какъ заслуженный упрекъ.

Илона не угадывала его переживаній, считала его равнодушнымъ къ себѣ, и страхъ, что какая-нибудь неосторожность въ ея поведеніи можетъ побудить его нарушить слово и уѣхать, заставляла ее вѣчно быть на чеку. Она чувствовала, что нашла съ нимъ вѣрный тонъ и судорожно держалась его.

„Если мнѣ удастся установить дружественное отношеніе съ Андреемъ, я не потеряю его никогда...“ думала

она какъ-то утромъ, лежа на пляжѣ въ горячей выемкѣ песчаной дюны: „Только на долго-ли хватитъ у меня силы жить, неустанно контролируя, сдерживая себя... Довольствуясь лишь присутствіемъ Андрея, его снисходительной вѣжливостью... Меня все сильнѣе, все чаще охватываетъ безумное желаніе заставить его почувствовать мою любовь... заставить его загорѣться моей страстью, хоть на часъ одинъ... Вѣдь этотъ часъ его страсти дастъ мнѣ больше долгихъ лѣтъ его дружбы. „У счастья нѣтъ завтрашняго дня, у него нѣтъ и вчерашняго... У него есть настоящее, и то не день, а мгновеніе“, сказалъ чудный Тургеневъ...”

— О чемъ ты думаешь, Илона? — прозвучалъ рядомъ съ нею сонный голосъ жарившагося на солнцѣ Льва Юрьевича.

— О Тургеневѣ, — вяло протянула она и легкій сарказмъ промелькнулъ въ уголкахъ его губъ.

— О комъ?

— О Тургеневѣ... Я взяла его съ собою и перечитываю по вечерамъ... Скажи мнѣ, Левушка, гдѣ-же графъ Андрей?

— Онъ пробуетъ свою новую лошадь и придетъ поздне.

— А-а-а.

Илона встала, передвинула слегка, укрывающій ихъ отъ солнца, полосатый зонтикъ и растянулась на складномъ парусиновомъ креслѣ. Взглядъ ея разсѣяннo бродилъ по волнамъ: вдали, въ открытомъ морѣ, живописно скользилъ шафрановый парусъ; вся широкая изумрудная бухта была испещрена безчисленными яркими чепцами и цвѣтными костюмами купающихся, играющихъ въ мячъ, плавающихъ съ доскою или безъ доски, весело кричащихъ и жестикулирующихъ людей. Томный и жгучій воздухъ располагалъ къ лѣни. Илона откинулась на подушку. Надъ самою ея головою, въ безконечно-далекомъ, безоблачномъ небѣ сверкалъ позолоченный солнцемъ аэропланъ. Гулъ его пропеллера, напоминающій глубокое гудѣніе мнорной ноты органа, сливался съ ритмическимъ шумомъ моря и громкимъ гомономъ голосовъ.

— Прислушайся ко всѣмъ раздающимся здѣсь зву-

камъ, Левушка, — потянулась Илона, — и скомпонируй изъ нихъ что-нибудь для джеза. Это „что-нибудь“ ты назовешь: „Souvenir de Juan-les-Pins“.

— Ты сейчасъ вспомнила о „Souvenir de Napsal“ Чайковского? — усмѣхнулся Левъ Юрьевичъ.

— Да, ты угадалъ... Ахъ вонъ идетъ къ намъ твой кисло-сладкій Нольденъ. Что за странная у него формація лица: будто за каждой скулой по орѣху.

— Съ добрымъ утромъ, княжна, — расшаркался передъ нею обнаженными ногами, облаченный въ малиновый купальный халатъ, баронъ. — Здорово, Левушка.

— Присаживайся, Патрикъ.

— Буагодарю. Помните, княжна, я говорию вамъ о Зильберахъ? Вонъ они всѣ лежатъ, играя въ карты, подъ краснымъ зонтомъ.

— Онъ плохая пародія ожирѣвшаго, бѣлокураго Наполеона, — опредѣлилъ Левъ Юрьевичъ.

— Этотъ типъ часто встрѣчается у евреевъ, — согласился Нольденъ. — Ну, если онъ Наполеонъ, то валяющійся рядомъ съ нимъ уохматый юноша его наслѣдникъ, — Рейхштадтскій принцъ.

— Онъ скорѣе похожъ на Жозефину Баккеръ, — разсмѣялась Илона. — Которая-же изъ трехъ грацій мадамъ Зильберъ?

— А вонъ та, маленькая, кругленькая, въ привязанномъ къ шеѣ зеленомъ трико. За ея округлости я называю ее „буличкой“ и ей это очень нравится. Она непроузно гу'упа и воображаетъ, что въ совершенствѣ говоритъ по-французски. Я пригашенъ преподавать ей только „особенныя выраженія“. Иногда я позволяю себѣ съ нею шутки, которыя приводятъ въ восторгъ ея супруга. На дняхъ она, напимѣръ, спрашиваетъ меня: „Какъ по-французски коммерціи совѣтникъ.“ Я говорю ей: „Chevalier d'industrie“.*) И что-же? Она въ тотъ же вечеръ при мнѣ объясняетъ какой-то дамѣ: „Vous savez mon mari, — chevalier d'industrie...“ Въ другой разъ она въ ресторанѣ задаетъ мнѣ вопросъ: „Какъ ужъ это по-французски-то шофруа изъ дичи?“ „Oeil de

*) Мошенникъ.

perdrix“*) подсказываю я ей и она къ всеобщему восторгу заказываетъ мѣтръ д’отелю это блюдо... Ахъ вонъ они всѣ киваютъ и махаютъ мнѣ, — Нольденъ любезно раскланялся.

— Жакко! — крикнулъ ему Зильберъ, по привычкѣ многихъ русскихъ, любящихъ перекликаться на самыхъ большихъ разстояніяхъ.

— Господинъ баронъ, идите учить меня „кравлить“ — заголосилъ, слѣдуя примѣру отца, Зильберъ юнѣе. — Идите-же, ей Богу, честное слово... Ужъ десятый часъ! Я давно васъ жду.

Нольденъ неохотно приподнялся.

— Ничего не подѣлаешь, — не громко проговорилъ онъ, — надо хлѣбъ свой зарабатывать. Ну, загоняю-же я его сегодня, этого дерзкаго щенка.

— Бѣдный Патрикъ, — соболѣзнующе сказалъ ему вслѣдъ Левъ Юрьевичъ.

— Ахъ, онъ препротивный, — пожала плечами Илона.

Долгое отсутствіе графа Андрея начало выводить ее изъ терпѣнія: напряженное ожиданіе его появленія утомило ее, но глаза ея неотрывно смотрѣли въ ту сторону, откуда онъ долженъ былъ появиться. Подъ уголъ ея зрѣнія случайно попалъ сѣдой господинъ въ лиловомъ купальномъ халатѣ и сопровождающая его пикантная блондинка въ голубой пиджамѣ.

— Посмотри, Левушка, какая хорошенькая жена у этого старика, — сказала Илона, нервно закидывая за голову руки.

— У этого старика? — разразился гомерическимъ смѣхомъ Левъ Юрьевичъ. — Да вѣдь это-же старая герцогиня дю Плэни со своимъ любовникомъ, — мальчикомъ лѣтъ восемнадцати. Да, трудно разбираться во всѣхъ этихъ халатахъ, стриженныхъ головахъ, трико и пиджамахъ. Немудрено, что здѣсь многіе дэнди въ браслетахъ и дамы въ монокляхъ часто ошибаются въ своихъ sex appeal. Ты не находишь, маленькая, что въ утренніе

*) Мозоли.

часы пляжъ вообще похожъ на собраніе умалишенныхъ. Въдѣ здѣсь всѣ помѣшаны на „физической культурѣ“.

Илона разсѣянно обвела набережную глазами. Повсюду, куда ни достигалъ ея взоръ, лежали, сидѣли, или корчились въ ритмѣ гимнастическихъ упражненій стройныя тѣла всѣхъ оттѣнковъ темной бронзы. Дѣти всѣхъ возрастовъ, отъ шести до семидесяти лѣтъ, играли въ мячъ, присѣдали упражняясь въ гибкости колѣнъ, прыгали, ходили на рукахъ. Со всѣхъ лицъ градомъ катился потъ. Ото всюду раздавалась команда спортивныхъ профессоровъ, „охи“ и стоны ихъ жертвъ. Группа американокъ въ фантастическихъ купальныхъ костюмахъ, надувала гуттаперчивую лодку на линіи прибоя, и всѣ эти бабушки казались такими-же шаловливыми дѣвочками, какъ помогающія имъ внучки. Двѣ молодыя женщины старательно смазывали кокосовымъ масломъ свои ноги и внимательно сравнивали оттѣнки ихъ загара. Немного дальше, подъ двумя сдвинутыми зонтами, возлежала на складной кушеткѣ, какъ на саркофагѣ, вся обвернутая въ складки свѣтлага капота единственная на всемъ пляжѣ, бѣлая и сильно набѣленная женщина, — супруга какого-то французскаго сановника, которую злые языки, за преувеличенное употребленіе косметикъ, прозвали „Le fard du Littoral“^{*)}. Кто-то очень мѣтко сказалъ, что она живой памятникъ женщинамъ прошлаго поколѣнія. Въ парусиновой палаткѣ, напротивъ ея лежа, кувыркалась и визжала ея прямая противоположность, сверхсовременная представительница своего пола, хорошенькая фильмная звѣздочка изъ Холливуда, появлявшаяся повсюду со своей „Маскоттой“, старой, облѣзлой галкой, которую она, какъ сокола на цѣпи, на брилліантовой цѣпочкѣ носила на плечѣ. Пока она купалась, галка переходила на плечо ея покровителя, древняго старика въ полосатомъ трико и моноклѣ. Старый индусскій слуга въ тюрбанѣ бѣломъ, какъ его длинная борода, съ неподвижностью изваянія стоялъ съ купальнымъ халатомъ въ рукахъ у самой воды и терпѣливо ждалъ той минуты, когда его господинъ и сверстникъ, какой-то великій магараджа, сейчасъ гарцующій верхомъ на надув-

*) *Игра словъ: косметика — fard, маякъ — phare.*

номъ гуттаперчевомъ омарѣ невѣроятныхъ размѣровъ, соизволить выйти на берегъ.

— Да, ты отчасти правъ, Левушка, — согласилась Илона. — Всѣ эти люди производятъ впечатлѣніе маніаковъ. Но я нахожу, что страсть къ спортамъ и вѣчной молодости отличный родъ помѣшательства. Есть болѣе опасныя маніи, съ которыми тоже разрѣшается гулять на свободѣ...

— Напримѣръ?

— Преувеличенная склонность къ баккара... Любовь...

— Любовь самая нормальная вещь на свѣтѣ.

— Однако, Гейне называлъ ее „плаэоназмусомъ“.

— Ну, если ты судишь о любви по Гейне... Ахъ вотъ, наконецъ, и Андрей.

Илона слегка приподнялась, хотѣла что-то сказать, но волненіе сжало ей горло, и закрывъ глаза, она снова опустилась на песокъ. Сердце ея билось до боли.

— Княжна дремлетъ? — раздался надъ нею любимый голосъ.

— Нѣтъ, она притворяется, — разсмѣялся Левъ Юрьевичъ. — Она только-что собиралась разразиться филиппикой противъ любви.

— Вотъ какъ? — графъ Андрей бережно взялъ безсильно откинутую руку Илоны и поднесъ ее къ губамъ.

Она медленно приподняла рѣсницы и глаза ихъ встрѣтились въ неподготовленномъ, растерянномъ взглядѣ; въ немъ было все: и нѣга, и ласка, и мучительная страсть.

Но мгновенно овладѣвъ собою, графъ Андрей придалъ привычную холодность своему лицу: взялъ папиросу, протянутую ему братомъ, и закуривъ ее растянулся на песокъ.

Илона чувствовала себя пронзенной счастьемъ.

„Что это было? Что промелькнуло въ его чертахъ? Неужели я не ошиблась? Неужели, неужели онъ любитъ меня...“ горячими темпомъ понеслись мысли въ ея головѣ. Жизненная энергія удвоилась въ ней, лихорадочное желаніе жить и переживать горячо охватило ее. Она улыбнулась, потянулась, встала на колѣни, раскрыла голубой кожаный несессеръ съ эмалевыми туалетными принадлежностями, посмотрѣлась въ большое зеркало, вдѣлан-

ное въ его внутреннюю часть, поправила наплечники своего голубого купальнаго костюма, стянула ниже на лобъ голубой гуттаперчевый тюрбанъ, плотно обтягивающій ея голову, взглянула на придающія ей что-то восточное длинныя аквамариновыя серьги, положила на лицо легкій слой осге fonce, провела карминомъ по губамъ и стала внимательно покрывать свои обнаженныя руки кремомъ для загара „Шанель“.

— Вотъ и тебя, маленькая, обуяла манія „физической культуры“, — разсмѣялся Левъ Юрьевичъ. — Брось эту мазию и расскажи намъ лучше, почему ты вдругъ возстала противъ любви?

— У меня съ амуромъ старыя счеты, — разстила на песокъ голубую шаль и ложась на нее въ позѣ сфинкса, таинственнымъ голосомъ отвѣтила Илона. — Этотъ крылатый бѣсенокъ довелъ меня до самоубійства въ моемъ прошломъ воплощеніи...

— Ахъ, въ прошломъ воплощеніи! Это успокаиваетъ меня и даже не возбуждаетъ моей ревности. Расскажи намъ эту исторію, маленькая, — удерживая зѣвокъ попросилъ Левъ Юрьевичъ. Онъ чувствовалъ себя пріятно: легкій вѣтерокъ обивалъ его обожженное солнцемъ тѣло, море усыпляюще плескалось. Илона была въ хорошемъ настроеніи и несла какой-то веселый вздоръ. — Ну, что-же, маленькая, мы слушаемъ.

— У тебя мои „Абдулла“? — обернулась она къ нему.

Онъ лежалъ поодаль, головою къ ея ногамъ въ голубыхъ сандаляхъ. Лѣнливо приподнявшись, онъ протянулъ ей портсигаръ и снова откинулся на спину.

Раскуривая папиросу, Илона украдкой взглянула на упорно молчаливаго графа Андрея. Его закинутый къ солнцу профиль находился на уровнѣ ея лица: глаза его были закрыты.

„Онъ равнодушенъ ко мнѣ... Я ошиблась... Мнѣ только показалось, что страсть была въ его взглядѣ“, больно сжалось сердце Илоны: „Попробую испытать его, если онъ любить, онъ выдастъ себя.“

— Маленькая, мы ждемъ твоего разказа, — вяло напомнилъ Левъ Юрьевичъ.

— Да ты-же спишь, Левушка, — усмѣхнулась она.

— Неправда. Я слушаю. Итакъ это было въ твоѣмъ прошломъ воплощеніи...

— Да... Я была венеціанкой, любимой натурщицей Тиціана. Онъ былъ безъ ума отъ мѣднаго блеска моихъ тяжелыхъ и мягкихъ волосъ, получившаго съ вѣками названіе „тиціановскаго отлива“. Великому художнику нравилось мое блѣдное лицо, моя высокая, гибкая фигура. Онъ писалъ съ меня своихъ патриціанокъ и прозвалъ меня „бѣлымъ пламенемъ“ за то, что зажигая страсти я оставалась неприступной и равнодушной. Вся золотая молодежь Венеціи была въ меня поголовно влюблена. Музыканты сочиняли въ мою честь романсы, пѣвцы пѣли ихъ ночью на каналахъ. Если-бы я принимала подарки, которыми стремились добиться моего расположенія многіе патриціи, я была-бы покрыта жемчугами, изумрудами и рубинами, какъ дагоресса; но я высокоумѣнно отсылала драгоценности своимъ щедрымъ поклонникамъ и позволяла дарить мнѣ лишь цвѣты и духи. Ароматы были моей единственной страстью. Уже подросткомъ я копила гроши, чтобы покупать въ „спецеріи“ монастыря Санта-Марія-Новелла изготовленные монахами сладкіе духи, флаконы которыхъ были украшены картинкой цвѣтка ихъ происхожденія. Съ годами вкусъ мой утончился. Я полюбила ароматные бальзамы и пахучія смолы Востока. Въ ларцѣ изъ сандаловаго дерева я хранила въ граненыхъ, хрустальныхъ трубочкахъ, испещренныхъ золотымъ арабскимъ шрифтомъ, розовое масло изъ Мекки, — символизирующее радость и солнце; жасминное масло изъ Дамаска — эмблему любви и вѣчности; мускусъ — любимое благовоніе Магомета, и амбру — ароматъ безсмертія! Поэзія ароматовъ была тогда доступна немногимъ. Я была ея восторженной поклонницей. Меня восхищало, что ко всѣмъ своимъ настроеніямъ я находила подходящий запахъ и что обратно, каждый запахъ способенъ былъ вызвать во мнѣ другое настроеніе. Я стремилась разгадать причину вліянія ароматовъ на мою душу, однако скоро отчаялась найти ее и поняла, что она скрыта въ какой-то чудесной, метафизической тайнѣ. Всѣ знали о моемъ пристрастіи къ духамъ. Какъ-то въ мастерской ко мнѣ подошелъ горбатый ста-

рикъ-актеръ Тоніо, позирующій Тиціану въ костюмѣ шута.

— *Fiamma bianca*, у меня для тебя пріятная новость, — объявилъ онъ мнѣ. — На площади св. Марка, подѣ колоннадой, у самого кафе Флоріана, открылась лавка восточныхъ благовоній. Въ ней продаетъ извѣстный подѣ названіемъ „Чародѣя ароматовъ“, суровый мавръ Омаръ-бенъ-Али, изучившій тайныя правила мѣшанія запаховъ въ Дамаскѣ у Великаго Посвященнаго этого искусства, древняго старца Ходжи-Османа. Умирая, учитель завѣщалъ ему одному всѣ свои тайныя рецепты, но Омаръ-бенъ-Али рѣдко пользуется ими; онъ самъ создаетъ духи, какъ поэты пишутъ стихи, и продаетъ свои произведенія на вѣсѣ золота. Несмотря на это, передъ его прилавкомъ толкуются покупатели, заказывающіе ему соотвѣтствующіе ихъ переживаніямъ ароматы. Вчера одна патриціанка заказала ему духи „Томный чичисбей“. Мечтательный юноша — „Слезы возлюбленной“. Пойди къ Омару-бенъ-Али, красавица, и закажи ему запахъ „Бѣлое пламя“, — разсмѣялся хихикающимъ смѣхомъ, очень довольный своей шуткой горбунъ...

Внезапно умолкнувъ, Илона оглянулась на жениха. Онъ безмятежно спалъ, закрывъ лицо платкомъ. Молодая дѣвушка иронически повела губами, бросила догорѣвшую папиросу и, понизивъ голосъ, продолжала свой разговоръ для одного графа Андрея.

— На другой день въ полдень, жгучій и тихій, я вошла въ лавочку Чародѣя ароматовъ. Она была пуста. Я ударила нѣсколько разъ вѣеромъ о прилавокъ. За нимъ зашевелилась ковровая портьера и на порогѣ скрытой за нею двери появился Омаръ-бенъ-Али. Я вдругъ почувствовала свое сердце... Въ первый разъ... Оно забилося до боли въ моей груди. Соотношеніе между дѣйствительностью и воображеніемъ утратилось во мнѣ. Я находилась въ состояніи между сномъ и видѣніемъ... Мнѣ казалось, что я уже когда-то, гдѣ-то пережила эту минуту, видѣла это глубоко серьезное, почти суровое лицо... эти властные, свѣтлые глаза въ темныхъ тѣняхъ... эти жестокія губы... эти сѣдые виски на смуглой кожѣ... И я внезапно поняла непостижимое, поняла, что люблю этого не-

знакомаго, чуждаго мнѣ человѣка, и что онъ будетъ моею гибелью...

Губы Илоны такъ дрожали, что ей трудно было говорить. Она бросила на графа Андрея бѣглый взглядъ изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ: онъ неподвижно лежалъ на спинѣ, глаза его были закрыты; челюсти плотно сжаты; правая рука судорожно перебирала горячій песокъ, сверкающій на ней рубинъ то исчезалъ въ немъ, то снова появлялся на рассыпчатой поверхности.

— Что угодно синьоринѣ? — холодно спросилъ меня Омаръ-бенъ-Али, — стиснувъ съ волненія пальцы, продолжала Илона. — „Я хотѣла-бы купить у васъ эссенціи индійскаго нарда, изгоняющаго страсти изъ души и проясняющаго умъ,“ робко отвѣтила я ему. Омаръ-бенъ-Али исчезъ за портьерой, но скоро вернулся къ прилавку.

— Вотъ вамъ духи, изготовленные изъ нарда, съ примѣсью другихъ запаховъ. Они называются „Безмятежность“, — сказалъ онъ, протягивая мнѣ трубочку изъ синяго стекла, запечатанную краснымъ сургучемъ.

Заплативъ, я взяла ее изъ его смуглой руки, на которой... ало сверкалъ крупный рубинъ, и вышла изъ лавочки. Открывъ хрупкій флаконъ, благоухающій въ моихъ рукахъ, какъ цвѣтокъ, и вдыхая его свѣжій ароматъ, я шатаясь перешла площадь св. Марка. Запахъ нарда, жгучее солнце и яркій свѣтъ окончательно опьянили меня: „Я во власти полуденнаго демона... я его добыча...“ съ ужасомъ повторяла я себѣ. Дома, въ тишинѣ моей прохладной комнаты, я пришла въ себя и все пережитое показалось мнѣ лишь жуткимъ сномъ. Однако, на другой день я, сама не зная, какъ снова оказалась у прилавка Омара-бенъ-Али... Это стало повторяться ежедневно. Я покупала у него то духи, то ароматическія масла, то пахучія смолы и старалась при этомъ вызвать улыбку на его строгихъ губахъ, привлечь къ себѣ его взглядъ. Напрасно... При каждой встрѣчѣ лицо его становилось все суровѣе. Я таяла... Была близка къ безумію...

Какъ-то въ жаркій іюльскій день, когда полуденный демонъ сталъ снова манить меня къ дверямъ Чародѣя ароматовъ, я бросилась на колѣни передъ Мадонной и поклялась ей недѣлю не выходить на улицу. Однако уже на

другой день, въ полдень, я, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ трепещущей душой стояла на площади св. Марка. Послѣднимъ усиленіемъ воли я заставила себя пройти мимо лавочки Омара-бенъ-Али и войти въ базилику. Меня благотворно охватилъ ея молитвенный мракъ, позолоченный таинственнымъ мерцаніемъ мозаикъ, по которымъ блуждали теплые отсвѣты цвѣтныхъ лампадъ и свѣчей. Пройдя по волнистому, неровному полу къ главному алтарю, я опустилась на колѣни. Располагающій къ мистицизму запахъ ладона прояснилъ мой умъ, заставилъ стихнуть бурю въ моей крови. Полуденный демонъ потерялъ власть надо мною. Слабая тѣломъ, съ опустошенной душой, но чистая и смиренная вышла я изъ храма. „*Pax tibi Marce, Evangeliste meus...*“ благодарно шептали мои губы. Вдругъ, когда я уже дошла до кампанилы, со мною случилось что-то страшное: полуденный демонъ горячимъ вихремъ налетѣлъ на меня, затуманилъ мой разумъ и бросилъ меня къ лавочкѣ Омара-бенъ-Али. Его не было за прилавкомъ. Я отдернула ковровую портьеру и очутилась съ нимъ лицомъ къ лицу.

— Зачѣмъ вы опять пришли сюда? — спросилъ онъ меня, грозно сдвинувъ брови. — Зачѣмъ стремитесь нарушить мой покой? Уйдите прочь.

— Не гоните меня, — взмолилась я протягивая къ нему руки. — Сжальтесь... Я знаю, что слишкомъ ничтожна, чтобы быть любимой вами... Но я красива, я молода... Возьми... Сорви меня, какъ цвѣтокъ... Вдохни мой аромат... и брось... Но сорви, сорви меня своей рукой.

Онъ слушалъ меня молча, закрывъ глаза и крѣпко стиснувъ челюсти. Его бронзовое лицо было непроницаемо. На немъ лежала печать недоступности и спокойнаго величія. Мнѣ показалось, вдругъ, что своею земною любовью я оскорбила божество.

— Простите, — вырвалось у меня, какъ стонъ. — Простите... Забудьте... Я пришла для того, чтобы купить у васъ... алоэ, изгоняющее скорбь изъ души...

Омаръ-бенъ-Али досталъ изъ шкапа хрустальный флаконъ и бережно передалъ его мнѣ.

— Вотъ, возьмите... Это мирра хранящая отъ грѣха. Онъ безжалостно задернулъ передо мною коверную портьеру.

Я вышла на площадь, прислонилась къ одной изъ колоннъ галлерей. Холодная дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу. Смерть заглянула мнѣ въ лицо. Я улыбнулась ей. Хрупкій флаконъ треснулъ въ моей судорожно сжатой рукѣ. Однимъ изъ его осколковъ я перерѣзала свои вены и съ пальцевъ моихъ заструилась кровь... и мирра, хранящая отъ грѣха... — Илона вся потянулась къ графу Андрею. Прерывающійся голосъ ея опустился до шопота. — Это было въ моемъ прошломъ воплощеніи, Андрей, — продолжала она. — Но сейчасъ меня такъ-же, какъ и тогда, полонилъ полуденный демонъ... Какъ и тогда онъ заставляетъ меня умолять тебя: „Возьми... сорви меня, какъ цвѣтокъ... Вдохни мой ароматъ и брось... Но сорви, сорви меня своей рукой...“ Андрей, если и сегодня ты отвѣтишь мнѣ молчаніемъ... я поступлю, какъ въ тотъ страшный день на площади св. Марка.

Графъ Андрей поблѣднѣлъ подъ загаромъ, темныя тѣни легли вокругъ его закрытыхъ глазъ. Онъ казался близкимъ къ потери сознанія. Однако, это длилось недолго. Сдѣлавъ надъ собою неимовѣрное усиліе, онъ рѣзко приподнялся, вскочилъ на ноги и молча направился къ морю.

Илона упала лицомъ на скрещенныя руки и вся застыла въ свирѣпой мукѣ оскорбленной гордости и безсильнаго отчаянія.

VIII

Подъ предлогомъ нездоровья, Илона нѣсколько дней не выходила изъ своей комнаты. Она чувствовала себя, какъ трудно больная. Уязвленное самолюбіе ѣдко терзало ее. Мысль о равнодушіи Андрея доводила ее до какого-то неистовства страданія и горечи; но мучительнѣе всего испытывала она жгучій стыдъ за себя, за свою слабость. Ей казалось теперь и постижимымъ, что она могла умолять Андрея о любви, даже угрожать ему самоубійствомъ. Воспоминаніе объ этомъ заставляло ее кор-

читься отъ душевной боли. Она проводила всѣ ночи безъ сна: то металась по своей спальнѣ, то заглядывала въ ванную комнату, то выходила на балконъ, то полулежала въ креслѣ убитая, придавленная и жаждала только полного спокойствія, спокойствія смерти. Подъ утро она засыпала тревожнымъ сномъ и весь день не вставала съ постели.

Левъ Юрьевичъ былъ сильно озабоченъ ея состояніемъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ пригласить врача и телеграфировать княгинѣ, но Илона запретила ему и то и другое.

— У меня просто насморкъ. Я завтра встану, — раздраженно говорила она ему и онъ покорялся ея волѣ, привозилъ ей изъ Ниццы корзины засахаренныхъ фруктовъ, покупалъ ей цвѣты и новые романы, которые неразрѣзанными скоплялись на ея столѣ.

Графъ Андрей переживалъ самые трудные часы своей жизни. Необходимость уѣхать представлялась ему все болѣе очевидной и неотложной, но чувство къ Илонѣ сломило его волю и онъ сознавалъ, что заставить себя бѣжать изъ Juan-les-Pins было-бы бесполезнымъ самоистязаніемъ, такъ какъ уѣхать теперь, значило бы немедленно вернуться. Страстный бредъ Илоны на пляжѣ, ея добровольное затворничество, ея угадываемыя имъ страданія зажгли въ немъ переживанія и мечты, сжигающія его медленнымъ огнемъ. Ему казалось, что онъ живетъ въ какомъ-то пламенномъ снѣ, порою граничащемъ съ безуміемъ.

Какъ-то пробродивъ полночи у моря, онъ какъ лунатикъ, подошелъ къ двери Илоны, весь приникъ къ ней; рука его уже коснулась бронзовой скобы, но внезапно выпустила ее. Въ концѣ коридора показалась высокая фигура Льва Юрьевича.

— Гдѣ ты былъ, Андрей? Вѣдь ты собирался уже къ обѣду вернуться изъ Ментоны? Я безпокоился, телефонировалъ, искалъ тебя повсюду и сейчасъ вернулся прямо съ вокзала. Какъ ты напугалъ меня, — игромко, боясь нарушить ночную тишину, воскликнулъ онъ сжимая руку старшаго брата.

— Ты напрасно безпокоился, Левушка. Я остался

обѣдать въ Ментонѣ; былъ въ Монтэ-Карло и только-что вернулся сюда на автомобилѣ, — твердымъ голосомъ отвѣтилъ графъ Андрей. — Проходя мимо комнаты княжны, мнѣ послышался твой голосъ и я хотѣлъ вызвать тебя на минутку. Дѣло въ томъ, что мнѣ, кажется, придется уѣхать въ Парижъ... Но мы поговоримъ объ этомъ утромъ. Сейчасъ мы устали оба. Прости, что я невольно напугалъ тебя. Спокойной ночи...

— Андрей, ты не нравишься мнѣ послѣднее время. У тебя нездоровый видъ.

— Полно, дорогой мой. Я отлично чувствую себя. Итакъ до завтра.

Братья крѣпко пожали другъ другу руки и разошлись по своимъ комнатамъ.

Войдя на другое утро въ спальню Илоны, Левъ Юрьевичъ засталъ ее, какъ и всегда въ послѣдніе дни, апатичной, безсильно лежащей на кушеткѣ.

— Тебѣ не лучше, маленькая? — заботливо спросилъ онъ, цѣлуя ея руку.

— Лучше...

— Этотъ отвѣтъ я слышу ежедневно, а вмѣстѣ съ тѣмъ ты становишься все прозрачнѣе, все слабѣе. Я не могу больше пассивно относиться къ этому. Сегодня-же я протелефонирую доктору, а то я и самъ заболѣю глядя на тебя. Нѣтъ, такъ не можетъ дольше продолжаться. Ты вѣчно гонишь меня отъ себя, я цѣлыми днями одинъ съ Андреемъ, а теперь и онъ уѣзжаетъ...

Илона съ трудомъ удержала рѣзкое движеніе. Медленно вставъ съ кушетки, она подошла къ туалету, выпила стаканъ воды, закурила папиросу и, успокоивъ себя этими мѣрными движеніями, снова растянулась на подушкахъ.

— Не сердись на меня, Левушка, — мягко прозвучалъ ея голосъ. — Мнѣ сегодня совсѣмъ хорошо и я буду завтракать съ тобою въ ресторанѣ. Ты доволенъ? Куда-же ѣдетъ твой братъ?

— Въ Парижъ. Вѣдь онъ давно уже собирается туда.

— А-а-а... Ну иди теперь, милый. Я начну одѣваться. Зайди за мною въ часъ.

— Ну, слава Богу. У меня, какъ гора съ плечъ свалилась! — радостно воскликнулъ просіявшій Левъ Юрьевичъ.

— Ну, иди-же, Левушка... Иди, — ласково взявъ его за плечи, она вытолкнула его за дверь, повернула ключъ въ замкъ и бросилась на подушки кушетки, лицомъ внизъ.

Извѣстіе объ отъѣздѣ графа Андрея положительно сразило ее. Она не учла возможности того, что онъ отвѣтитъ на ея безумную выходку окончательнымъ разрывомъ. Передъ угрозой разлуки съ нимъ, разсѣялись всѣ тяжелыя переживанія послѣднихъ дней, смирилась ея гордость. Теперь она снова готова была цѣною новыхъ мукъ, новыхъ униженій бороться за блѣдное счастье видѣть его ежедневно, дышать съ нимъ однимъ воздухомъ.

Вымотанная страданіемъ, блѣдная, красивая и кроткая, какъ выздоравливающая отъ долгой болѣзни, поднялась она съ Львомъ Юрьевичемъ въ ресторанъ. Золотистое платье мягко охватывало ея стройную фигуру, легкая шляпа бросала темныя тѣни на ея печальное лицо. Въ молодой дѣвушкѣ появилась утонченная, болѣзненная прелесть. Она сдѣлалась слабой и нѣжной. Это новое очарованіе ея было ударомъ по сердцу графа Андрея. Увидѣвъ ее такою, онъ испугался силы своего чувства къ ней.

Молча коснувшись губами ея пальцевъ, онъ придвинулъ ей стулъ, но волненіе такъ сжало ему горло, что онъ не смогъ произнести ни слова.

Левъ Юрьевичъ былъ въ блестящемъ настроеніи и говорилъ за всѣхъ.

Илона молчала, но каждымъ своимъ взглядомъ, устремленнымъ на графа Андрея, каждымъ движеніемъ своимъ просила его забыть и простить.

— Маленькая, что-бы намъ предпринять сегодня послѣ завтрака? — обратился къ ней женихъ. — Ахъ, я знаю! Сегодня въ Монтэ-Карло concours de confort автомобилей. Поѣздка туда не утомитъ тебя и навѣрно развлечетъ. Какъ ты думаешь?

— Поѣдемъ, если хочешь, — вяло согласилась она.

— Ну, вотъ и отлично... И ты, Андрей, поѣдешь съ нами, — положилъ Левъ Юрьевичъ руку на локоть бра-

та. — Въ Парижъ ты можешь уѣхать и завтра. Сегодня же мы будемъ праздновать выздоровленіе Илоны. Сдѣлай мнѣ это удовольствіе, Андрей.

— Да, останьтесь, — съ рѣшимостью отчаянія попросила Илона страдальчески искривившимися губами.

Въ глазахъ ея было столько затаенной скорби, столько любви, что жгучая волна залила душу графа Андрея и онъ понялъ, что не сможетъ уѣхать ни сегодня, ни завтра.

— Я уже самъ думалъ объ этомъ, — нерѣшительно проговорилъ онъ. — Парижъ такъ мало привлекаетъ меня въ августъ, но у меня тамъ такъ много дѣла...

— Неужели твой повѣренный не можетъ замѣстить тебя? — нетерпѣливо спросилъ Левъ Юрьевичъ, внимательно разрѣзая и посыпая сахаромъ кусокъ сочной дыни.

— Можетъ, конечно, но не во всемъ, — пожалъ плечами графъ Андрей.

— Ахъ, онъ очень добросовѣстный и ловкій. Ты все можешь довѣрить ему. Рѣшись на это, Андрей, и перестань вѣчно пугать меня своимъ отъѣздомъ. Однако сегодня чудесный день: Илона выздоровѣла, ты останешься здѣсь, погода упоительная и мы сейчасъ покатаемъ въ Монтэ.

— Гдѣ ты будешь играть въ рулетку и trente et quarante, — смѣясь добавила Илона.

Она была счастлива. Ей казалось, что и тѣло и душа ея воскресаютъ отъ долгой летаргіи и она съ упоеніемъ ощущала свое оттаивающее отъ муки сердце, свой успокоенный умъ. Щеки ея порозовѣли, въ подернутыхъ усталостью глазахъ томно теплилась радость, губы улыбались обворожительной лѣнивой улыбкой.

— Я боюсь, что поѣздка на этотъ конкуръ утомитъ васъ, княжна, — любезно проговорилъ графъ Андрей.

Это были его первыя слова, обращенныя непосредственно къ Илонѣ.

— Ахъ, нѣтъ, — подняла она на него полный горячей благодарности взглядъ. — Я такъ хорошо чувствую себя, что даже собираюсь сѣсть за volantъ.

Управлять голубой Минервой всегда было большимъ удовольствіемъ для молодой дѣвушки. Узкая, длинная,

сверкающая никелемъ машина, послушная каждому движению ея руки, представлялась ей живымъ существомъ, породистымъ и гордымъ.

Въ этотъ день она казалась Илонѣ особенно податливой, особенно легко скользящей по бѣлой, гладкой дорогѣ извивающейся между моремъ и скалами.

— Вы не устали? Не хотите уступить мнѣ ваше мѣсто? — спрашивалъ Илону время отъ времени сидящій рядомъ съ нею графъ Андрей. — Вы все еще не устали?

— Нѣтъ еще, — отвѣтила она съ легкою, какою-то незаконченной улыбкой.

Его близость, яркость свѣта, быстрота ѣзды наполнили ее безпредѣльной радостью жизни. Ничто не нарушало ея нервное равновѣсіе. Такъ долго болѣвшее сердце точно растаяло въ груди, пульсы ровно бились въ ея изящныхъ, увѣренно управляющихъ воляномъ, рукахъ.

Стараясь не смотрѣть на нее, графъ Андрей замѣчалъ каждое ея движеніе и угадывалъ всѣ ея самыя неуловимыя, самыя неопредѣлимыя впечатлѣнія и переживанія. Ему казалось, что ихъ мысленные токи соединились въ какой-то высшей сферѣ духа и что только тѣла ихъ находились въ голубой Минервѣ, куда-то мчавшей ихъ подъ лазурнымъ небомъ, мимо лазурнаго моря.

Въ Монтэ-Карло былъ очень замѣтенъ лѣтній, немодный сезонъ. Публика была случайная: какіе-то растерянные туристы, разсматривающіе фасадъ игорнаго дома, какъ историческую достопримѣчательность, и пишущіе открытки во всѣхъ кафе; плохо одѣтые мужчины и разряженные женщины всевозможныхъ національностей и американскія семейства средней руки.

Однако на террасѣ казино собралось избранное общество, съѣхавшееся сюда со всей Ривьеры, чтобы посмотрѣть на интересующихъ всѣхъ спортсменовъ *concours de confort* автомобилей. Здѣсь были представители кровной и денежной аристократіи, артисты съ громкими именами, члены спортивныхъ клубовъ. Всеобщее вниманіе привлекала молодая американка, прославившаяся въ нѣсколько часовъ тѣмъ, что, сорвавъ накану-

нѣ банкъ рулетки, она выбросила свой выигрышъ изъ окна какого-то ресторана.

— Какъ хорошо, что мы живемъ въ эпоху никеля и стали, — съ увлеченіемъ воскликнулъ Левъ Юрьевичъ, любуясь медленно проѣзжающими передъ террасой автомобилями. — Посмотри, Андрей, какое совершенство въ построении этого кабриолета. Какая чистота линий и формы, какая гениальная цѣлесообразность въ выполненіи всей этой машины. Замѣть, какъ соразмѣренъ наклонъ ея кароссеріи съ размѣромъ и выносливостью колесъ. Какъ точно и удачно приспособлена ея длинная и острая моторная коробка для разсѣченія воздуха, какое изящество во всѣхъ ея контурахъ. Знаешь, Илона, этотъ кабриолетъ напоминаетъ мнѣ борзую поджарымъ изгибомъ своихъ боковъ. Тебѣ кажется это страннымъ?

— Нисколько, — возразила она. — Я сама люблю Минерву, какъ нѣчто одухотворенное и мнѣ нравится, меня волнуетъ мысль, что поднимаясь выше тысячи метровъ, она начинаетъ терять силу и задыхаться, какъ живое существо.

Конкурсъ продолжался довольно долго. Многія машины возбудили такое восхищеніе въ зрителяхъ и жюри, что послѣдніе долго не могли сговориться, которой изъ нихъ по праву принадлежитъ пальма первенства. Наконецъ, послѣ долгихъ совѣщаній, первый призъ былъ присужденъ роскошному лимузину съ замѣчательно устроеннымъ въ немъ баромъ.

Съ террасы казино Илона и Духовскіе направились въ Café de Paris, чтобы выпить чаю и послушать недурной оркестръ, встрѣтившій ихъ „Рамоной“.

Они вернулись въ Juan-les-Pins только къ вечеру и сейчасъ-же поднялись на обѣденную террасу. Левъ Юрьевичъ былъ пріятно возбужденъ оживленно проведеннымъ днемъ. Илона все еще находилась въ состояніи умиротворенной радости. Физическая усталость вливала тихую лѣнь въ ея тѣло. Откинувшись на спинку кресла, она разсѣянно курила и, грезно улыбаясь сквозь опаловое облачко дыма, прислушивалась къ разговору братьевъ.

Настроение графа Андрея сильно измѣнилось за эти нѣсколько часовъ. Въ немъ дрожали каждый нервъ. Кра-

сота Илоны, ея близость пытали его медленнымъ огнемъ. Онъ сознавалъ, что ему не убѣжать, не скрыться отъ своей любви, не заглушить ее ни работой, ни развлеченіями, и это наполняло его отчаяніемъ и гнѣвомъ на себя. Не разжимая зубовъ, онъ пилъ вино короткими глотками и скованныя волненіемъ челюсти странно измѣняли звукъ его голоса.

— Что съ тобою, Андрей? Ты кажется простудилъ горло? — озабоченно спросилъ его Левъ Юрьевичъ.

— Возможно, — небрежно уронилъ онъ.

Къ ихъ столу подошла цвѣточница. Поддаваясь непреодолимому влеченію, графъ Андрей взялъ изъ корзины связку красныхъ розъ, молча положилъ ихъ передъ Илоной и всталъ.

— Куда-же ты, Андрей? — огорченно воскликнулъ Левъ Юрьевичъ.

— Я хочу просмотрѣть газеты въ читальнѣ, а потомъ поднимаюсь къ себѣ, — тономъ, не допускающимъ возраженія, отвѣтилъ графъ Андрей и, холодно пожавъ руку Илонѣ и брату, вышелъ съ террасы.

— Съ нимъ опять что-то неладное, — покачалъ головою Левъ Юрьевичъ. — Я все не рѣшаюсь спросить его, гдѣ теперь маркиза Монтецъ.

— Во всякомъ случаѣ не здѣсь, — пряча счастливую улыбку за прохладнымъ букетомъ и съ упоеніемъ вдыхая его сладкій запахъ, отвѣтила она. — Спокойной ночи, Левушка. Я такъ устала...

— Какъ ты жестока, маленькая. Я надѣялся, что ты пойдешь со мною въ синематографъ.

— Нѣтъ, иди одинъ. Я не въ силахъ...

Спустившись къ себѣ, Илона все еще улыбаясь и тихонько напѣвая „Рамону“ намолила водою хрустальный бокалъ, опустила въ него розы и, сбросивъ платье, упала въ кровать.

„Андрей любить, любить меня...“ думала она полная ликованія: „Какъ могла я сомнѣваться. Такъ долго мучиться. Этотъ взглядъ между нами тогда на пляжѣ, вѣдь онъ-же былъ... былъ. А сегодня въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи Андрея я чувствовала подавленную ласку, затаенную страсть. Какъ онъ былъ блѣденъ за

столомъ, когда положилъ передо мною цвѣты... Милый... Милый..."

Тонная волна залила мозгъ Илоны, но утомленіе послѣднихъ дней взяло свое и вскорѣ жгучія мечты ея стали таять переходя въ глубокій сонъ.

IX

— Мадемуазель будетъ сегодня пить чай, какъ всегда, на балконѣ? — услужливо спросилъ Илону на другое утро, вкатившій чайный столикъ въ ея комнату, лакей. — Я долженъ предупредить мадемуазель, что начинается сирокко и поднимается буря.

— Это ничего. Поставьте столъ на обычное мѣсто, — отвѣтила Илона выходя на балконъ и садясь въ удобное соломенное кресло.

Горячій вѣтеръ сердито шелкалъ оранжевыми фестонами спущенной маркизы, шелестѣлъ листвою миртъ, стоящихъ въ зеленыхъ кадкахъ у перилъ, колыхалъ цвѣты на столѣ, поддувалъ подъ скатерть. Море бушевало: потемнѣвшее и грозное, оно мятежно вздувалось тяжелыми, мутными волнами и съ шелковистымъ трескомъ распластывало пышные, пѣнящіеся фестоны своего прибою по влажному песчаному берегу, усѣянному мертвой рыбой, ракушками и водорослями, принесенными шкваломъ. Густой воздухъ былъ весь насыщенъ ихъ острыми, согрѣтыми солнцемъ запахами.

На губахъ Илоны рѣялъ вкусъ соли, щеки ея горѣли. Ей нравилась эта новая атмосфера, въ которой чувствовалось пламенное дыханіе Африки.

Поднявъ серебряныя крышки съ тостовъ и масла, лакей поклонился и вышелъ.

— Можно? — раздался голосъ Льва Юрьевича за дверью. Не дожидаясь отвѣта, онъ вошелъ въ комнату. — Съ добрымъ утромъ, маленькая. Какъ ты не бережешь себя послѣ своей болѣзни. Здѣсь такъ дуетъ, — съ нѣжнымъ упрекомъ проговорилъ онъ, цѣлуя ее. — Ну, какъ ты спала?

— Ахъ, упоительно. А ты какъ чувствуешь себя? Какъ веселился вчера въ своемъ синематографѣ?

— Онъ былъ почти пустъ. Въ немъ сидѣли три няньки, два шоффера, нѣсколько горничныхъ и я. Но фильма была очень занимательная. Представь себѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, Левушка, избавь меня. Я знаю одну только вещь ужаснѣе разсказыванія видѣнной фильмы, — это разсказываніе приснивагося сна!

— Ты права, — расхохотался Левъ Юрьевичъ. — Я и самъ этого не выношу. Къ тому-же я могу разсказать тебѣ болѣе интересную вещь. Угадай съ кѣмъ я, вернувшись вчера изъ синематографа, засталъ Андрея на террасѣ?

— Съ Нольденомъ.

— Нѣтъ, съ дамой...

— Понятія не имѣю.

— Съ маркизой Монтецъ. Что ты на это скажешь? Теперь я понимаю, почему Андрей не уѣхалъ въ Парижъ. Она ему вѣроятно телеграфировала, что пріѣдетъ сюда. Сегодня они уже ранимъ утромъ ускакали пить кофе въ Антибы. Маркиза пополнила, похорошѣла. Была со мною очень любезна. Вспоминала Токио, наше паломничество на Фуджи. Ну, теперь Андрей потерялъ для насъ съ тобою, маленькая. Скажи мнѣ, что ты собираешься сегодня предпринять? Пойдемъ на пляжъ? Я слышалъ, что тамъ сегодня купаются на канатахъ. Я хочу попробовать. Но тебѣ, можетъ быть, лучше остаться дома. У моря будетъ свѣжо.

— Я пойду въ городъ... Или поѣду къ моему башмачнику въ Ниццу. Не знаю еще... Рѣшу взявъ ванну и одѣвшись, — поблѣввшими губами отвѣтила Илона. Ей казалось, что все гаснетъ, все рушится вокругъ нея, что изъ нея уходитъ жизнь.

Левъ Юрьевичъ обнялъ и привлекъ ее къ себѣ. Она стиснула зубы, чтобы не вскрикнуть отъ раздраженія, откинулась назадъ, вырвалась изъ его рукъ и задорно смѣясь, чтобы скрыть свое смущеніе, убѣжала въ ванную комнату.

— До свиданія за завтракомъ, Левушка, — раздался оттуда ея дразнящій голосъ.

Левъ Юрьевичъ нахмурилъ брови, хотѣлъ разсердиться, сдѣлать сцену, но, постоявъ немного въ раздумьи, рѣшилъ, что не стоитъ добровольно портить себѣ настроеніе и посвистывая ушелъ купаться.

Илона бѣгала по узкой ванной комнатѣ, какъ тигрица въ клѣткѣ. Ревность, этотъ дикій инстинктъ самозащиты, обуревала ее. Сама испуганная охватившимъ ее бѣшенствомъ, она не въ силахъ была овладѣть имъ. Мысль о томъ, что графъ Андрей, любя другую, только изъ состраданія былъ внимателенъ къ ней, поднимала ее на дыбы и непреодолимое желаніе какою-нибудь безумною выходкой бросить ему вызовъ, разбить его жизнь, жизнь Левушки и свою, овладѣло ею.

Она бросилась въ спальню, къ телефону, позвонила въ манежъ, приказала осѣдлатъ ей Бижу, лошадь, на которой она ѣздила уже много разъ, и немедленно подать ее къ подѣзду.

Натянувъ на ноги высокіе, лаковые ботфорты и переодевшись въ свѣтлый верховой костюмъ, Илона съ перчатками и стѣкомъ въ рукахъ, вся дрожа отъ волненія, сбѣжала съ лѣстницы.

Передъ гостиницей уже стоялъ берейтеръ, держащій подъ уздцы породистаго гнѣдого жеребца.

— Это не Бижу! — гнѣвно воскликнула Илона.

— Нѣтъ, мадемуазель, это Фаналь. Не зная, что мадемуазель выѣдетъ сегодня, я подагъ Бижу маркизѣ Монтець.

Илона молча взвилась на сѣдло, рѣзко сдвинула каблукъ бока своего коня и ударила его хлыстомъ. Онъ взметнулъ головой, взвился на заднія ноги, потомъ, сдѣлавъ скачокъ впередъ, помчался карьеромъ.

— Мадемуазель! Мадемуазель! — испуганно воскликнулъ берейтеръ, но Илона уже не слышала его.

Фаналь во весь духъ мчалъ ее по влажному прибрежному песку въ направленіи къ Антибамъ. Чувствуя враждебность управляющей имъ руки, онъ весь былъ натянутъ, какъ струна, каждый мускулъ его былъ готовъ къ сопротивленію.

Быстрота ѣзды, энергія, затраченная на управленіе породистымъ животнымъ, слегка утомили и успокоили

Илону. Она замедлила ходъ Фаналья, пустила его шагомъ и стала бездумно прислушиваться къ глухимъ ударамъ его копытъ о беззвучную почву, къ мягкому фырканью его ноздрей, къ поскрипыванію сѣдла и къ влажному шипѣнію грохочущихъ волнъ.

Вдругъ Фаналь насторожился, прибавилъ ходу. Вдали показались всадники: графъ Андрей на своемъ Алтаирѣ и маркиза Монтець на Бижу. Илона почувствовала себя пронзенной страданіемъ. Глухой вскрикъ сорвался съ ея губъ, безуміе промелькнуло въ ея расширившихся глазахъ. Она подняла Фаналья на галопъ, но, поровнявшись съ графомъ Андреемъ и маркизой, такъ внезапно повернула его на полномъ ходу, что песокъ взвился изъ-подъ его копытъ. Онъ сдѣлалъ скачокъ въ сторону, въѣхалъ въ воду, вскинулся весь и, закусивъ удила отъ страха и ярости, понесся въ томъ же направленіи, къ Антибамъ.

Илона не сдерживала его. Утративъ сознаніе дѣйствительности, она съ непротивленіемъ спящей и перерывающей страшной сонъ, отдавалась этому ураганному полету.

— Илона! — раздался за нею глухой возгласъ графа Андрея, и въ то же мгновеніе мимо нея промчался весь замысленный, храпящій Алтаиръ. Обогнавъ Фаналья, онъ преградилъ ему путь. Увѣренная, твердая рука графа Андрея перехватила поводъ изъ обезсилившихъ рукъ молодой дѣвушки.

— Илона, что за ребячество! — воскликнулъ онъ, тяжело переводя дыханіе. — Что за безуміе!

— Отпустите поводья. Къ чему эта комедія... Что вамъ до меня? — крикнула она со страстью и горечью.

— Я не зналъ, что маркиза пріѣдетъ сюда, Илона. Клянусь вамъ, что я этого не зналъ.

— Я не вѣрю вамъ... — медленно, съ жестокимъ удареніемъ проговорила она.

Глухая ненависть, всегда таящаяся въ глубинѣ страсти, проснулась въ ней. Ее охватило злобное желаніе унижить, оскорбить Андрея, ударить его судорожно сжатымъ въ рукѣ стѣкомъ.

— Нѣтъ, я не вѣрю вамъ, — повторила она. — Вѣдь вы такъ-же спокойно, какъ и теперь, утверждали тогда

на набережной, въ день моего прїѣзда, что все кончено между вами и маркизой. О, какъ вы лгали... И для чего? Чтобы дать мнѣ надежду... Чтобы забавляться моимъ чувствомъ... Но не думайте, что все это время я была вашей игрушкой... Я давно излѣчилась отъ увлеченія вами... Сейчасъ во мнѣ говоритъ только оскорбленная гордость... — она задышалась, ея пересохшія губы дрожали отъ муки.

— Вы несправедливы ко мнѣ, Илона, — блѣднѣя все больше, но не теряя власти надъ собою, возразилъ графъ Андрей. — Дайте мнѣ возможность высказаться, оправдаться передъ вами. Маркиза прїѣхала сюда, прочитавъ о моемъ пребываніи здѣсь въ газетахъ. Я только что объяснился съ нею. Она уѣдетъ сегодня-же...

— И вы съ нею... — разразилась она злобнымъ хохотомъ.

— Илона, какъ ужасенъ этотъ смѣхъ на вашихъ чистыхъ губахъ! — съ нѣжнымъ упрекомъ воскликнулъ графъ Андрей.

Онъ зналъ, что только горячее проявленіе его страсти способно сломить ея скорбное, ожесточенное упрямство и отъ желанія обнять ее у него задрожали руки. Онъ выпустилъ поводья Фаналя, досталъ изъ кармана платокъ, вытеръ имъ покрывшійся влагою лобъ.

Лошади тронулись шагомъ, касаясь другъ друга боками. Колѣно Илоны случайно прижалось къ ногѣ графа Андрея. Поддавшись неудержимому порыву, онъ взялъ ея руку и, стянувъ съ нея перчатку, прижался къ ней губами. Илона слабо вскрикнула. Обжигающія струи пробѣжали по ея тѣлу и она почувствовала, что эта неожиданная, такая мучительная своею краткостью, ласка мгновенно изгнала изъ нея терзавшаго ее демона ревности. Потрясенная до глубины души, она молчала, стараясь преодолѣть овладѣвшую ею слабость.

— Илона, если я сдѣлалъ вамъ больно, простите, — наклонился къ ней графъ Андрей. Что-то вздрагивающее было въ его голосѣ.

— Такъ не можетъ продолжаться... Я должна уѣхать, — съ отчаяніемъ проговорила она.

— Не будемъ теперь ни обсуждать, ни принимать рѣ-

шений. Мы слишком взволнованы для этого. Я хочу только знать, что между нами снова миръ, Илона.

Она печально усмѣхнулась:

— Миръ между нами? Не думаю... Можетъ быть перемиріе...

— Я счастливъ и этимъ, — безъ улыбки отвѣтилъ онъ. — Вы устали, вамъ необходимо отдохнуть, выпить чего-нибудь горячаго. Мы уже въ Антибахъ. Заѣдемте въ павильонъ? Хотите?

— Да, мнѣ почему-то холодно...

Зала моднаго кафе была переполнена публикой, пріѣхавшей сюда на автомобиляхъ или верхомъ, чтобы послушать новый американскій джезъ и выпить аперитивъ.

У широкаго, прорѣзающаго почти всю стѣну, готического окна оказался свободный столикъ, и графъ поторопился занять его. Илона заказала себѣ чаю съ ромомъ. Зубы ея стучали о чашку. Она дрогла и не могла согрѣться.

— Не протелефонировать-ли мнѣ Левушкѣ захватить съ собою вашу шубу и пріѣхать за нами сюда на Минервѣ? Онъ можетъ привезти съ собою и берейтера, которому мы передадимъ нашихъ лошадей, — осторожнымъ голосомъ, словно боясь сдѣлать ей больно, или разсердить ее, предложилъ Илонѣ графъ Андрей.

— Пожалуй, — вяло согласилась молодая дѣвушка. Напоминаніе о женихѣ и мысль о скорой встрѣчѣ съ нимъ была ей тяжела въ эту минуту, но она сознавала, что графъ Андрей нашелъ самый тактичный выходъ изъ созданнаго ею неловкаго положенія и что она не способна вернуться домой верхомъ.

Къ тому-же собиралась гроза. Небо за окномъ такъ заволокло темными тучами, что стало пасмурно. Отъ этого въ павильонѣ стало только уютнѣе: на многихъ столахъ зажглись розовыя лампочки; пляшущіе звуки оглашали продушенный дорогами папиросами и духами, сильно закуренный воздухъ. Американскій теноръ въ черепаховыхъ очкахъ вызывалъ бурное одобреніе присутствующихъ своимъ искуснымъ подражаніемъ саксофону.

Окинувъ разсѣяннымъ взглядомъ сидящихъ за аперитивами мужчинъ и женщинъ, Илона нашла, что ихъ из-

мозженные спортом и темные от загара лица напоминают лики византийских святых.

— Левушка сейчас придет, — сказала, садясь напротив Илоны, вернувшийся от телефона граф Андрей. — Он сильно обеспокоился, узнав, что я встретил вас в ту самую минуту, когда понесла ваша лошадь.

Илона иронически усмехнулась, хотела что-то сказать, но только повела плечами и долго молчала, упорно глядя вдаль, на бушующее море. Светский тон, которым граф Андрей холодно и тонко намекнул ей на предстоящее поведение с женихом, причинил ей боль. Вся мучительная и сложная сеть лжи, опутавшая их три жизни, наполнила ее душу до самых краев холодным отвращением: „Я уйду... уйду завтра“, подумала она: „Все лучше этого унижительного существованія...“

Твердая, сухая и теплая рука графа Андрея мягко и уверенно сжала ее пальцы:

— Илона, одно ваше слово и я уйду завтра.

Горячая волна залила ее сердце. Как чутко угадал он ее мысли. Сколько ласки в его голосе... Разстаться с ним? Зачем же тогда жить?

Она подняла на него налитые темною скорбью глаза:

— Не завтра, Андрей...

— Так мы никогда не вырвемся из этого заколдованного круга.

— Я только-что думала об этом. И все-таки, прошу вас, не завтра... Ах вот уже и Левушка. Как скоро!

— Илона, — бросился к ней жених. — Как ты напугала меня! Я искал тебя во всем Жуанѣ. Каким непростительным легкомыслием с твоей стороны было уехать верхом в такую погоду, да еще на новой лошади. Почему ты не послала за мною шассера? Я поехал бы с тобою.

— Твои упреки справедливы, Левушка. Но что сделано, того уже не изменишь. Ёдемъ домой. Я, кажется, порядком простудилась.

— Ну, вот... Ну, вот... — с отчаянием повторял Левъ Юрьевичъ.

Завернувшись в шубу, Илона забила в угол автомобиля, закрыла глаза и просидела так до той минуты,

когда машина остановилась передъ отелемъ le Provençal.

— Маленькая, я позвоню доктору, — робко предложилъ Левъ Юрьевичъ, поднявшись съ невѣстой и братомъ въ холлъ.

— Нѣтъ, Левушка, и думать не смѣй, — воскликнула Илона, входя въ только что спустившійся лифтъ. — Я сейчасъ прямо пройду къ себѣ, лягу и вечеромъ буду здорова. До свиданія, — она протянула ему руку, потомъ съ блѣдной улыбкой обратилась къ графу Андрею: — Я была несносной сегодня и испортила вамъ все утро... Простите.

Онъ молча поклонился.

Лифтъ-бой захлопнулъ дверцу, надавилъ кнопку и бронзовая клѣтка подъемной машины съ легкимъ гуломъ поплыла кверху.

— Ну вотъ опять она больна... Опять чѣмъ-то разстроена. Опять старается отдѣлаться отъ меня... — огорченно вздохнулъ Левъ Юрьевичъ. — Я такъ больше не могу, Андрей. Я чувствую, что она разлюбила меня, тяготится мною, но боюсь, прямо боюсь вызвать ее на объясненіе. Скажи мнѣ, ты находишь наши отношенія нормальными?

— Я ихъ не знаю.

— Но ты-же постоянно видишь насъ вмѣстѣ.

— Княжна очень ровна. Весела.

— Да что ты, Андрей! Она стала клубкомъ нервовъ. Она совершенно измѣнилась. Прежде она постоянно говорила о своемъ чувствѣ ко мнѣ... любила мои ласки... А теперь она еле терпитъ ихъ... Ахъ, Андрей, я такъ боюсь потерять ее.

— Мнѣ кажется, что твои опасенія преувеличены. У княжны впечатлительный характеръ. Она легко поддается настроеніямъ...

— Ахъ, если-бы это было такъ... Если-бы я хоть разъ одинъ уловилъ въ ней прежнюю нѣжность...

— Я нахожу, Левушка, что здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ, — оборвалъ графъ Андрей мучительный для него разговоръ. — Уже поздно. Не пора-ли намъ поднаться въ ресторанъ?

— Ахъ, конечно, — вспыхнулъ Левъ Юрьевичъ. — Извини, Андрей, я ужасный эгоистъ.

Поднявшись къ себѣ, Илона позвонила горничной, велѣла ей затопить каминъ, и замѣнивъ амазонку теплымъ кимоно, растянулась на шкурѣ леопарда у огня.

„Не думать... ни о чемъ не думать...“ внушала она себѣ, засыпая.

Х

Два дня бушевала буря, пустовалъ пляжъ и переполнялись бары въ Juan-les-Pins, но на третій солнце поднялось надъ укрошеннымъ, мѣрно-дышащимъ моремъ, и все вошло въ обычный порядокъ. Набережная снова покрылась яркими пятнами раскрытыхъ зонтовъ, закишѣла бронзовыми тѣлами всѣхъ оттѣнковъ и огласилась командой „спортивныхъ профессоровъ“.

Героиней этого утра была молодая американка, потерявшая во время урока плаванія свое жемчужное кольцо. Окруженная фотографами, репортерами, купальщиками и публикой, она, въ умопомрачительной зеленой пиджамѣ и огромномъ сомбреро изъ манильской соломы, стояла у самой воды и давала какія-то объясненія собирающемуся опуститься на дно морское для поисковъ ея жемчуга водолазу.

Илона издали наблюдала эту жанровую сценку и зарисовала ее въ альбомъ. Молодая дѣвушка была одна на пляжѣ. Графъ Андрей усиленно избѣгалъ ее со дня ихъ объясненія въ Антибахъ, а Левъ Юрьевичъ, послѣ сдѣланной ей бурной сцены за ея холодность, закончившейся первой серьезной ссорой между ними, демонстративно куда-то уѣхалъ.

„Такъ не можетъ дольше продолжаться... Такъ не можетъ дольше продолжаться...“ стиснувъ зубы твердила про себя Илона, въ то время, какъ ея художественный инстинктъ почти безсознательно улавливалъ и схватывалъ характерные очерки интересующихъ ее фигуръ, а карандашъ смѣло и точно набрасывалъ ихъ на бумагу.

— Мое почтеніе, княжна, — подошелъ къ ней Нольденъ. — Можно взглянуть на вашъ рисунокъ? Браво! Вамъ отлично удастся сиу'эзъ мистрисъ Фугеръ. И водо-

уазъ, какъ живой. Вы намѣренно придали ему сходство съ лягушкой?

— Да. Приключеніе мистрисъ Фугеръ, потерявшей въ морѣ ожерелье, напомнило мнѣ сказку о царевнѣ, уронившей въ колодезь свой золотой мячъ. Къ ней, избавителемъ изъ бѣды, явился прекрасный принцъ подъ оболочкой лягушки. Какъ знать, можетъ быть и подъ костюмомъ водолаза скрывается „прекрасный юноша“.

— Возможно. Однако я увѣренъ, что въ награду за свой подвигъ онъ не попроситъ у мистрисъ Фугеръ, какъ принцъ у своей красавицы, позволенія спать въ ея шековой постелькѣ. Вѣдь этой принцессѣ доууаровъ пошеу уже шестой десятокъ. Но какъ она умопомрачительно разодѣта. Это не шикарно. Жены миллиардеровъ рисуются здѣсь тѣмъ, что недѣлями не вылѣзаютъ изъ все той-же, выгорѣвшей отъ солнца, пиджамы.

Илона встала и захлопнула альбомъ.

— Мнѣ пора домой, — протянула она руку Нольдену

— Левушка пригласилъ меня ѣхать сегодня, послѣ обѣда, на моторной уодкѣ въ Монтэ-Каруо. Вы тоже поѣдете, княжна? — спросилъ онъ, слегка коснувшись губами ея пальцевъ.

— Вѣроятно... Итакъ до вечера.

Вернувшись въ отель, Илона велѣла подать ей завтракать на ея балконъ и сѣла къ столу писать матери.

„Родная моя“, быстро, почти не задерживаясь, писала ея рука на голубомъ блокъ-нотѣ: „всѣ эти дни я какъ-то особенно чувствовала твои озабоченныя мысли обо мнѣ... Да, твои предчувствія не обманули тебя. Я окончательно заблудилась въ хаосъ своихъ чувствъ. Я теряю себя все больше, все ближе подхожу къ предѣлу своихъ силъ. Мы всѣ: Андрей, Левушка и я живемъ въ заряженной атмосферѣ, въ которой неминуемо долженъ произойти взрывъ. Моя холодность приводитъ Левушку въ изступленіе. Я же начинаю ненавидѣть его, когда онъ становится нѣжнымъ. Никогда не смогу я стать его женой. Мнѣ это ясно теперь. Что сказать тебѣ объ Андреѣ? Я такъ ослѣплена любовью къ нему, что какъ ни силюсь угадать ходъ его мыслей, его переживаній, они остаются загадочными для меня. Я такъ полна внутреннею неувѣ-

ренностью и страхомъ передъ нимъ. чувствую себя такой ничтожной, такой незначительной въ его глазахъ, что неспособна относиться къ нему просто и естественно. Изъ-за этого между нами скопляются недоразумѣнія, недоговоренности и трудности, которыя становятся непреодолимыми. Ты спрашиваешь, какъ онъ относится ко мнѣ? Очень вѣжливо. Тебя удивляетъ, что онъ согласился остаться здѣсь и играть такую двойственную роль между мною и братомъ? Меня тоже. Я объясняю себѣ это только тѣмъ, что Андрей боится своимъ отъѣздомъ ускорить разрывъ между Левушкой и мною. Предвидя, что Левушка будетъ сильно страдать, онъ старается оттянуть развязку, но она близка и я жду ее, какъ освобожденія. Я слишкомъ устала отъ этой лжи, отъ равнодушія ко мнѣ Андрея...”

Раздался стукъ въ дверь. Лакей вкатилъ въ комнату столъ съ завтракомъ, поклонился и вышелъ.

Илона встала, потянулась и вдругъ застыла въ неподвижности: внизу, подъ балкономъ, послышался голосъ графа Андрея. Онъ острою болью вонзился въ ея сердце. Упавъ на диванъ, она зарылась лицомъ въ подушки и глухо зарыдала.

Въ это время Духовскіе завтракали въ ресторанѣ гостиницы. Графъ Андрей былъ очень встревоженъ отсутствіемъ Илоны и подавленнымъ настроеніемъ брата, но боясь услышать что-нибудь слишкомъ мучительное, намѣренно говорилъ о постороннихъ вещахъ. Льву Юрьевичу очень хотѣлось высказаться, но чувствуя этотъ внутренний отпоръ, онъ не рѣшался коснуться волнующей его темы и разсѣянно поддерживалъ не интересующій его разговоръ.

„Ахъ, какъ глупо это вышло... Ужасно глупо“, не устанно вращались его мысли вокругъ ссоры съ невѣстой: „Теперь Илона запретъ на нѣсколько дней. Не поѣдетъ сегодня въ Монтэ-Карло. Не легко будетъ съ нею помириться. Ужасно глупо. Какой я болванъ.“

— Поднимемся пить кофе ко мнѣ, — предложилъ ему графъ Андрей, вставая изъ-за стола.

— Какъ хочешь.

Поднявшись въ свою спальню, графъ Андрей сѣлъ въ глубокое кресло и развернулъ газету.

— Извини, мой мальчикъ, я хочу только просмотрѣть одну статью въ Figaro, — бросилъ онъ брату, углубляясь въ чтеніе.

Левъ Юрьевичъ сталъ скучающей походкой бродить по комнатѣ. Подошелъ къ туалетному столу, пригладилъ волосы брилѣйнымъ графа Андрея, потомъ открылъ флаконъ съ его духами и надушилъ себѣ ими руки и платокъ. Увидѣвъ на подносѣ нѣсколько приготовленныхъ для брата трубокъ, онъ закурилъ одну изъ нихъ и подошелъ къ окну. Сверкающее, зеркально-гладкое море было отдѣлено отъ горизонта ярко синей полосой; ближе къ берегу на его поверхности вырисовывались золотистыя и фіолетовыя отмели. Левъ Юрьевичъ постучалъ скучающимъ движеніемъ по стеклу; началъ что-то насвистывать.

„Ахъ, какъ глупо. Ужасно глупо“, все еще продолжалась нескончаемая серія все той-же навязчивой мысли въ его мозгу. Чтобы отдѣлаться отъ нея, онъ обратился къ брату:

— Знаешь, Андрей, лучшей погоды и придумать было бы нельзя для нашей сегодняшней поѣздки въ Монтэ-Карло.

— М-м-м... — перегоняя папиросу изъ угла въ уголокъ рта и не отрывая глазъ отъ газеты утвердительно кивнулъ тотъ.

Терпѣнію Льва Юрьевича насталъ конецъ. Досадливымъ движеніемъ выколотивъ трубку, онъ бросилъ ее въ пепельницу и вышелъ въ коридоръ. Проходя мимо двери Илоны, онъ задержался.

„А что, если войти? Просто такъ... Будто ничего не случилось...“ промелькнуло у него въ головѣ.

Уступая соблазну, онъ взялся за ручку двери. Она неожиданно и быстро поддалась: дверь растворилась.

На, сидѣвшую спиною къ ней въ креслѣ, Илону повѣяла струя воздуха, продушенная смѣсью запаховъ, постоянно витающихъ вокругъ графа Андрея. Сердце молодой дѣвушки отчаянно забилося. Она закрыла глаза, откинулась на подушку: „Неужели онъ? Неужели Андрей?“ думала она, боясь обернуться, боясь спугнуть мечту.

Левъ Юрьевичъ безшумно подошелъ къ ней сзади, и, вдругъ охваченный неудержимымъ порывомъ, сталъ цѣловать ея волосы, ея шею, ея поблѣднѣвшее лицо. Опыленная дурманыщимъ ее запахомъ, Илона, какъ въ жгучемъ снѣ, отдавалась его ласкамъ. Впечатлѣніе близости графа Андрея было такъ совершенно для нея, что она чуть не назвала его имени. Но Левъ Юрьевичъ что-то прошепталъ и блаженная иллюзія мгновенно оборвалась. Илона рѣзко оттолкнула жениха и дрожа всѣмъ тѣломъ вскочила на ноги:

— Довольно... Довольно... Уйди, — съ мукой и ужасомъ крикнула она ему.

— Ты не знаешь, какъ я люблю тебя, — протянулъ онъ къ ней руки. Въ голосъ его звучала хищная страсть.

Она вся вздрогнула отъ отвращенія. Закрыла лицо руками.

— Уйди, уйди-же, — глухо повторила она.

— Маленькая, не гони меня, — взмолился Левъ Юрьевичъ. — Вѣдь ты сейчасъ выдала себя. Теперь я знаю, что ты любишь меня... Но зачѣмъ этотъ вѣчный отпоръ? Этотъ страхъ моихъ ласкъ? Въ Территѣ ты была совсѣмъ другою.

— Въ Территѣ я была дома, а здѣсь я одна съ тобою. Здѣсь ты долженъ относиться ко мнѣ совсѣмъ иначе, — нашла Илона.

— Ахъ, такъ вотъ почему... — задумчиво протянулъ Левъ Юрьевичъ. — Понимаю. Ты права. Обѣщаю тебѣ лучше сдерживать себя. Но и ты сдѣлай мнѣ уступку. Не тяни больше съ нашей свадьбой.

— Мы поговоримъ объ этомъ потомъ, Левушка. Теперь я не могу. Умоляю тебя, уйди.

— Илона, ты ужасно мучишь меня... Нѣтъ... нѣтъ... Не сердись. Я покоряюсь и уйду. Только обѣщай мнѣ обѣдать съ нами.

— Конечно.

— Ты поѣдешь въ Монтэ-Карло? Да? Сдѣлай это для меня.

— Хорошо.

— Ну, вотъ я и счастливъ. Дай мнѣ твою ручку поцѣловать. Вѣдь ручку можно?

— Можно. Но теперь уходи, Левушка...

Когда онъ вышелъ изъ комнаты, Илона заперла за нимъ дверь на ключъ. Потомъ сѣла къ столу и, запустивъ пальцы въ широкія волны своихъ волосъ, крѣпко, до боли, захватила ихъ у самыхъ корней:

„Вотъ до чего я дошла“, думала она, блѣднѣя отъ горячечнаго бѣга своихъ мыслей: „Вотъ до чего я дошла... Вѣдь я знала, что это не Андрей и сама внушала себѣ этотъ сводящій меня съ ума самообманъ. Вотъ до какой извращенности довела меня моя страсть. Какъ права была мама, предвидя, что мое страданіе будетъ полно презрѣнія и ненависти къ себѣ. Однако, довольно... Пора положить конецъ этому бреду. Я должна вырваться изъ заколдованнаго круга, обвѣденнаго судьбою вокругъ Андрея, Левушки и меня. Должна и вырвусь, даже если это убьетъ меня.“

Выйдя отъ Илоны, Левъ Юрьевичъ радостно бросился къ брату:

— Андрей, я не могу больше молчать. Теперь ты долженъ выслушать меня! — воскликнулъ онъ, отнимая у графа Андрея газету и садясь на поручень его кресла. — Я счастливъ, Андрей. Я съ ума схожу отъ счастья. Представь себѣ, сегодня утромъ я поссорился съ Илоной изъ-за ея холодности ко мнѣ. Но сейчасъ мы помирились и какъ. Мы оба потеряли голову...

Левъ Юрьевичъ подробно сталъ рассказывать только что происшедшую сцену въ комнатѣ невѣсты.

Сначала, оглушенный этимъ градомъ падающихъ на него словъ, графъ Андрей безвольно слушалъ брата, но вдругъ, охваченный ревнивою ненавистью къ нему и къ Илонѣ, стремительно вскочилъ съ кресла.

— Ни слова больше, Левушка, — топнулъ онъ ногою. — Какъ ты можешь? Вѣдь это-же какой-то эксцессъ откровенности. Есть вещи, о которыхъ не говорятъ даже съ самыми близкими людьми...

Левъ Юрьевичъ вспыхнулъ:

— Я не понимаю тебя, Андрей, — растерянно пожалъ онъ плечами. — Я такъ привыкъ дѣлиться съ тобою всѣми моими переживаніями.

— Я это очень цѣню. Однако, всему есть границы. Во всякомъ случаѣ я радъ за тебя, если ты счастливъ.

— Поѣдемъ куда-нибудь, Андрей. Мнѣ такъ хочется движенія, солнца.

— Нѣтъ, у меня много дѣла. Я еще не просмотрѣлъ сегодняшней почты.

— Какая досада! Опять я одинъ до обѣда. Что-бы мнѣ придумать? Ну, зайду за Нольденомъ и пойду съ нимъ въ казино.

— Отличная мысль.

Когда закрылась дверь за братомъ, графъ Андрей сталъ быстрыми шагами ходить по комнатѣ. Ревность, слѣпая бессмысленная ревность такъ завладѣла имъ, такъ отравила его въ нѣсколько минутъ, что онъ сталъ сомнѣваться въ любви Илоны. Мысль о томъ, что она „голову потеряла“ отъ Левушкиныхъ ласкъ, приводила его въ бѣшенство.

„Какъ я былъ ею ослѣпленъ“, думалъ онъ съ ѣдкою горечью: „Я воображалъ, что насъ связываетъ неповторяющееся, исключительное чувство. Въ дѣйствительности Илона просто кокетка. Сегодня ее забавляетъ и привлекаетъ Левушка, завтра я. Слѣдовало-бы открыть Левушкѣ глаза. Да нѣтъ. Зачѣмъ причинять ему страданіе. Я благословлю ихъ и уѣду, благодаря судьбу за то, что она трагедію превратила въ оперетку.“

Графу Андрею захотѣлось пойти къ Илонѣ, схватить ее, причинить ей физическую боль, сказать ей то, что онъ думаетъ о ней, но онъ сдержался, и когда наступилъ часъ обѣда, поднялся въ ресторанъ съ застывшимъ, каменнымъ лицомъ.

„Что съ нимъ?“ сжалось сердце Илоны, уже сидѣвшей съ Львомъ Юрьевичемъ и Нольденомъ за убранымъ мимо-зами столомъ.

Она была въ узкомъ, точно струящемся съ нея серебряномъ платьѣ; небольшая шляпа обрамляла ея голову, какъ серебряное сіяніе. Все въ ней было изысканно и драгоцѣнно.

Графъ Андрей холодно, въ упоръ, посмотрѣлъ на нее своими съюзившимися, твердыми, какъ сталь, сѣрыми глазами. Но встрѣтивъ ея испуганный, полный затаенной

муки взгляды, онъ понялъ, что любить ее безумно, что ни минуты не вѣрилъ въ ея измѣну и только не могъ простить ей ея необъяснимаго порыва къ Левушкѣ. Представленіе о немъ будило непримиримую жестокость, затаившуюся въ глубинѣ его души и причинявшую ему самому невыносимое страданіе.

— Андрей, разрѣши нашъ споръ, — оживленно обратился къ нему Левъ Юрьевичъ. — Вотъ Патрикъ восторгается Сень-Сансомъ, а я не выношу его банальныхъ эффектовъ. Въ „Dance macabre“, напримѣръ, — это щелканье мертвыхъ костей, крикъ пѣтуха, наполняетъ меня холоднымъ отвращеніемъ. Въ реалистикѣ Сень-Санса есть что-то циничное. Ты не находишь?

Завязался длинный разговоръ о музыкѣ. Погруженная въ свои переживанія Илона не принимала въ немъ участія. Она всѣми своими фибрами чувствовала враждебность къ ней графа Андрея и тревожно искала ей объясненія. Мысль о томъ, что Левъ Юрьевичъ могъ рассказать брату о происшедшемъ въ ея комнатѣ, была далека отъ нея. Она терялась въ догадкахъ. Несмотря на взятое ею рѣшеніе порвать съ графомъ Андреемъ, страхъ передъ разлукой съ нимъ положительно сводилъ ее съ ума. Ей казалось несомнѣннымъ, что онъ рѣшилъ уѣхать, не давъ ей даже возможности проститься съ нимъ. Поэтому велика была ея изумленная радость, когда, сѣвъ за руль моторной лодки, она услышала надъ собою его голосъ, просящій разрѣшенія сѣсть рядомъ съ нею. Въ отвѣтъ она только подняла къ нему свое блѣдное, чуть улыбающееся лицо. Онъ молча опустилсѣ на кожаныя подушки лакированного сидѣнія.

Левъ Юрьевичъ и Нольденъ заняли заднія мѣста, и закуривъ сигары, возобновили оборвавшійся разговоръ о творествѣ Вагнера.

Подавшись впередъ, Илона внимательно управляла своей стремительной бѣлой лодкой, съ влажнымъ хлопаніемъ мчавшейся по изумрудной глади вечерняго моря.

— Не такъ быстро! — крикнулъ ей женихъ.

Ея затянута въ мягкую, длинную перчатку рука нажала рычагъ. Машина замедлила ходъ.

— Нѣтъ, быстрѣе! — жестко, не разжимая челюстей, проговорилъ графъ Андрей.

Илона вздрогнула вся, повела губами и снова перевела рычагъ.

„Ахъ, врѣзаться-бы сейчасъ на этой узкой, бѣлой ракетѣ въ самую морскую глубь... Исчезнуть-бы въ ней навсегда“, пронеслось въ ея измученной головѣ.

Графъ Андрей не сводилъ съ нея глазъ; ея въ эту минуту такая нѣжная, такая утонченная красота причиняла ему боль. Онъ предпочелъ-бы видѣть ее менѣе ослѣпительной и болѣе своей. Сознаніе, что она небезпредѣльно принадлежитъ ему, что она способна отдаваться ласкамъ другого, лишало его разсудка. Желаніе оскорбить Илону, заставить ее вскрикнуть отъ боли, становилось все непреодолимѣе въ немъ. Онъ зналъ, что готовая сорваться съ его губъ слова несправедливы и жестоки, но они душили его и онъ долженъ былъ освободиться отъ нихъ. Онъ слегка перегнулся къ Илонѣ:

— Я уѣзжаю завтра, княжна. Левушка все рассказъ мнѣ. Я счастливъ за него. Вашъ страстный порывъ къ нему увѣрилъ его въ вашей любви... — съ вызывающей ѣдкостью проговорилъ онъ. — Однако, меня удивляетъ двойственность вашей натуры, — его губы злобно искривились. — Впрочемъ, это теперь въ модѣ, — *une petite pointe de perversité*.

Илонѣ показалось, что вся жизнь уходитъ изъ нея. Она застыла отъ ужаса. Лицо ея осталось неподвижнымъ, ни одинъ нервъ не дрогнулъ въ немъ, но изъ-подъ полуопущенныхъ длинныхъ рѣсницъ ея вдругъ покатались обильныя, медленныя слезы. Она не ощущала ни своего тѣла, ни своей души, ни даже своего горя, она чувствовала только эти горячія струйки, бѣгущія по ея холоднымъ щекамъ, по ея шеѣ, и подвижной кругъ руля, послушно поддающійся ея дрожащимъ рукамъ.

Графъ Андрей почувствовалъ себя пронзеннымъ состраданіемъ и любовью къ ней, но не могъ еще сдаться: заноза ревности слишкомъ глубоко вонзилась въ его сердце. Онъ такъ близко придвинулся къ молодой дѣвушкѣ, что плечо его коснулось ея плеча.

— Илона, я хочу объясненія... Я хочу знать... — глухо сказалъ онъ.

— Что-же мнѣ отвѣтить вамъ? — съ трудомъ произнесла она голосомъ, звучащимъ внутренними слезами. — Вы жестоки... Вы измучили меня своею любовью къ брату, своею холодною... Я была сильной, но я разбилась о васъ... стала невмѣняемой... дошла до галлюцинацій. — Илона перевела дыханіе, ей казалось, что вѣтеръ срываетъ слова съ ея губъ и уносить ихъ куда-то, что они не доходятъ до слуха графа Андрея. Она сдѣлала новое усиліе, чтобы утвердить свой голосъ. — Сегодня Левушка подкрался ко мнѣ... Онъ весь былъ продуренъ вашими духами... Я закрыла глаза...

— Илона... — скрипнулъ онъ зубами.

— Да... вотъ, что вы сдѣлали изъ меня... Вотъ, что вы сдѣлали изъ моей любви...

— Илона, да неужели-же ты не видишь, не понимаешь, что я безумно люблю тебя... — вырвалось у него.

Вся кровь отлила отъ ея лица. Она была близка къ потери сознанія.

— Илона, что за бѣшенная ѣзда. Мы сейчасъ налетимъ на барку, — раздался за нею раздраженный окрикъ жениха.

Графъ Андрей замедлил ходъ мотора. Остановилъ его.

— Переѣднимся мѣстами, — мягко предложилъ онъ Илонѣ.

— Что случилось? — испуганно спросилъ Левъ Юрьевичъ.

— Княжна устала управлять, — отвѣтилъ ему братъ, садясь за руль.

Илона откинулась на подушки. Безсознательнымъ движеніемъ тѣснѣ завернулась въ свой мѣхъ и подняла голову къ небу. Въ чертахъ ея лица было что-то замороженное: широко открытые глаза казались устремленными на какое-то чудесное видѣніе. Наполнявшее ея душу счастье было полно и совершенно.

Графъ Андрей сосредоточенно управлять лодкой. Во взглядѣ его появилось что-то замкнутое и суровое. Онъ

проклиналъ себя за то, что выдалъ свое чувство Илонѣ, далъ ей надежду на несбыточное счастье.

„Мы слишкомъ долго играли огнемъ, теперь онъ охватилъ насъ и уничтожить наши жизни...“ бились мучительныя мысли въ его мозгу: „Мы не перенесемъ разлуки. Ни я, ни Илона... А сколько горя ожидаетъ Левушку. Какъ скрыть отъ него правду?.. Какъ избавить отъ предстоящихъ ему страданій?“

Въ Монтэ-Карло было по вечернему людно. Въ холлѣ казино сновала оживленная публика, только-что хлынувшая изъ дверей театральной залы, въ которой наступилъ антрактъ. За колоннами, какъ всегда, бродили темныя личности, покупающія драгоцѣнности у проигравшихся въ рулетку, или сужающія ихъ деньгами.

Въ игорныхъ залахъ царилъ тишина, прерываемая только громкими возгласами крупье. Вокругъ освѣщенныхъ сверху длинныхъ зеленыхъ столовъ толпились любители рулетки.

— Подойдемъ къ среднему столу. Онъ самый счастливый, — предложилъ Левъ Юрьевичъ, уже охваченный лихорадкою игры. — Какое сегодня число? — обратился онъ къ Илонѣ и не дожидаясь отвѣта, бросилъ нѣсколько желтыхъ жетоновъ, замѣняющихъ деньги на „зеро“.

— Rien ne va plus, — крикнулъ „верховный жрецъ вращающейся чаши“ и безчисленные, сосредоточенно горящіе глаза устремились на бѣлый мечущійся шарикъ; безчисленные, сильнѣе забившіяся сердца воззвали къ Фортунѣ: „Улыбнись мнѣ, хоть только на этотъ разъ“.

Но она услышала немногихъ и нѣсколько минутъ спустя, безжалостная, какъ сама судьба, лопаточка крупье безучастно сгребла съ испещренного цифрами сукна крупныя ставки миллионеровъ и долго согрѣтые въ рукѣ, послѣдніе десятифранковыя жетоны бѣдняковъ. Однако это не надолго смутило фанатиковъ игры: записавъ, или проколовъ булавкой только-что вышедшій номеръ на длинномъ картонѣ, они снова стали готовиться къ атакѣ банка.

— И твои 200 франковъ тю-тю, Левушка, — разсмѣялся Нольденъ.

— Кому не везетъ въ игрѣ, тому везетъ въ любви, —

увѣренно продѣвая руку подѣ локоть Илоны, пожалъ плечами Левъ Юрьевичъ. — Но гдѣ Андрей?

— А вонъ онъ стоитъ напротивъ, за спиною этого краснощекаго гоууандца, который, несмотря на увѣщеванія крупье, упрямо играетъ одновременно на rouge и noir.

— Уйдемъ отсюда. Здѣсь такъ душно, — утомленно проговорила Илона, отнимая руку у жениха. — Пойдемъ куда-нибудь ѣсть мороженое.

— Отлично, маленькая. Вотъ какъ-разъ и Андрей смотреть сюда.

Левъ Юрьевичъ движеніемъ головы указалъ брату на дверь. Тотъ утвердительно кивнулъ и направился къ выходу.

Нѣсколько минутъ спустя, они всѣ сидѣли за мраморнымъ столикомъ на верандѣ Café de Paris. Негритянской джезъ игралъ какую-то грустную мелодію: нѣжно и жалобно звучали флейты; саксофонъ о чемъ-то страстно молилъ. Ночной воздухъ былъ напоенъ запахомъ моря и ароматомъ цвѣтовъ.

— Маленькая, что съ тобою? У тебя сейчасъ глаза сомнамбулы, — склонился Левъ Юрьевичъ къ Илонѣ.

— Оставь меня, — отвѣтила она еле шевеля губами. Его голосъ вырвалъ ее изъ міра ея грезъ и причинилъ ей боль. Ей хотѣлось взглянуть на Андрея, увидѣть его лицо, убѣдиться въ томъ, что счастье ея не сонъ, но она не въ силахъ была поднять на него рѣсницы.

— Княжна, вамъ слѣдовало-бы зайти сегодня въ Cercle des étrangers. Вотъ уже три ночи, какъ тамъ идетъ игра въ баккара на бѣшенныя суммы. Бываютъ карты въ миллионъ, — обратился къ ней, прерывая разговоръ съ графомъ Андреемъ, Нольденъ. — Увѣрю васъ, это что-то небывалое, даже въ аннауахъ Монтэ-Каруо. Очень стоитъ посмотреть. А потомъ мы поужинаемъ въ Карлтонѣ. Онъ открытъ всю ночь.

— Мнѣ нездоровится и меня не интересуеъ игра. Но я не хочу лишать Левушки „ни зрѣлища, ни хлѣба“ и отлично могу вернуться въ Жуанъ одна на автомобилѣ.

— Нѣтъ, я самъ отвезу васъ домой на моторной лод-

кѣ. Меня тоже мало привлекаетъ баккара, — спокойно проговорилъ графъ Андрей.

Это было такъ неожиданно, что у Илоны отъ волненія закружилась голова. Она лишь смутно слышала слабые возраженія Льва Юрьевича и убѣдительный голосъ Нольдена, уговаривающаго его остаться. Внутреннее чутье подсказало ей, что отъ нея зависитъ исходъ этого спора и преодолевъ свою слабость, она встала:

— Оставайся, Левушка, — улыбнулась она жениху. — Вѣдь тебя непреодолимо тянетъ въ казино.

— Это приказаніе, маленькая? Тогда, нечего дѣлать, я повинуюсь, — размѣялся очень довольный оборотомъ дѣла Левъ Юрьевичъ.

Выйдя всѣ вмѣстѣ изъ кафе, они разстались у казино. Левъ Юрьевичъ и Нольденъ направились въ игорный домъ, а Илона и графъ Андрей сѣли въ автомобиль, чтобы спуститься къ гавани. Весь этотъ короткій путь они проѣхали молча. Напряженное, острое до боли ожиданіе той минуты, когда они останутся наединѣ, сжигало ихъ обоихъ.

Она настала наконецъ: они сидѣли рядомъ въ бѣлой лодкѣ, мчавшей ихъ среди мрака и нѣмой тишины глубокихъ водъ, все дальше и дальше, словно стремясь подняться къ близкимъ звѣздамъ сливавшагося съ моремъ небосклона.

Эта оторванность отъ міра, близость Илоны, одиночество съ нею, между небомъ и моремъ, наполнили графа Андрея такимъ лихорадочнымъ желаніемъ жить и переживать, что онъ не находилъ въ себѣ мужества заговорить о неизбѣжной разлукѣ.

Истоженная, испуганная его долгимъ молчаніемъ, Илона коснулась его руки:

— Я не могу больше, Андрей... — умоляюще прошептала она.

Его горячія руки бережно охватили ея плечи:

— Илона, наша любовь можетъ намъ принести только страданіе, — съ больною страстью проговорилъ онъ. — Вѣдь ты-же знаешь, что ты для меня табу, что забывъ объ этомъ, я предаль-бы самаго дорогого мнѣ на свѣтѣ человѣка... Левушку.

— Забудь о немъ, Андрей... Хотя только на эту ночь... А потомъ я уѣду... исчезну изъ твоей жизни... Любимый... любимый мой, — въ ея голосѣ была сладкая, захватывающая мука.

Не въ силахъ больше владѣть собою, графъ Андрей порывисто сжалъ ее въ тѣсномъ объятіи.

Небо уже начало блѣднѣть, когда они вернулись къ дѣйствительности.

— Скажи мнѣ еще разъ, что любишь меня, — прошептала Илона.

— Ты для меня воплощеніе всего счастья, всей страсти міра... И все-таки мы должны разстаться...

— Я это знаю и понимаю тебя, — прильнула она головою къ его груди. — Я уѣду сегодня... Съ раннимъ поѣздомъ... Но мы разстанемся не навсегда. Когда Левушка переболѣетъ свое чувство ко мнѣ, когда онъ забудетъ о моемъ существованіи и можетъ быть женится на другой, ты позовешь меня. Мы будемъ ждать хоть годы. Ты никогда не разлюбишь меня... Я это знаю. Это дастъ мнѣ силу перенести всѣ испытанія долгой разлуки.

— Илона! Волшебница! Ты даешь мнѣ лучъ надежды на счастье въ будущемъ. Я не видѣлъ исхода. Ты нашла его. Но какъ тяжело мнѣ за Левушку. Ты объяснишься съ нимъ?

— Нѣтъ. Я напишу ему, что ошиблась въ своемъ чувствѣ, что не могу стать его женой.

— Однако ты любила его.

— Никогда. Только ты жилъ въ моей душѣ. Только тебя предчувствовали, угадывали мои грезы. Обманутая слабымъ сходствомъ Левушки съ тобою, я въ немъ полюбила твои черты. Ты не знаешь, Андрей, что я пережила увидѣвъ тебя...

Графъ Андрей поднялъ къ себѣ ея лицо:

— Люблю... Люблю... — медленно цѣлуя ея губы повторялъ онъ вздрагивающимъ голосомъ. — Люблю... люблю...

— Домой, Андрей. Отвези меня домой, — прошептала она. — Черезъ нѣсколько часовъ мы разстанемся надолго, но до моего отъѣзда ты останешься со мною. Ле-

вушка вернется подь утро. Прямо къ себѣ. Онъ не узнаетъ никогда.

— Нѣтъ, Илона, это обманъ...

— Мы искушимъ его. Ахъ, какъ мы искушимъ его нашей долгой разлукой. Останься со мною сегодня, Андрей. Умоляю тебя... А потомъ я долго, терпѣливо буду ждать, пока ты самъ не позовешь меня. Не цѣлуй меня такъ... Милый... Намъ пора. Мы должны вернуться до разсвѣта.

Она опустилась на коверъ, разостланный на днѣ лодки, и, запрокинувъ голову на подушку сидѣнья, устремила взглядъ на угасающія звѣзды.

Раздался шумъ мотора, всплескъ волны. Бѣлая лодка задрожала, какъ отъ испуга, и снова легко и быстро полетѣла по ночной водѣ.

XI

Въ семь часовъ утра Илона уже сидѣла въ поѣздѣ, мчавшемъ ее въ Швейцарію. Она была такъ полна ликующимъ чувствомъ раздѣленной любви, такъ одурманена утаромъ страсти, что боль разлуки съ Андреемъ еще не дошла до ея сознанія. Усталая и обезсиленная, молодая дѣвушка провела весь день полулежа въ вагонномъ креслѣ, вся отдаваясь во власть своихъ знойныхъ воспоминаній.

Она вернулась въ Территъ ночью. Отперла дверь виллы „Генціана“ своимъ ключомъ, неслышно прошла къ себѣ, взяла ванну, привела комнату въ жилой видъ и, пріятно предвкушая радостное удивленіе матери на другое утро, сейчасъ-же забылась глубокимъ сномъ на своей бѣлой, только что обтянутой свѣжимъ бѣльемъ кровати.

Проснувшись уже за полдень, Илона пріѣтственнымъ взглядомъ обвела свою комнату, свои вещи, разрисованный ею самую потолокъ и, набросивъ на себя кимоно, побѣжала искать княгиню, которую нашла читающей на балконѣ. Такъ неожиданно увидѣвъ передъ собою дочь, она вскрикнула отъ испуга и слезы радости показались на ея глазахъ.

— Илона, дорогая моя, — обняла она дочь. — Какъ

я дрожала за тебя. Какъ мучилась все это время. И кажется напрасно. Ты вся свѣтишься счастьемъ. Ну рассказывай-же мнѣ скорѣе, что означаетъ твой внезапный прїѣздъ?

— Онъ означаетъ, что я прїѣхала къ тебѣ надолго, мамочка моя, — разсмѣялась Илона садясь на подушку у ногъ матери и какъ всегда, во время душевныхъ разговоровъ съ нею, прижалась головою къ ея колѣнямъ. — Да, ты угадала, я безумно, безгранично счастлива... Андрей любить меня...

— Я никогда не сомнѣвалась въ томъ, что онъ полюбитъ тебя съ перваго взгляда. Никогда не забуду, какъ онъ былъ пораженъ увидѣвъ тебя въ первый разъ. Но какъ-же Левушка? Какъ-же принялъ онъ разрывъ съ тобою?

— Не знаю. Я сбѣжала изъ Жуана, оставивъ Левушкѣ письмо, въ которомъ призналась ему, что ошиблась въ своемъ чувствѣ къ нему, что не могу стать его женою... То, что я люблю его брата, должно пока остаться тайной для него. Это сразило-бы его... Знаешь, что мы рѣшили съ Андреемъ, мудрая моя мамочка? Мы рѣшили послѣдовать твоему совѣту: разстаться и ждать другъ друга до тѣхъ поръ, когда Левушка забудетъ меня. Я надѣюсь, что это будетъ скоро. Вѣдь у Левушки не особенно глубокая натура. Къ тому-же, онъ такъ любитъ жизнь, такъ увлекается спортами, что ему некогда будетъ много вспоминать обо мнѣ. Андрей увезетъ его въ Бретань. Тамъ для него такъ много новаго... А потомъ вѣдь Левушка очень красивъ, нравится женщинамъ, и я увѣрена, что уже черезъ нѣсколько недѣль какая-нибудь премированная или непремированная красавица замѣнитъ меня въ его сердцѣ. Какъ ты думаешь?

Княгиня медленно провела рукою по ея волосамъ:

— Не знаю, дѣточка. Онъ сильно любитъ тебя. Однако я не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ переживетъ разрывъ съ тобою. У него жизнерадостная, здоровая душа.

Въ спальнѣ раздались торопливые шаги и на балконъ стремительно вбѣжала, вѣчно куда-то стремящаяся, вѣчно суетящаяся и задыхающаяся отъ полноты Ненила Михайловна:

— Княжна... вамъ письмо отъ жениха... Срочное... Изъ Франціи... Я подписалась, — засыпала она Илону торопливыми словами, передавая ей конвертъ.

— Ненила Михайловна, голубушка, распорядитесь, чтобы подавали завтракъ, — ласково выпроводила ее княгиня.

— Сейчасъ, ваше сіятельство! Сейчасъ. Ахъ, что я хотѣла вамъ доложить... Ахъ, нѣтъ... Ничего. Ахъ, да... Сегодня айву будемъ съ деревьевъ снимать... А завтракъ сейчасъ... сейчасъ... — метнувъ изъ-подъ золотыхъ очковъ любопытный взглядъ на письмо, которое читала Илона, она исчезла за дверью.

— Отъ Левушки? — склонилась къ дочери княгиня.

— Да. Слушай, что онъ пишетъ: „Прощай, Илона. Да, ты ошиблась въ своемъ чувствѣ ко мнѣ. Я это угадывалъ съ первой минуты нашей любви и зналъ, что не достоинъ тебя. Я жилъ въ постоянномъ страхѣ, что ты вдругъ поймешь свое заблужденіе и отвернешься отъ меня. Это было неизбежно, это настало, и жизнь моя разбита. Не буду докучать тебѣ описаніемъ моихъ переживаній. Къ чему? Вѣдь равнодушіе такъ жестоко. Прости мнѣ этотъ упрекъ и вѣрь, что я никогда не перестану любить тебя, что мысли мои всегда будутъ съ тобою. Каждый четвергъ, въ день нашей первой встрѣчи, твои любимые цвѣты, чайныя розы, будутъ напоминать тебѣ о томъ, что я люблю тебя неизмѣнно, всѣми силами моей души.

Левушка.

P. S. Твои сундуки уже высланы. Я самъ, безъ помощи горничной уложилъ ихъ, и подолгу держалъ въ рукахъ каждую твою вещь, прощаясь съ нею. Прощай, Илона.“ — Голосъ молодой дѣвушки дрогнулъ.

— Бѣдный, бѣдный мальчикъ, — сердечно проговорила княгиня.

Илона встала, провела рукою по лицу.

— Мнѣ жаль его. Ему предстоятъ трудные дни... Но потомъ онъ забудетъ и утѣшится съ другою. Такъ будетъ лучше для него. Вѣдь мы совсѣмъ не подходимъ другъ къ другу. Ахъ не будемъ больше говорить объ

этомъ мучительномъ вопросѣ... Мамочка, у меня есть для тебя новость... Чудесная новость: я испытываю сегодня какой-то особенный приливъ умственного возбужденія, я охвачена „интеллектуальной сверхтемпературой“. Въ душѣ моей нарождается то таинственное состояніе, когда въ ней начинается вздрагивать трепетомъ жизни туманно задуманная мною картина. По силѣ моего нравственного подъема, я чувствую, что на этотъ разъ она будетъ произведеніемъ искусства, и что я проживу разлуку съ Андреемъ въ сомнамбулизмѣ творчества.

— Я предвидѣла, что пережитыя тобою испытанія разбудятъ твои творческія силы, Илона. Какъ ни гениаленъ художникъ, онъ не способенъ создать ничего великаго, не найдя и не познавъ себя самого въ страданіи и любви...

— Кушать подано, ваше сіятельство, — появилась въ дверяхъ Ненила Михайловна.

— Какъ досадно, что прерванъ нашъ разговоръ, — воскликнула вставая и потягиваясь Илона.

Послѣ завтрака она, полная энергіи и предвкушенія пріятной работы, поднялась съ горничными въ свою запыленную, заброшенную мастерскую и съ ихъ помощью принялась приводить ее въ порядокъ.

Въ растворенныя раздвижныя окна, выходяція на озеро и на панораму горъ, мягко вливался благоухающій запахомъ увяданія и плодовъ сентябрскій воздухъ. Изъ сада доносилось позвякиваніе ножницъ садовника, выравнивающего деревья каштановой аллеи.

„Ахъ, какъ все это чудесно. Какъ чудесно жить,“ улыбалась про себя Илона, перевѣшивая картины, разбирая этюды, переставляя мольбертъ, кресла и столы.

Вечеромъ, когда загорѣлись надъ озеромъ багряные тона заката, мастерская блистала чистотой. Новая, удачная сгруппировка мебели создала въ ней уютные и живописные уголки. Стоящая на полу огромная ваза изъ японской бронзы была наполнена хризантемами, астрами и ниспадающими до самого ковра хрупкими стеблями пламенно-желтыхъ нарциссовъ. Отпустивъ горничныхъ, Илона закурила папиросу и бросилась на диванъ.

— Ахъ, какъ хорошо! — громко воскликнула она нѣжась въ мягкихъ подушкахъ и съ упоеніемъ вдыхая смѣшанный, пряный запахъ цвѣтовъ, ароматной осенней прѣли и душистаго табака. — Ахъ, какъ чудесно. Завтра я начну работать...

Однако на другой день она почувствовала, что не достигла еще способности непрерывно поддерживать въ себѣ то таинственное созидательное состояніе, о которомъ она говорила матери, почувствовала, что ей необходимо еще нѣкоторое время выносить въ душѣ задуманную картину, не прикасаясь къ кистямъ. Она была полна тревогой творчества. Мысли ея то воспламенялись, какъ передъ наступленіемъ бреда, то угасали. Ей было тѣсно и душно между стѣнъ. Ее тянуло на волю и она часами бродила по скошеннымъ полямъ ронской долины, на которой уже цвѣли нѣжные безвременники, или неутомимо взбиралась по крутымъ, одинокимъ лѣснымъ дорожкамъ, ведущимъ въ Ко. Во время своихъ долгихъ прогулокъ она горячо и радостно думала объ Андреѣ и прислушивалась къ происходящей въ ея подсознаніи работѣ творчества.

Какъ-то, бродя по сѣрымъ звонкимъ дорожкамъ, среди виноградниковъ, въ которыхъ уже начался виноградный сборъ, она встрѣтила Владиславскаго. Онъ очень обрадовался ей и попросилъ разрѣшенія ее сопровождать.

— Что за прекрасная погода. Не правда-ли? — воскликнулъ онъ привычнымъ движеніемъ откидывая сѣдой локонъ со лба. — Осень лучшая пора въ Монтрэ. Посмотрите, воздухъ сверкаетъ сейчасъ легкимъ туманомъ, какъ распыленнымъ золотомъ.

— На немъ тотъ-же золотистый налетъ, какъ на виноградѣ, — улыбнулась Илона. — Хочется раздавить его, какъ ягоду между небомъ и языкомъ. А какъ онъ уповательно пахнетъ молодымъ виномъ. Взгляните на эти тяжелыя кисти, какъ полны онѣ сладкимъ сокомъ. Не странно-ли, что самый сочный плодъ, виноградъ, созреваетъ на такой сухой почвѣ?

— Знаете, княжна, я съ дѣтства не могу равнодушно видѣть плодовъ на вѣтвяхъ. У меня такъ и тянется къ нимъ рука, — разсмѣялся Владиславскій. — Я пойду куп-

лю нѣсколько кистей у этого живописнаго старика, повязаннаго платкомъ.

Онъ вернулся съ плетенкой некрупнаго, но сладкаго, еще теплаго отъ солнца винограда. Сѣвъ на полуразрушенную каменную изгородь, они стали лакомиться имъ и наблюдать за медленной работой виноградарей: молодыя женщины и дѣвушки, яркими пятнами выделяющіяся среди темной листвы, терпѣливо собирали виноградныя кисти и наполняли ими привязанныя къ спинамъ парней корзины, а тѣ высыпали ихъ въ стоящую на распряженной телѣгѣ бочку, съ широкимъ отверстіемъ наверху. Стоящій возлѣ нея древній старикъ, съ единственнымъ зубомъ въ раскрытомъ рту, неторопливо раздавливалъ въ ней ягоды тяжелой, деревянной ступкой.

— Когда я вижу рожь, я всегда думаю: „сила земли“, а когда вижу виноградъ: „сокъ земли“, — задумчиво проговорила Илона.

— Вы удивительно воспринимаете природу, княжна, — душевно сказалъ Владиславскій. — Это такъ рѣдко и такъ отрадно. Вы этимъ напоминаете мнѣ мою мать, которую я боготворилъ. Когда я былъ ребенкомъ, она каждую осень привозила меня сюда и мы искаживали съ нею всѣ эти узкія тропинки, бѣгушія по отлогимъ склонамъ виноградниковъ, поднимались въ деревушки, ютящіяся надъ Клараномъ. Часто на уединенныхъ дорожкахъ намъ встрѣчалась высокая, стройная женщина съ огромными пламенными глазами. Она проходила мимо насъ безъ улыбки, еле отвѣчая на нашъ низкій поклонъ. Это была австрійская императрица Елизавета, жившая здѣсь подъ именемъ графини Хохэнембсъ. Я до сихъ поръ такъ живо представляю себѣ ея трагичный силуэтъ.

— Какъ понятно, что она сбѣгала сюда, въ этотъ рай, изъ своего мрачнаго вѣнскаго дворца, отъ скучнаго „испанскаго этикета“ австрійскаго двора, — сказала вставая Илона. — Она была такъ прекрасна.

— Вы уже собираетесь домой, княжна? — огорченно спросилъ Владиславскій.

— Да, мнѣ пора, — взглянула она на часы-браслетъ.

— А я надѣялся, что вы подниметесь со мною въ

Шальи. Тамъ подъ высокими орѣховыми деревьями есть молочная, съ видомъ на озеро. Намъ подадутъ вкуснаго молока и домашняго хлѣба. Созрѣвшіе орѣхи съ легкимъ шумомъ будутъ падать съ вѣтвей на нашъ досчатый столъ... Мальчикомъ я разрѣзалъ перочиннымъ ножомъ ихъ твердую кожуру, расшибалъ ихъ камнемъ и, вылупивъ ядро, клалъ его на тарелку моей матери... Я сталъ-бы это дѣлать сегодня для васъ.

— Мой милый другъ, какъ я тронута, — положила она ему руку на рукавъ. — Но вѣдь уже поздно. Скоро стемнѣетъ. Проводите меня лучше домой. Я угощу васъ чаемъ.

Когда они спустились въ Монтрэ, на улицахъ уже блѣдно горѣли въ голубыхъ сумеркахъ фонари. У виллы „Генціана“ Владиславскій простился съ Илоной. Охватившее его грезное настроеніе влекло его къ роялю.

Войдя въ гостиную, гдѣ въ креслѣ у окна вышивала княгиня, Илона съ удивленіемъ увидѣла букетъ чайныхъ розъ на столѣ.

— Отъ Левушки. Вѣдь сегодня четвергъ, — тихо отвѣтила княгиня на ея вопросительный взглядъ. — Хочешь взять его въ свою комнату?

— Ахъ, нѣтъ. Наоборотъ. Мнѣ больно видѣть эти цвѣты.

— Гдѣ ты была, моя дѣвочка?

— Гуляла съ Владиславскимъ.

— Онъ капризничалъ? Рисовался?

— Нѣтъ. Когда онъ со мною одинъ, онъ спокоенъ и простъ, какъ дитя. Мамочка, я не буду обѣдать и сейчасъ-же поднимусь къ себѣ. Я хочу хорошенько отдохнуть, чтобы завтра пораньше встать и начать этюды для моей картины.

— Илона, ты хочешь, чтобы сюжетъ твоей картины до послѣдней минуты остался тайной и для меня?

— Нѣтъ, отъ тебя у меня нѣтъ тайнъ. Моя картина будетъ называться: „Одиночество“. На фонѣ сѣраго озера и тумана, скрывающаго горы, я вижу сидящую на большомъ камнѣ склоненную фигуру женщины. На ней длинныя одежды цвѣта тумана и воды. Сверкающіе отливомъ темной мѣди длинныя волосы ея разсыпаны по

плечамъ, руки безпомощно опущены. Глаза устремлены на холодный гравій у ея ногъ. Въ глубинѣ картины рой порхающихъ чаекъ. Слева на переднемъ планѣ нѣсколь-ко легкихъ вѣтвей невидимаго дерева, съ которыхъ медленно спадаютъ красные, кроваво-красные осенніе листья.

— Эти листья, Илона, — вѣдь это кровь, сочащаяся изъ сердца одинокой женщины. А чайки, это печальные духи одиночества? Я вѣрно поняла тебя?

— Да.

— Какъ красивы будутъ сочетанія сѣрыхъ и красныхъ тоновъ.

— Не будемъ больше объ этомъ говорить, мамочка...

— Я понимаю. Не будемъ касаться словами „несказаннаго“, какъ говорилъ Блокъ.

— Спокойной ночи.

— Илона, меня удивляетъ, что ты до сихъ поръ не получила письма отъ графа Андрея.

— Андрей не согласился на переписку со мною. Разъ въ мѣсяцъ онъ будетъ сообщать мнѣ о своемъ мѣстопробываніи, о своемъ образѣ жизни. Я буду отвѣчать ему тѣмъ-же телеграфнымъ слогомъ. Это воля Андрея. Я покорилась ей. Спокойной ночи, мамочка, — нѣжно обнявъ мать, Илона поднялась въ свою комнату.

На другое утро она проснулась очень рано и одѣвшись, тотчасъ-же поднялась въ мастерскую.

„Отличный свѣтъ“, думала она выпуская краски на палитру и придвинувъ мольбертъ къ южному окну, за которымъ, надъ измятымъ мелкою рябью свинцовымъ озеромъ, печально курился утренній туманъ, стала широкими мазками подмалевывать фонъ этюда.

Съ этой минуты Илона вся ушла въ свою запойную работу. Она мало ѣла, много спала, почти перестала говорить, и только оторвавшись отъ кистей и красокъ, возвращалась къ дѣйствительной жизни и думала объ Андрѣѣ. Утромъ она выходила изъ дома лишь для того, чтобы писать этюды у озера, но по вечерамъ дѣлала длинныя прогулки вдоль набережной. Ничто не нарушало ея душевной гармоніи. Только по четвергамъ, когда почтальонъ приносилъ для нея длинную коробку, полную

чайныхъ розъ, по лицу ея пробѣгала темная тѣнь и сердце ея больно сжималось.

Въ серединѣ октября пришло первое письмо отъ графа Андрея. Илона заперлась съ нимъ въ мастерской и распечатала его съ глубокимъ волненіемъ. На твердой синей карточкѣ было написано только нѣсколько словъ: „Мы въ Парижѣ. Въ нашемъ домѣ avenue Georges V. Я очень занятъ всевозможными филантропическими дѣлами, но удѣляю много времени авіаціи, которой увлекается и Левушка. Онъ убитъ разрывомъ съ вами. Боюсь, что онъ никогда не сможетъ забыть васъ. Андрей.“

„Васъ? Вашъ?“ поблѣднѣвъ до самыхъ губъ мысленно повторила Илона: „Это жестоко. Это слишкомъ жестоко.“ Онъ никогда не сможетъ забыть васъ. „Да вѣдь это было-бы моимъ смертнымъ приговоромъ...“

Илона опустила на диванъ и покрылась мѣховымъ пледомъ. Ей казалось, что вся кровь похолодѣла въ ней:

„Какое ужасное письмо,“ думала она: „Имъ Андрей наказываетъ себя и меня за причиненное Левушкѣ страданіе. Можетъ быть онъ разлюбилъ меня. Нѣтъ, онъ любить, и чѣмъ сильнѣе любить, тѣмъ безжалостнѣе становится и къ себѣ и ко мнѣ. Я это знаю, и все-таки мнѣ такъ больно, что трудно дышать. Какъ онъ жестокъ ко мнѣ.“

Илона пролежала такъ весь день, почти не двигаясь. Изъ нея точно уходила жизнь. О работѣ нечего было и думать. Подъ вечеръ, когда уже стемнѣло, за дверью мастерской раздался голосъ княгини:

— Отопри, дѣточка. Отопри-же скорѣе... Тебѣ телеграмма изъ Парижа.

Въ мгновеніе ока Илона оказалась на ногахъ. Телеграмма такъ плясала въ ея рукахъ, что ей еле удалось надорвать ее. Въ ней стояло только два слова: „Люблю. Андрей.“

Илона улыбнулась, сѣла съ княгиней рядомъ на диванъ и вдругъ такъ страстно разрыдалась, что не на шутку напугала мать.

— Что съ тобою, дѣточка? Что случилось? Да отвѣть-же мнѣ, — просила она, обнявъ дочь.

— Ничего, — судорожно вздохнула Илона. — Это

просто реакція. Весь день я была несчастна, а теперь я счастлива! Андрей такой педантъ. Онъ такъ мучить меня иногда. Но теперь все хорошо. Завтра прійдетъ моя натурщица. Работа снова захватитъ меня.

XII

Зимніе мѣсяцы прошли довольно быстро для Илоны. Она жила осуществляя свой девизъ: „радостно творить“. Ея картина давала ей часы глубокаго удовлетворенія. Она писала ее съ пламеннымъ вдохновеніемъ, всею душою отдаваясь своей творческой работѣ, забывая въ ней все, отдавая ей всѣ свои душевныя и физическія силы. Иногда, оторвавшись отъ нея, она падала отъ усталости на диванъ и долго спала.

Иногда, по вечерамъ ее охватывала глубокая тоска по Андрею. Приходящія отъ него письма были такъ коротки и сдержанны, что въ ней начала скопляться невыразимая горечь противъ него и она стала терять надежду на скорое соединеніе съ нимъ, тѣмъ болѣе, что Левушкины чайныя розы продолжали аккуратно приходить каждый четвергъ. Илона не могла ихъ больше видѣть. Онѣ приводили ее въ такое отчаяніе и такъ раздражали ее, что княгиня дала распоряженіе Ненилѣ Михайловнѣ относить ихъ неразвернутыми въ церковь для украшенія алтаря.

Въ концѣ апрѣля картина была закончена. Однако это событіе не обрадовало Илону. Она такъ срослась душой со своимъ произведеніемъ, создавая его, что это новое состояніе оторванности отъ него наполняло ея жизнь жуткою пустотой. Молодая дѣвушка не въ силахъ была чѣмъ-нибудь заняться; бездѣятельно бродила по дому, по саду и безпрестанно, иногда даже ночью, поднималась въ мастерскую, чтобы взглянуть на свое „Одиночество“. Она ревниво оберегала свое произведеніе и не показывала его никому, даже матери. Ей казалось, что каждый, даже самый благожелательный взглядъ, устремленный на него, каждое сказанное о немъ слово, причинитъ ей невыносимую боль.

Однако нѣсколько дней спустя, эти послѣтворческія муки настолько улеглись въ ней, что она написала въ Лозанну, своему бывшему учителю, прося его пріѣхать взглянуть на ея картину.

Онъ пріѣхалъ какъ-то утромъ, на своемъ Паккарѣ, жизнерадостный, какъ всегда, заинтересованный. Илона встрѣтила его, вся блѣдная, на порогѣ гостиной. Сердце ея сильно билось, когда она поднималась съ нимъ и княгиней въ мастерскую.

„Если я ошиблась въ себѣ, если мое „Одиночество“ не больше, какъ недурная вещь, то кончено навсегда. Я никогда не создамъ ничего значительнаго,“ думала она выдвигая стоящій повернутымъ къ стѣнѣ мольбертъ на середину комнаты.

Жанъ Клэрьеръ отошелъ отъ картины на нѣсколько шаговъ и долго смотрѣлъ на нее молча съ непроницаемымъ выраженіемъ худого, смуглаго лица. Но вдругъ его тонкая рука скользнула по длиннымъ, волнистымъ изсинечернымъ волосамъ. Онъ подошелъ ближе къ полотну.

— Diable... diable... Этого я не ожидалъ... Нѣтъ... Это превосходитъ всѣ мои ожиданія. Это великолепно. Это самобытно, современно, но чувствуется вліяніе итальянской школы: въ колоритѣ есть нѣжная воздушность Веронезе; склоненная фигура женщины полна лирической меланхоліи и благородства Мадоннъ Джіорджоне, а въ этомъ кусочкѣ дерева есть Рафаэль... Но все это переведено вами на художественный языкъ двадцатаго вѣка. Вы плачете? Это дивныя слезы. Я чувствую ихъ и на своихъ глазахъ. Да, вы стали великой артисткой. Я этого ожидалъ. Ваша картина будетъ сенсацией весенняго Салона. За это я ручаюсь. Довѣрьте мнѣ ваше драгоценное полотно. Черезъ недѣлю я увезу его въ Парижъ. Вы пріѣдете къ вернисажу и будете самой молодой и самой очаровательной знаменитостью этого сезона.

— Я такъ счастлива, — съ трудомъ проговорила Илона. — Я такъ сомнѣвалась въ себѣ. Такъ мучилась.

— Это удѣлъ всѣхъ истинныхъ талантовъ, — воскликнулъ Клэрьеръ цѣлуя ея руку. — Не говорилъ-ли я

вамъ всегда: „все приходитъ для того, кто умѣетъ ждать.“

Послѣ завтрака онъ уѣхалъ и увезъ съ собою картину. Когда его автомобиль скрылся изъ глазъ Илоны, она почувствовала себя мучительно одинокой.

Для нея наступилъ длинный рядъ мертвыхъ дней пустыхъ періодовъ жизни. Тоска ея по Андрею съ каждымъ днемъ становилась все болѣзненнѣе, все невыносимѣе.

Весна усыпала цвѣтами сады, съ ароматнымъ вѣтеркомъ прокрадывалась въ комнаты и располагала къ мечтательности и любви. Повсюду цвѣли матюліи, фіалки и крокусы. Въ Монтрэ готовились къ празднику нарциссовъ. Многіе знакомые Илоны предлагали ей мѣсто въ своихъ, украшенныхъ цвѣтами, экипажахъ. Но она отклонила всѣ эти приглашенія. У нея было тяжело на душѣ: очередное письмо графа Андрея слишкомъ долго заставляло себя ждать на этотъ разъ. Левушкины чайныя розы съ безпощадною аккуратностью приходили каждый четвергъ. Отъ Жана Клэрьера не было извѣстій. Все это наполняло молодую дѣвушку уныніемъ и тревогой.

Какъ - то послѣ завтрака за нею зашла Катлинъ и уговорила ее сдѣлать съ нею прогулку въ Гліонъ, чтобы выпить тамъ чаю на террасѣ отеля Риги Водуа. Онѣ поднялись туда въ легкихъ вагонеткахъ финикюлера, между весеннихъ кустовъ и деревцевъ, усѣянныхъ милліонами миниатюрныхъ бѣлыхъ, розовыхъ, желтыхъ и лиловыхъ цвѣтовъ, надъ которыми порхали безчисленныя бабочки и жужжащія золотымъ гудѣніемъ пчелы.

— Если - бы можно было перевести на звуки всѣ эти красочныя впечатлѣнія, то вышло - бы что - нибудь въ родѣ музыки Масснэ, — восторженно воскликнула музыкальная Катлинъ.

— Да, — улыбулась ея мысли Илона, — гармонія всѣхъ этихъ нѣжныхъ тоновъ необыкновенно мелодична. Я положительно упиваюсь ею и очень благодарна тебѣ за то, что ты меня вытащила изъ дому.

Она достала изъ сумочки портсигаръ, закурила папиросу. У нея внезапно и безпричинно стало легко на душѣ; въ ней зародилось предчувствіе, что приближается

что - то радостное, что еще сегодня случится что - то приятное.

Дѣйствительно, какъ только она усѣлась съ Катлинъ за столикъ на террасѣ Риги Водуа и заказала чай, ее позвали къ телефону. У аппарата оказалась княгиня:

— Это ты, дѣточка? — оживленно прозвучалъ ея голосъ. — Слушай, только что пришла телеграмма отъ Клэрьера. Твоя картина принята. Клэрьеръ отвоевалъ ей отличное мѣсто съ прекраснымъ освѣщеніемъ. Онъ ждетъ насъ черезъ двѣ недѣли въ Парижъ къ верниссажу и заказалъ намъ комнаты въ Клэриджъ. Ты довольна?

— Ура, мамочка! Я въ неистовомъ восторгѣ! — разсмѣялась молодая дѣвушка.

— Халло! Илона? Это еще не все. Пришло письмо отъ графа Андрея. Изъ Бретани.

— Это уже больше чѣмъ ура! Мамочка, запри его. Я сейчасъ сбѣгу внизъ пѣшкомъ. До свиданія.

Илона повѣсила трубку и выбѣжала на террасу.

— Катлинъ, дорогая моя, — торопливо обратилась она къ подругѣ, — меня по важному дѣлу вызываютъ домой. Не сердись, я должна проститься съ тобою.

— Но куда - же ты? Финикулеръ спускается только черезъ полчаса, — удивилась та.

— Мнѣ некогда его ждать, дорогая. До свиданія. — Сдѣлавъ ей прощальный знакъ рукою, Илона кратчайшимъ путемъ стала спускаться въ Территэ.

Письмо графа Андрея было и на этотъ разъ не длиннѣе обыкновеннаго. Илона пробѣжала его глазами. Вотъ что стояло въ немъ: „Уже мѣсяцъ, какъ мы въ Бретани. Не писалъ вамъ такъ долго, потому что это для меня всегда мучительно. Состояніе брата не измѣнилось, не улучшилось нисколько. Онъ часами говоритъ со мною о васъ. Что сказать вамъ о нашемъ препровожденіи времени? Левушка убиваетъ дни рыболовствомъ или чтеніемъ. Я пишу свои воспоминанія. Вечера мы проводимъ вмѣстѣ на террасѣ, находящейся на крышѣ одной изъ башенъ замка. Надъ нами звѣзды, вокругъ насъ глухая тишина. Вы между нами. Андрей.“

Илона смяла письмо въ рукѣ.

„Долго-ли еще будетъ продолжаться это бесполез-

ное самоистязаніе,“ закричало въ ней отчаяніе: „Кончится тѣмъ, что мы всѣ сойдемъ съ ума, и я, и Андрей, и Левушка.“

Рѣшительно подойдя къ письменному столу, она взяла карандашъ и склонилась надъ листомъ бумаги:

„Андрей, я не могу больше,“ лихорадочно и неразборчиво писала ея рука: „Иногда мнѣ кажется, что я умираю, что мое сердце останавливается отъ безумнаго желанія увидѣть тебя, услышать твой голосъ. Любимый мой, сжался надо мною. Я такъ страдала всѣ эти мѣсяцы, такъ покорно выносила твое насиліе надъ моей любовью, что заслужила награду. Слушай: мою картину приняли въ Салонъ. Черезъ двѣ недѣли я буду въ Парижѣ. Пріѣзжай туда, хоть только на одинъ часъ. Я должна встрѣтиться съ тобою. Гдѣ хочешь, въ театрѣ, въ ресторанѣ, даже при третьемъ лицѣ. Мнѣ необходимо убѣдиться въ томъ, что ты есть. Отвѣть мнѣ сейчасъ - же, чтобы сократить мнѣ муку ожиданія. Илона.“

Молодая дѣвушка сама опустила письмо въ почтовый ящикъ.

Нѣсколько дней она была больна отъ волненія. Всѣ мысли ея вращались вокругъ двухъ вопросовъ: „Какъ приметъ Андрей это нарушеніе ихъ договора? Согласится - ли на свиданіе съ нею?“

Наконецъ пришелъ отвѣтъ: „Буду въ Парижѣ двадцатаго мая. Мы встрѣтимся въ пять часовъ на „чаѣ“ въ „Русской усадьбѣ“. Я былъ - бы радъ увидѣть тамъ и княгиню. Андрей.“

Илону положительно обуревала радость: „Милый, милый мой,“ думала она: „Нельзя быть сдержаннѣе, нельзя быть холоднѣе. Но чего ему стоило это согласіе.“

XIII

Пріѣхавъ въ Парижъ, Илона и княгиня остановились поблизости Салона, въ отелѣ Клэриджъ.

Картина Илоны имѣла исключительный успѣхъ и была признана гвоздемъ выставки. Передъ нею всегда толпилась оживленная публика, о ней писали, о ней спорили, ею восхищались.

Со дня верниссажа Илона жила въ легкомъ угарѣ своей молодой славы и съ нетерпѣніемъ ожидала встрѣчи съ графомъ Андреемъ.

Приглашенія на обѣды, концерты, вечера въ мастерскихъ знаменитыхъ художниковъ, на бѣлые, золотые или просто маскированные балы такъ и сыпались на нее. Княгиня и, гордящійся своей ученицей, Клэръеръ сопровождали ее повсюду.

— Княжна, вы затмили не только насъ, бѣдныхъ художниковъ, но и всѣхъ королевъ этого сезона. Весь Парижъ бредитъ вами, — сказалъ ей на гарденъ - парти у одного мажара знаменитый художникъ голландецъ, — *On se vous arrache formidablement*, — съ тонкимъ юморомъ повторилъ онъ, къмъ - то пущенную въ моду, намѣренно нескладную фразу.

— *On se m'arrache et c'est charmant*, — разсмѣялась Илона, живущая всѣ эти дни въ безпрестанной сверхтемпературѣ жизни и въ пріятномъ опьяненіи своей, усиленной успѣхомъ, власти надъ людьми.

Она гордилась собою, но не для себя, а для Андрея. Всеобщее признаніе ея таланта, ея красоты, ея личнаго очарованія было для нея только желаннымъ подтвержденіемъ того, что она достойна любви такого исключительнаго и утонченнаго человѣка, какъ графъ Андрей. Онъ жилъ въ каждой ея мысли, въ каждомъ ея поступкѣ. Она творила только для него.

Наканунѣ его пріѣзда, она отъ переутомленія и волненія слегла въ кровать.

„Я должна отдохнуть, собраться съ мыслями до встрѣчи съ Андреемъ,“ думала она: „Иначе мои нервы не выдержатъ минуты новой разлуки съ нимъ. Я должна быть завтра сильной; очень сильной, чтобы онъ не раскаялся въ своей уступкѣ мнѣ...“

Ей пріятно было спокойно лежать въ красивой комнатѣ, уставленной цвѣтами. Струящійся въ открытую балконную дверь теплый вѣтерокъ колыхалъ кружевные занавѣски, сдувалъ лепестки отцвѣтающихъ розъ. Съ *avenue des Champs Elysées* доносились музыкальные сигналы частныхъ лимузиновъ, хриплые гудки наемныхъ

такси, выкрики газетных продавцов и звуки струнного оркестра, играющего въ ближайшемъ кафе.

Къ вечеру, почувствовавъ себя совершенно отдохнувшей, Илона встала и вышла на балконъ: небо было покрыто легкими, алыми тучками заката. Внизу вся широкая улица была запружена катящимися по направленію къ Этуаль автомобилями, похожими сверху на заводныя, эмалированныя игрушки всевозможныхъ цвѣтовъ. Вынесенное на лѣтніе мѣсяцы на асфальтовый тротуаръ „Берри“ было еще переполнено публикой, сидящей подъ цвѣтными зонтами. На многихъ крышахъ и домахъ блѣдно загорались свѣтовые рекламы. Передъ порталомъ Клэриджа, подъ деревомъ съ больною, уже сожженной испареніями бензина, листвою стояла худенькая дѣвочка, продающая фіалки.

„Весною Парижъ всегда пахнетъ смѣсью бензина и фіалокъ,“ подумала Илона.

— Дѣточка, тебѣ опять цвѣты, — позвала ее княгиня.

Она нехотя вошла въ комнату.

— Розовыя орхидеи съ черными мушками! Какая рѣдкость. Я никогда не видѣла такихъ. Интересно, у кого такой изумительный вкусъ! — воскликнула молодая дѣвушка, надрывая конвертъ, прикрѣпленный къ букету золотымъ шнуромъ. Она взглянула на визитную карточку. Вся кровь бросилась ей въ лицо:

— Отъ Андрея! Мамочка, отъ Андрея! Можетъ быть онъ уже въ Парижѣ. Какъ мнѣ хочется телефонировать ему. Вѣдь, какъ знать, можетъ быть мнѣ достаточно подойти къ аппарату, сказать: „Elysée 32.74“ и, какъ по волшебству этой формы, голосъ Андрея раздается въ трубку... Нѣтъ, нѣтъ... Это опасно. Это можетъ спугнуть его... испортить все. Ахъ, какъ я рада этимъ чуднымъ цвѣтамъ. Всѣ остальные должны исчезнуть изъ этой комнаты. Я выставлю ихъ на балконъ, и только орхидеи Андрея, вотъ въ этой хрустальной вазѣ, будутъ царить здѣсь, на столѣ у моей кровати!

Илона весь вечеръ носилась со своими орхидеями, какъ ребенокъ съ любимой игрушкой. Она мучительно волно-

валась. Непреодолимое желаніе подойти къ телефону терзало ее.

Сонъ долго и мучительно ускользалъ отъ нея въ эту ночь. Только подъ утро удалось ей заснуть. Около восьми часовъ ее разбудилъ какой-то, съ музыкой проходящій мимо Клэриджа, полкъ.

Выпивъ кофе, Илона рѣшила пролежать до завтрака въ постели, но не выдержала неподвижности и спустилась въ нижній этажъ отеля, чтобы выкупаться въ бассейнѣ. Потомъ прошла въ читальню, попробовала просмотрѣть газеты, но ей не удалось осознать ни одной прочитанной строчки. Вернувшись къ себѣ, она переодѣлась въ черный тальеръ, приколола къ отвороту одну изъ своихъ розовыхъ орхидей и пошла въ Салонъ, чтобы убить время и взглянуть на свою картину.

Поднимаясь по каменнымъ ступенямъ, ведущимъ съ avenue Alexandre III къ залитому солнцемъ Grand Palais, Илона остановилась, не вѣря своимъ глазамъ: у портика фасада стояла голубая Минерва графа Андрея. Онъ самъ только что вышелъ изъ-подъ колоннады и, сѣвъ въ автомобиль, сталъ просматривать каталогъ выставки. Шофферъ тронулъ, машина промелькнула такъ близко отъ Илоны, что если - бы она крикнула, позвала, графъ Андрей не могъ - бы не услышать ея голоса. Но она стояла крѣпко стиснувъ зубы; растерянная, несчастная до глубины души. Она чувствовала себя одинокой, вытолкнутой изъ жизни Андрея. Вотъ онъ въ Парижѣ. Можетъ быть уже нѣсколько дней. Онъ только что видѣлъ ея картину, знаетъ, что она такъ близко, въ Клэриджѣ, но любовь его недостаточно сильна, чтобы, несмотря на чувство долга по отношенію къ брату, несмотря на всѣ принятыя рѣшенія бросить его къ ней.

„А что, если я ошибаюсь? Что, если онъ сейчасъ поѣхалъ ко мнѣ?“ — внезапно пронеслось у нея въ головѣ, и представленіе объ этой возможности охватило ее горячею радостью.

Вскочивъ въ проѣзжающее свободное такси, она поѣхала домой, не дождавшись лифта, однимъ духомъ поднялась на третій этажъ, вбѣжала въ свою гостиную... Она была пуста.

Илона медленно опустилась въ кресло, медленно сняла перчатки, шляпу... И вдругъ, неожиданно для себя самой, уронила голову на столъ и разрыдалась.

Не было еще и четырехъ часовъ, когда Илона и княгиня подъѣхали къ модному чаю „Oussadba russe“. Молодой человѣкъ въ косовороткѣ открылъ передъ ними стеклянную дверь, передалъ имъ изящно напечатанную брошюру, объясняющую на французскомъ языкѣ, чѣмъ были для русскихъ русскія усадьбы, и вѣжливо указалъ имъ на узкую деревянную лѣстницу въ глубинѣ небольшой, сильно заставленной вещами русскаго производства, передней.

— Я нахожу, что здѣсь скорѣе похоже на магазинъ старинныхъ вещей, чѣмъ на усадьбу, или на „Чай“, но въ этомъ есть особенная прелесть, — замѣтила княгиня, проходя между рѣзными баулами, потемнѣвшими отъ времени картинами, иконами, драгоценною мебелью краснаго дерева, и поднимаясь по мягкому ковру во второй этажъ, гдѣ въ нѣсколькихъ гостиныхъ, убранныхъ во вкусъ Александровскихъ временъ, стояли чайные столы.

Было еще пусто. Молодой музыкантъ, сидя бокомъ къ стоящему у входа піанино, вяло перебиралъ клавиши. Сидящій возлѣ него стройный юноша съ копной бѣлокурыхъ волосъ, объяснялъ ему какой - то карточный фокусъ.

— Направо, въ послѣдней комнатѣ есть еще незаказанный столъ, — подошла къ Илонѣ одна изъ подающихъ барышень, одѣтыхъ по образцу пепиньерокъ прежнихъ русскихъ институтовъ, въ сѣрыя платья, черные люстриновые фартуки, бѣлыя пелеринки и гладко причесанные съ пробормомъ посреди головы. — Вотъ здѣсь. Пожалуйста.

Принявъ заказъ, она скрылась за портьерой.

— Какъ очаровательны эти молодыя дѣвушки, — улыбулась княгиня, — Онѣ создаютъ полную иллюзію прежней русской женщины, чистой и кроткой. Ихъ одежда, ихъ прическа точно вызываетъ въ нихъ соответствующія имъ движенія d'un charme vieillot.

— Да, — разсѣянно согласилась Илона, не отводя взгляда отъ старинныхъ бронзовыхъ часовъ, съ которыхъ

она не спускала глазъ. — Ахъ, если — бы ты знала, какъ эта неподвижность времени сводитъ меня съ ума. Еще нѣтъ и половины пятаго. Я боюсь, что нашъ столъ слишкомъ запрятанъ въ уголъ. Андрею трудно будетъ найти насъ.

— Зато здѣсь очень уютно и не на виду. Смотри, какъ быстро разобрались столы.

— Да...

Въ сосѣдней комнатѣ начался концертъ:

— „Я гордо въ мірѣ шелъ“,
„И тѣшился борьбою...“

Мягко звучалъ красивый баритонъ, приближаясь все ближе и ближе. Появившись на порогѣ гостиной, пѣвецъ прислонился къ косяку двери и продолжалъ понизивъ голосъ:

„Я пѣсню страсти пѣлъ, то полную мольбою“,
„То нѣжную, какъ шумъ весенняго ручья“,
„Но я вчера узналъ, что не любимъ тобою“,
„И лютю я разбилъ, и пѣсню прервалъ я...“

— Красивый романсъ, но въ эту обстановку такъ и просится арфа, или шпинетъ. Здѣсь такъ и чудятся мнѣ тарлатановыя платья женщинъ; высокіе воротники и „коки“ мужчинъ, — сказала княгиня, стараясь отвлечь дочь отъ ея мучительнаго ожиданія.

— Да... — съ трудомъ проговорила Илона, проводя языкомъ по пересохшимъ губамъ. — Какъ странно, что все еще нѣтъ Андрея... Ахъ, вотъ онъ...

Графъ Андрей, увѣренно перейдя комнату, молча склонился надъ рукою княгини, пожалъ руку Илоны и сѣлъ на свободный стулъ рядомъ съ нею.

Всѣ были такъ взволнованы, что не могли произнести ни слова.

— Какая пытка! — вырвалось у Илоны.

Княгиня встала и вышла изъ комнаты.

— Илона, я вижу тебя наконецъ... Каждое твое движеніе отзывается въ моемъ сердцѣ... — глухо проговорилъ графъ Андрей.

Илона опустила рѣсницы. Крѣпко сжала холодныя руки:

— Я не рассчитала своихъ силъ. Это свиданіе при постороннихъ ужасно.

— Я не вижу никого кромѣ тебя. Илона, ты не знаешь, какъ я люблю тебя...

— Меньше чѣмъ Левушку...

— Какой это несправедливый и жестокой упрекъ.

— Прости. Я не хотѣла... Все, что отъ тебя, моя судьба, и я не должна роптать.

— Илона, съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я пересталъ жить. Я не зналъ ни одной спокойной минуты. Къ тому же состояніе Левушки приводитъ меня въ отчаяніе. Онъ все еще бредитъ тобою. Часами говорить со мною о тебѣ.

— Значить, моей мукѣ не будетъ конца? Я не вынесу ее, Андрей. Пойми - же это.

По его лицу пробѣжала темная тѣнь:

— Ты обѣдала. Мы должны запастись терпѣніемъ еще на нѣсколько мѣсяцевъ. Все забывается на этомъ свѣтѣ. Забудетъ и Левушка. Но довольно объ этомъ. Илона, расскажи мнѣ о себѣ.

— Развѣ я могу говорить, думать, когда я чувствую, физически чувствую, какъ уходитъ каждая минута, какъ бѣжитъ время. Когда я дрожу передъ мыслью, что ты сейчасъ встанешь и уйдешь.

Онъ взглянулъ на часы:

— Нѣтъ. У меня еще двадцать минутъ. Въ шесть отходитъ мой поѣздъ. Илона, я былъ сегодня въ Салонѣ...

— Я видѣла, какъ ты отѣзжалъ отъ подъѣзда. Мнѣ было такъ больно...

— Почему - же ты не остановила шоффера? Не позвала меня?

— Я не могла. Въ ту минуту я потеряла все мысли. Все во мнѣ было мукой... Куда ты поѣхалъ изъ Салона?

— Домой. Илона, твоя картина поразила меня...

— Я не помню ее сейчасъ. Все это мнѣ такъ чуждо. Я хочу слышать только о тебѣ. Ты уже вчера былъ въ Парижѣ?

— Да.

— И ты даже не позвонилъ мнѣ по телефону.

— Илона, вѣдь мы - же висимъ надъ пропастью. Одно

лишнее слово, одно движеніе и конецъ нашимъ силамъ. А этого не должно быть. Вѣдь ужъ и это свиданіе—безуміе.

— Я не представляю себѣ какъ буду жить дальше. Какъ буду жить безъ тебя въ Территѣ...

— Такъ - же, какъ я въ Бретани.

— Скажи, Андрей, Левушка знаетъ, что я въ Парижѣ?

— Нѣтъ; онъ почти не читаетъ газетъ...

Они говорили обрывочными фразами, поминутно взглядывая на часы, блѣднѣя все сильнѣе и сильнѣе. Боясь упустить слово, движеніе другъ друга.

— Илона, скажи мнѣ на прощаніе, что ты вѣришь мнѣ; знаешь, что ты самое дорогое, что у меня есть на свѣтѣ, — горячо проговорилъ графъ Андрей.

Молодая дѣвушка безсильно откинулась на спинку кресла:

— На прощанье? Тебѣ пора?

— Очень пора.

— Я не могу, Андрей...

— Тогда я останусь...

— Ты не простишь мнѣ этой слабости... Иди...

— Дай мнѣ руку.

— Не могу. Иди. Умоляю тебя, иди...

— Илона.

— Уходи - же скорѣе...

Сдѣлавъ надъ собою неимоверное усиліе, графъ Андрей всталъ, поднялъ къ своимъ губамъ безсильно лежащую на столѣ руку Илоны и быстро вышелъ изъ комнаты.

„Зачѣмъ я не удержала его?“ съ ужасомъ воскликнула про себя Илона и бросилась Андрею вслѣдъ.

У входа кто - то преградилъ ей путь.

— За чай еще не заплачено.

Илона достала изъ сумочки нѣсколько кредитныхъ бумажекъ и, бросивъ ихъ на тарелку со счетомъ, сбѣжала съ лѣстницы.

Внизу у входной двери стояла княгиня.

— Андрей уѣхалъ? — сорвавшимся голосомъ спросила ее молодая дѣвушка.

— Да. Онъ пробѣжалъ мимо меня, не узнавъ меня.

„Кончено... кончено,“ думала Илона возвращаясь домой въ такси: „Точно темный занавѣсъ опустился между мною и радостью жизни. А еще вчера такъ хорошо было жить въ ожиданіи этой мучительной встрѣчи...“

— Илона, сегодня балъ японскихъ художниковъ, — напомнила ей княгиня, когда онѣ поднялись къ себѣ. — Ты не поѣдешь?

— Поѣду конечно. Иначе я съ ума сойду.

— Дѣточка, не вернуться - ли намъ лучше въ Территэ?

— Нѣтъ, отсюда все - таки ближе къ Бретани. Мы рѣшили остаться здѣсь еще недѣлю и останемся. Я боюсь тишины, которая ожидаетъ меня дома.

Съ этого вечера Илона выѣзжала съ какимъ - то ожесточеніемъ. Она старалась забыться, отвлечься отъ гложущей ее тоски по Андрею и намѣренно утомляла себя, чтобы спать по ночамъ. Однако это плохо удавалось ей, и въ день своего отъѣзда изъ Парижа она встала съ постели совершенно больной.

— Не остаться - ли намъ здѣсь инкогнито, чтобы тебѣ отлежаться и отдохнуть? — озабоченно предложила княгиня наливая ей кофе.

— Нѣтъ. Я задыхаюсь здѣсь. Можетъ быть въ Территэ мнѣ станетъ лучше, — вздохнула Илона сжимая виски руками.

Раздался рѣзкій сигналъ телефона. Княгиня подошла къ аппарату.

— Алло? Илону? Сейчасъ...

— Нѣтъ. Нѣтъ, — раздраженно зашептала молодая дѣвушка вставая. — Я ни съ кѣмъ не хочу говорить. Меня нѣтъ.

— Да это-же графъ Андрей, — взволнованно прошептала княгиня передавая ей трубку.

Илона еле устояла на ногахъ. Сердце ея забилося такъ сильно, что ей трудно было дышать. Княгиня подставила ей кресло къ столу, на которомъ стоялъ телефонъ.

— Андрей? Ты здѣсь, въ Парижѣ? — сдавленнымъ голосомъ спросила Илона.

— Да, — четко прозвучалъ отвѣтъ графа Андрея. —

Я только что прилетѣлъ сюда на автомобилѣ, чтобы увидѣть тебя еще разъ до твоего отъѣзда. Я уѣхалъ изъ Бретани несмотря на то, что Левушка боленъ. Онъ простудился на рыбной ловлѣ. Сейчасъ мнѣ телефонировали изъ замка Бѣлаго Креста, что Левушкѣ хуже и что онъ проситъ меня немедленно вернуться. Илона, я долженъ видѣть тебя сейчасъ же.

— Наши сундуки уже на Gare de Lion. Нашъ поѣздъ отходитъ черезъ полтора часа. Приѣзжай на вокзалъ. Но если хочешь, я останусь въ Парижѣ. Тогда приѣзжай въ Клэриджъ.

— Нѣтъ. Вѣдь я самъ долженъ уѣхать отсюда черезъ часъ. Если что-нибудь случится съ Левушкой въ мое отсутствіе, я никогда не прощу себѣ этого...

— Итакъ, я сейчасъ же ѣду на вокзалъ и жду тебя тамъ.

— Да. Я только заѣду за однимъ русскимъ профессоромъ по внутреннимъ болѣзнямъ, котораго увезу съ собою въ Бретань.

— Приѣзжай скорѣе, Андрей. Не задерживайся. Я еле жива...

— Цѣлую твои руки.

Полчаса спустя Илона уже стояла у открытаго окна своего купѣ и, стараясь подавить бившую ее лихорадку нетерпѣливаго ожиданія, немигающимъ взглядомъ искала графа Андрея въ снующей по платформѣ толпѣ.

Въ рукахъ ея были, кѣмъ-то присланныя ей, бѣлыя розы на длинныхъ стебляхъ, усѣянныхъ такими острыми и твердыми шипами, что они даже черезъ бумагу кололи ей пальцы, но она была такъ взволнована, что это не доходило до ея сознанія.

— Илона, я пройду въ вагонъ-ресторанъ и вернусь сюда, когда тронется поѣздъ, — коснулась ея плеча княгиня.

— Да, — съ трудомъ разжимая губы, уронила молодая дѣвушка, — да, отлично...

Минутная стрѣлка большихъ вокзальныхъ часовъ вздрагивая перескакивала съ минуты на минуту. Было уже четверть одиннадцатаго.

„Черезъ двадцать минутъ отходитъ мой поѣздъ,“

теряя терпѣніе, думала Илона. „Если Андрей не появится черезъ пять минутъ, я останусь въ Парижѣ. Уѣду завтра. Его навѣрно задержалъ этотъ профессоръ. Онъ могъ бы захватить за нимъ, проводивъ меня. Почему я не сказала ему этого...“

— Илона, — раздался голосъ графа Андрея подъ самымъ ея окномъ.

Встрѣча ихъ глазъ на мгновеніе лишила ихъ силъ. Точно пронзила ихъ острымъ, мучительнымъ счастьемъ. Придя въ себя первымъ, графъ Андрей вскочилъ въ вагонъ и, войдя въ купэ, заперъ за собою дверь.

Илона бросилась къ нему. Онъ судорожно, точно съ отчаяніемъ, прижалъ ее къ себѣ, жадно приникъ къ ея губамъ, и они надолго замерли въ этомъ объятіи, словно надѣялись утолить имъ всю страсть, которая сжигала ихъ.

— О, мнѣ больно... — вдругъ слабо вскрикнула Илона. — Эти ужасные шипы...

Изъ ея руки, въ которой она все еще держала розы, сочилась кровь. Андрей снялъ пересохшими губами алая капли съ ея ладони.

— Вотъ... теперь во мнѣ твоя кровь, — горячо прошепталъ онъ, съ трудомъ переводя дыханіе. — По законамъ черной магіи я теперь на всю жизнь въ твоей власти.

Отбросивъ цвѣты, Илона обвила его шею руками, прижалась лицомъ къ его лицу.

— Андрей, позволь мнѣ остаться, — стономъ вырвалось у нея. — Я не могу больше жить безъ тебя... Я не вынесу этой разлуки...

— Любимая моя, когда выздоровѣетъ Левушка, я все скажу ему и приѣду къ тебѣ. Но до тѣхъ поръ мы должны разстаться. Я буду часто писать тебѣ...

— Въ „телеграфномъ стилѣ“?

— Нѣтъ... нѣтъ... Ты не знаешь, чего мнѣ стоило уйти отъ тебя, тогда, въ „Русской Усадьбѣ“, что я перестрадалъ всѣ эти дни отъ тоски по тебѣ. Я положительно съ ума сходилъ. Наконецъ, не выдержавъ, вскочилъ въ автомобиль и помчался въ Парижъ.

— En vagon! — крикнулъ проводникъ. Раздалось захлопываніе вагонныхъ дверей. Поездъ вздрогнулъ и тихо покатился.

— До свиданія... До скорого свиданія, мое счастье!
— Графъ Андрей въ послѣдній разъ прижалъ къ себѣ Илону и, съ трудомъ оторвавшись отъ нея, на ходу поѣзда соскочилъ на платформу.

XIV

Вернувшись въ жаркое, опустѣвшее Территэ, Илона цѣлыми днями лежала на складномъ креслѣ въ своемъ тѣнистомъ саду. Около нея на столѣ были разложены книги, краски, кисти, но она рѣдко бралась за нихъ. Она находила бездѣйствіе упоительнымъ, ей нравилось бездвижно лежать подъ шатромъ чуть колыхающейся надъ нею листвою, грезить подъ сонный блескъ просвѣчивающаго между деревьями синяго озера. Она воспринимала природу и всѣ явленія жизни съ кроткою умиротворенностью выздоравливающей отъ тяжелой болѣзни и не любила вспоминать ни о своихъ парижскихъ успѣхахъ, ни даже о своей картинѣ. Все это было связано съ больнымъ періодомъ ея любви и казалось ей тяжелымъ сномъ. Теперь, полная радостной вѣры въ чувство Андрея, она жила въ яркихъ мечтахъ о немъ, о близкомъ счастьи съ нимъ, и ни одна тѣнь не омрачала ея души. То, что она еще не получила письма отъ графа Андрея, не тревожило ее: она объясняла себѣ это тѣмъ, что, ухаживая всѣ эти дни за больнымъ братомъ, онъ чувствуетъ себя преступнымъ передъ нимъ за пережитыя въ Парижѣ минуты счастья, и своимъ долгимъ молчаніемъ казнить за нихъ и себя и ее.

„Когда Левушка поправится, а долго ли его богатырской натурѣ побѣдить простуду, Андрей успокоится за него и снова всѣ мысли его вернутся ко мнѣ,“ думала она, какъ-то бродя подъ руку съ матерью у беззвучнаго, усыпаннаго лунными блестками озера.

— Илона, ты знаешь, что и въ наше отсутствіе Левушка продолжалъ присылать тебѣ чайныя розы, — точно угадывая о томъ, гдѣ витаютъ мысли дочери, сказала княгиня. — Но въ прошлый четвергъ онѣ не пришли... Мнѣ кажется, Левушка серьезно боленъ, чѣмъ ты думаешь...

Испугъ узкимъ кольцомъ сжалъ сердце Илоны:

— Ты что-нибудь знаешь? — взволнованно спросила она мать.

— Нѣтъ. Повторяю, мнѣ только почему-то кажется, что положеніе Левушки серьезно.

— Тогда Андрей телеграфировалъ бы мнѣ...

— Возможно.

— Я завтра же напишу Андрею. Мнѣ не хотѣлось дѣлать этого первой, но теперь я не вынесу неизвѣстности. Это было бы ужаснымъ, если бы Левушка...

— Прости, дорогая. Я встревожила тебя, — озабоченно сказала княгиня.

— Хорошо, что ты это сдѣлала. Вся уйдя въ свое личное счастье, я отнеслась къ болѣзни Левушки очень легкомысленно. Лишь бы не наказала меня за это судьба. Знаешь, я завтра утромъ телеграфирую Андрею въ замокъ Бѣлаго Креста.

Илонѣ не пришлось выполнить этого рѣшенія, такъ какъ на другое утро уже съ первой почтой пришло для нея срочное письмо отъ графа Андрея:

„Любимая моя, чувствуешь ли ты, въ какомъ аду я живу съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ тобою?“ писалъ онъ ей: „Сколько бессонныхъ ночей мнѣ пришлось провести у изголовья умирающаго Левушки. Какія муки совѣсти я испыталъ, когда въ бреду онъ звалъ тебя, умолялъ тебя не отталкивать его.

Теперь кризисъ его болѣзни миновать. Онъ будетъ жить, если „захочетъ“ жить, если сможетъ побороть оцѣпенѣніе охватившей его тяжелой апатіи. Онъ не зоветъ тебя больше вслухъ, но всѣ мысли его устремлены къ тебѣ и я знаю, что тоска по тебѣ убьетъ его, если ты не сжалишься надъ нимъ. Врачъ Левушки, профессоръ Войкинъ, пришелъ къ убѣжденію, что только твое появленіе сможетъ возродить нашего больного, вернуть его къ жизни. Илона, спаси его! Пріѣзжай. Дай ему иллюзію твоей любви до тѣхъ поръ, пока онъ выздоровѣетъ, пока окрѣпнуть его душевные силы. Я знаю, моя просьба покажется тебѣ чудовищной. Пойми, меня привело къ ней безкрайнее состраданіе къ моему бѣдному мальчику. Чѣмъ не пожертвовалъ бы я сейчасъ, чтобы увидѣть улыбку на его измученномъ лицѣ. Илона, я знаю,

что жизнь твоя здѣсь, между нами, будетъ тяжелымъ испытаніемъ и для тебя и для меня, что наша близость намъ будетъ жгучимъ соблазномъ, съ которымъ мы должны будемъ бороться ежечасно. Но вѣдь мы сильны, Илона, и мы такъ богаты нашею любовью. А Левушка такъ бѣденъ, такъ жалокъ сейчасъ. Я долженъ буду осторожно приготовить его къ твоему приѣзду. Я знаю, что ты приѣдешь. Телеграфируй, когда мнѣ ждать тебя. Цѣлую твои руки. Андрей.

Р. S. Илона, видѣть тебя ежедневно, жить съ тобою подъ одной кровлей, какимъ это будетъ счастьемъ и какой мукой!“

Съ трудомъ дочитавъ письмо, строчки и буквы котораго расплывались подъ ея глазами, Илона упала лицомъ въ подушки и разрыдалась.

— Что съ тобою? — испуганно воскликнула приближавшая изъ сосѣдней комнаты княгиня.

— Это отъ радости, мамочка, — подняла она къ матери заплаканное, но уже улыбающееся лицо. — Подумай, Андрей зоветъ меня. Вотъ прочитай его письмо, а я пока напишу телеграмму и буду собираться въ путь.

— Бѣдный Левушка, — вздохнула княгиня, пробѣжавъ письмо. — Боюсь, какъ бы свиданіе съ тобою не заставило его страдать еще сильнѣе. Но, если профессоръ требуетъ твоего приѣзда, ты конечно должна ѣхать. Боже мой, какъ все стало сложно въ твоей жизни, моя бѣдная дѣвочка! Что же ты отвѣтила графу Андрею?

— Что я выѣзжаю завтра. Я знаю, что мнѣ придется пережить съ Левушкой не мало трудныхъ минутъ, но какъ вознаградить меня за это присутствіе Андрея. Мамочка, при одной мысли, что я увижу его черезъ три дня, я готова кричать отъ счастья...

XV

— Владимиръ Михайловичъ, сколько минутъ осталось до прихода поѣзда? Который часъ? — улыбаясь спросилъ графъ Андрей, лѣнливо шагающаго рядомъ съ нимъ по пу-

стынной платформѣ станціи Карнакъ, профессора Войкина.

— Сейчасъ? Постойте-ка... Сейчасъ восемь минутъ одиннадцатаго. Значить, поѣздъ придетъ черезъ семнадцать минутъ. Ну-те-ка, проверьте.

Графъ Андрей взглянулъ на циферблатъ своего браслета:

— Вы угадали. Минуту въ минуту. Меня все больше удивляетъ эта ваша загадочная способность угадывать время.

— Н-да. У меня часы въ головѣ. Я уникамъ. Многие психіатры и оккультисты пробовали уяснить себѣ и научно объяснить вотъ этотъ мой, ну, скажемъ, „инстинктъ времени“. Однако, имъ это не удалось и я остался неразгаданнымъ феноменомъ, — разсмѣялся Войкинъ, съ довольнымъ видомъ грызя свою сигару и теребя бѣлую бородку.

Маленькій, подвижной, одѣтый въ чесунчевый пиджакъ и широкополую соломенную шляпу, изъ-подъ которой виднѣлись пышные сѣдые волосы, онъ наружностью своею напоминалъ не то русскаго дачника, не то французскаго художника.

— Вы сегодня такъ элегантны, профессоръ? — окинуть его удивленнымъ взглядомъ графъ Андрей.

— Н-да. Хочу произвести пріятное впечатлѣніе на княжну, — добродушно усмѣхнулся онъ. — Боюсь только, какъ-бы она не приняла за неделикатность мое вмѣшательство въ ея личную жизнь. Меня вѣдь побудило къ этому только участіе къ моему пациенту. Какъ онъ ожилъ, бѣдняга, съ тѣхъ поръ, какъ ждетъ ее! Куда дѣвалась вся его апатія? Какъ знать, можетъ быть и сойдутся они опять. Можетъ быть и поженятся. Мало-ли что на свѣтѣ бываетъ.

— Да... Конечно, — разомъ пересохшими губами отвѣтилъ графъ Андрей и, закуривъ папиросу, затянулся ею такъ сильно, точно хотѣлъ втянуть дымъ до самаго мозга костей.

Вдалекѣ раздался пронзительный свистъ локомотива. Нѣсколько минутъ спустя, стремительный, запылен-

ный поѣздъ шипя и громыхая цѣпями остановится у платформы.

— Княжна! — бросился графъ Андрей къ вагонному окну, за которымъ промелькнуло сіяющее лицо Илоны, но она уже выбѣжала на площадку и, спрыгнувъ на платформу, протянула ему руки. Онъ поднесъ ихъ по очереди къ губамъ:

— Какъ благодарить мнѣ васъ за вашъ пріѣздъ, княжна, — изволиванно проговорилъ онъ. — Вотъ позвольте мнѣ представить вамъ профессора Войкина. Онъ подтвердитъ вамъ, съ какимъ нетерпѣніемъ мы всѣ ожидали васъ.

— Да, княжна, вы были нашею послѣднею надеждой. Она оправдалась. Съ минуты полученія вашей телеграммы нашъ больной началъ воскресать.

— Какъ я счастлива это слышать. Какъ рада познакомиться съ вами, профессоръ, — подняла она на него свои огромные, улыбающіеся глаза.

— Ахъ, княжна, отъ васъ положительно исходитъ какая-то ликующая жизненная сила. Вы прямо созданы, чтобы исцѣлять! — съ искреннимъ восхищеніемъ воскликнулъ Войкинъ.

— Какимъ бы это было чудеснымъ призваніемъ, — разсмѣялась она, — Андрей Юрьевичъ, вотъ моя багажная квитанція...

— Этимъ займется Жанъ, — отвѣтилъ графъ Андрей, передавая багажную квитанцію подскочившему камердинеру. — Ыдемте-же скорѣе. Левушка уже навѣрно теряетъ терпѣніе.

— Ахъ, за мною пріѣхала моя милая Минерва, — обрадовалась Илона, увидя свой любимый голубой автомобиль. — Можно мнѣ сѣсть къ волану, графъ? Мои руки такъ и тянутся къ нему. А вы садитесь рядомъ со мною и указывайте мнѣ путь.

— Молодцомъ, молодцомъ! — одобрилъ профессоръ Войкинъ. — Наша современная молодежь лѣни не знаетъ, удобствъ не ищетъ! Прежняя-бы барышня пріѣхала усталая, да вялая, какъ разваренная рыба, развалилась-бы на подушки и бросила-бы слабымъ голоскомъ: „Трогайте, шофферъ.“ А наша княжна, послѣ такой долгой дороги

свѣжа, какъ майская роза... Что-же мнѣ одному въ карету на почетное мѣсто садиться?

— Конечно, профессоръ. Ну что-же, можно ѣхать? Пожалуйста, крикните мнѣ: „Трогайте, шофферъ,“ — задорно прозвучалъ голосъ Илоны.

— Трогайте, богиня волана! — галантно отвѣтилъ Войкинъ.

— Bravo, профессоръ! — улыбнулся графъ Андрей, поднимая стекло окна, отдѣляющаго сидѣнье шоффера отъ кареты.

Автомобиль мягко покатился по солнечной, выметенной вѣтромъ, бѣлой дорогѣ.

— Какъ объяснить мнѣ Левушкѣ мой приѣздъ? — негромко спросила Илона графа Андрея.

— Я сказалъ ему, что написалъ вамъ о его болѣзни, и что на это вы телеграфировали мнѣ о вашемъ приѣздѣ.

— Зачѣмъ это вы? Вѣдѣ профессоръ не слышитъ насъ.

— Мы должны быть осторожны, Илона. Не только для другихъ, но и для себя.

— Я понимаю тебя, Андрей. Ты будешь доволенъ мною. Ахъ, если-бы ты зналъ, какъ совершенно, какъ безгранично я счастлива однимъ твоимъ присутствіемъ... Андрей, у тебя сейчасъ такое страдальческое лицо. Не надо. Ты увидишь, все хорошо кончится. Я обдумала свое отношеніе къ Левушкѣ. Ты увидишь, онъ скоро охладѣетъ ко мнѣ. Я увѣрена, что уже теперь у него ко мнѣ только головное чувство. Андрей, мнѣ больно видѣть, что ты страдаешь.

— Я такъ измученъ, Илона. Мнѣ кажется, что я умираю вмѣстѣ съ моимъ бѣднымъ мальчикомъ и еще не совсѣмъ вернулся къ жизни.

За спиной Илоны раздался стукъ въ стекло:

— Направо! Направо! — кричалъ профессоръ, указывая на пробѣванный поворотъ.

Илона повернула машину и стерпантинами стала подниматься къ замку De la Sainte Croix Blanche. Когда-то грозный и могущественный, онъ былъ построенъ въ XV вѣкѣ на высокомъ утесѣ, надъ самымъ океаномъ. Не мало сложилось легендъ о его бѣломъ крестѣ, появив-

шемся въ ночь смерти рыцаря-крестоносца, Дагобера, надъ воротами замка, украшенными гербами; о жестокомъ баронѣ Альбертѣ и о его прекрасной дочери Агнесѣ, любившей менестреля.

Въ тѣ времена и люди и природа были здѣсь дики и суровы. Но уже двѣсти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ каменный утесъ Святого Бѣлаго Креста былъ превращенъ въ тѣнистый паркъ, а ветхія зубчатые стѣны и башни замка обвились плющемъ. Теперь надъ его зеркальными окнами были спущены маркизы изъ полосатаго холста, а изъ бойницъ ниспадали каскады алой герани, что придавало ему видъ мирнаго, почти современнаго дворца.

Посреди одной изъ его комнатъ, большой и свѣтлой, съ огромнымъ окномъ, выходящимъ точно прямо въ небо, на высоко взбитыхъ подушкахъ широкой кровати, лежалъ Левъ Юрьевичъ.

Парикмахеръ только что выбрилъ его въ первый разъ послѣ долгой болѣзни и эта небольшая операція очень утомила его. Но отдыхать было некогда. Онъ озабоченно обвелъ комнату глазами.

— Татьяна Борисовна, пожалуйста придвиньте кресло еще немного поближе къ кровати, — попросилъ онъ ухаживающую дѣвушку съ холодными правильными чертами лица и породистыми руками.

Она молча исполнила его желаніе.

— А гдѣ-же цвѣты для княжны? Сколько разъ я просилъ, чтобы мнѣ принесли ихъ не въ послѣднюю минуту...

— Они рядомъ въ комнатѣ.

— Дайте мнѣ ихъ поскорѣе. Вѣдь черезъ пять минутъ княжна уже будетъ здѣсь. Пожалуйста поверните ко мнѣ часы. Вотъ такъ.

Сестра вышла изъ комнаты, но сейчасъ-же вернулась съ большой связкой чайныхъ розъ.

Левъ Юрьевичъ нетерпѣливо протянулъ къ нимъ руки и прижалъ ихъ къ лицу, вдыхая ароматъ блѣдныхъ лепестковъ.

— Вотъ, примите капли, — поднесла сестра рюмку къ его губамъ.

— Татьяна Борисовна, я вижу, что вы недовольны моимъ волненіемъ и, кажется, не понимаете его, — улыбнулся Левъ Юрьевичъ. — Видно, что вы еще никогда не любили.

— Нѣтъ...

— Тогда мнѣ жаль васъ. Я сегодня такъ счастливъ, что хотѣлъ-бы видѣть счастливыми всѣхъ людей. А вы какъ-разъ сегодня ни разу не хотите улыбнуться.

— Я могу теперь уйти? Вѣдь вы просили меня оставить васъ наединѣ съ княжной...

— Вы слышите сирену Минервы? Это они... — поблѣднѣвъ Левъ Юрьевичъ откинулся на подушки.

— Ну вотъ. Я такъ и знала, — вырвалось у сестры и темные глаза ея сверкнули гнѣвомъ.

— Это ничего. Прошу васъ, уйдите.

Татьяна Борисовна молча удалилась.

Левъ Юрьевичъ лежалъ неподвижно, жадно прислушиваясь къ тишинѣ:

„Ничего не слышно. Ни шаговъ, ни голосовъ,“ взволнованно думалъ онъ: „Вотъ, какъ-будто, кто-то... Нѣтъ... Господи, когда-же наконецъ... Ахъ, вотъ...“

Дверь гостиной медленно пріотворилась и въ ней появилась Илона, улыбающаяся, спокойная, ослѣпительно-очаровательная, какъ всегда.

Онъ закрылъ глаза и слезы медленно покатались изъ нихъ, когда ея губы коснулись его лба.

— Левушка, я тобой очень недовольна, — негромко заговорила Илона. — Какъ тебѣ не стыдно простужаться, пугать насъ всѣхъ?

— Ты испугалась... Пріѣхала... Значить, еще любишь меня немного, — сжалъ онъ ея руку.

— Милый мой, если-бъ у меня былъ братъ, я любила-бы его, какъ тебя...

— Теперь я доволенъ и этимъ, Илона... Когда Андрей сказалъ мнѣ о твоёмъ пріѣздѣ, я не могъ повѣрить... Ты останешься здѣсь долго. Обѣщай...

— Обѣщаю.

«Илона»

— Маленькая, Андрей видѣлъ въ Парижѣ твою картину. Онъ въ восторгѣ отъ нея. Я побранилъ его за то, что онъ не сдѣлалъ тебѣ визита. Вѣдь мы съ тобою разстались „друзьями“.

— Конечно... Левушка, эти цвѣты для меня? — поторопилась она перевести разговоръ.

— Ахъ, отъ радости видѣть тебя я забылъ о нихъ. Да, маленькая, эти розы расцвѣли для тебя въ нашихъ теплицахъ, какъ и тѣ, которыя я посылалъ тебѣ въ Территѣ. Вѣдь ты каждый четвергъ получала ихъ?

— Да, мой милый. Но мы успѣемъ еще обо всемъ поговорить, а теперь помолчимъ немного. Знаешь, какъ пишутъ въ романахъ: „Докторъ запретилъ вамъ волноваться... Вамъ вредно говорить.“ Къ тому-же, сознаюсь тебѣ, я такъ устала съ дороги, что мнѣ хочется вздремнуть. Дай мнѣ руку и закрой глаза. Вотъ такъ...

Она удобно забила въ уголь кресла и опустила вѣки, опущенныя длинными выпнутыми рѣсницами.

— Спокойной ночи, — улыбнулась она одними уголками губъ.

— Маленькая, какъ я люблю тебя...

— Спи...

Левъ Юрьевичъ неотрывнымъ и жаднымъ взглядомъ смотрѣлъ на ея склоненное къ плечу лицо и все полнѣе, все радостнѣе осознавалъ ея присутствіе. Блаженное спокойствіе все сильнѣе охватывало его слабое тѣло и онъ не чувствуя, что засыпаетъ, погрузился въ глубокій сонъ.

Услышавъ его ровное дыханіе, Илона украдкой взглянула на него:

— „Спитъ,“ съ довольной улыбкой подумала она: „Бѣдный мальчикъ, какъ запали отъ болѣзни его глаза. Какъ онъ исхудалъ... Ахъ, какъ хотѣла-бы я излѣчить его отъ любви ко мнѣ.“

Дверь гостиной растворилась и въ ней появились графъ Андрей и профессоръ Войкинъ. Лицо старика сначала выразило безграничное изумленіе, но потомъ озарилось улыбкой, и онъ сталъ мимическими знаками звать

Илону, объяснять ей, что она может теперь спокойно уйти от больного.

Она осторожно высвободила свои пальцы из Левушкиной руки и, неслышно ступая, прошла въ гостиную. Профессоръ плотно закрылъ за нею дверь.

— Ну, княжна, вы просто волшебница, — разсмѣялся онъ. — Я боялся волнений, мелодрамъ тамъ всякихъ, а вы... вы взяли, да усыпили его. Мы ему капли давали, чтобы онъ днемъ засыпалъ, а вы на него взглянули и готово! Я-же сразу понялъ, что вы созданы, чтобы исцѣлять. Ну, что вы на это скажете, Андрей Юрьевичъ?

— Я тоже очень удивленъ. Какъ удалось вамъ такъ быстро успокоить Левушку, княжна? — глядя на нее счастливымъ взглядомъ, проговорилъ графъ Андрей.

— Это моя тайна. Вѣдь я „немножко вѣдьма,“ — разсмѣялась она, довольная тѣмъ, что ей удалось доставить ему радость. — Ахъ, познакомьте меня, пожалуйста, — обратилась она къ профессору, увидѣвъ входящую въ комнату сестру милосердія.

— Татьяна Борисовна, пожалуйста-ка сюда. Я представлю васъ нашей волшебницѣ княжнѣ. Подумайте, ей удалось въ нѣсколько минутъ успокоить и усыпить нашего больного.

— Вотъ какъ? — сдержанно улыбулась сестра, бросая на Илону короткій взглядъ, въ которомъ сверкнула враждебность.

— Завтракъ поданъ, — доложилъ старый Петръ.

Столъ былъ накрытъ на широкой круглой террасѣ, выходящей на море.

— Какая красота! — воскликнула Илона, подходя къ зубчатому парапету, замѣняющему балюстраду. — Какъ высоко здѣсь небо. Какъ много свѣта и воздуха... А волны какія, лохматые, дикіе! Сейчасъ онѣ совсѣмъ зеленые и прозрачныя... Скажите, Андрей Юрьевичъ, вонъ тамъ, у самой воды, этотъ стоячій камень, усыянный чайками, это „мениръ“?

— Княжна, пока вы будете любоваться природой, остынетъ кулебяка, — огорченно вздохнулъ Владимиръ Михайловичъ.

Илона смѣясь сѣла за столъ и развернула салфетку.

— Кулебяка? У васъ русскій поваръ, графъ?

— Да. Какъ и вся прислуга.

— А вы знаете, княжна, что здѣсь живетъ цѣлая колонія молодыхъ русскихъ студентовъ, артистовъ и художниковъ? — спросилъ Илону профессоръ.

— Нѣтъ, я ничего объ этомъ не слышала.

— Какъ-же... Графъ выстроилъ имъ въ деревнѣ, у подножья скалы большую дачу, скорѣе гостиницу. У каждого изъ нихъ своя комнатка, въ которой онъ можетъ спокойно работать и жить, какъ хочетъ. По чьей-то инициативѣ каждая комната получила свое названіе, по какимъ-нибудь воспоминаніямъ, особенно пріятнымъ ея обитателю. Тамъ есть „Пушкинская“ и „Москва“ и „Черемушки“. Сама же дача называется „Аркадіей“. Съ утра до ночи изъ оконъ ея несутся звуки скрипки, рояля и даже флейты. Всѣ ея стѣны расписаны молодыми художниками. Даже фасадъ они покрыли фресками. Бретонцы сначала ворчали на эту *invasion russe*, но теперь наша молодежь стала между ними очень популярна: молодые музыканты играютъ на ихъ свадьбахъ; одна, очень талантливая художница, Ната Башкирова учитъ женщинъ русскимъ кустарнымъ работамъ; юный математикъ и астрологъ Власовъ безошибочно предсказываетъ погоду рыбакамъ и, сидя съ ними вечеромъ у моря, на скалѣ, читаетъ имъ лекціи о вліяніи звѣздъ на человѣка, рассказываетъ имъ о Тацитѣ, Галилеѣ, Галэотти, Ругьери, о русскихъ волхвахъ. Удивительно силенъ въ русскихъ людяхъ духъ миссіонизма.

— Ахъ, какъ это интересно. Мнѣ хотѣлось-бы уже сегодня взглянуть на эту „Аркадію“ и познакомиться съ ея обитателями, — горячо воскликнула Илона.

— Вамъ тамъ завтра готовится пріемъ, княжна, — сказалъ графъ Андрей. — Власовъ и Ната придутъ сегодня вечеромъ васъ приглашать.

— Зачѣмъ-же такъ торжественно? — удивилась молодая дѣвушка.

— Они такъ хотятъ. Вѣдь вы-же знаменитость. Всѣ наши художники о васъ уже слышали, или читали. У

многихъ есть воспроизведеніе вашей картины. Они всѣ горятъ отъ нетерпѣнія познакомиться съ вами. Это все большія дѣти, радующіяся поиграть въ васъ, какъ въ куклу.

— Воображаю, какъ они всѣ боготворятъ васъ, Андрей Юрьевичъ.

На террасѣ появилась Татьяна Борисовна.

— Графъ проснулся, — обратилась она къ Илонѣ. — Онъ проситъ васъ.

— Не балуйте его слишкомъ, — запротестовалъ профессоръ, — сначала докушайте ваше мороженое и выпейте кофе.

Илона встала:

— Мороженое я возьму съ собою, а кофе я не хочу. Долгъ прежде всего, — улыбнулась она и, удержавшись отъ взгляда на графа Андрея, послѣдовала за сестрой.

— Маленькая, прости. Я оторвалъ тебя отъ завтрака, — виновато встрѣтилъ ее Левъ Юрьевичъ.

— Какъ видишь, я собираюсь продолжать его здѣсь, — отвѣтила ему Илона, удобно располагаясь въ креслѣ.

— Какая ты уютная, милая, чудная... Ну, какъ-же тебѣ нравится у насъ?

— Ахъ, Левушка, эта терраса надъ моремъ, это высокое прозрачное небо надъ ней! Грохотъ волнъ, бронзовыя скалы... Что за романтическая, дикая красота въ этой, такой новой для меня природѣ.

— Ты уже осмотрѣла замокъ? Паркъ?

— Нѣтъ. Когда-же?

— Ну, а что ты скажешь о моемъ профессорѣ?

— Премилый старикъ.

— Ты и представить себѣ не можешь, что это за оригиналъ. У него слабость цѣлыми днями бѣгать въ нижнемъ бѣльѣ съ сигарой въ зубахъ. Въ Парижѣ онъ и пациентовъ своихъ принимаетъ въ такомъ видѣ. Когда мнѣ было плохо, онъ по ночамъ приходилъ ко мнѣ въ одной ночной рубашкѣ, чѣмъ весьма шокировалъ сестру. Андрею стоило большихъ дипломатическихъ усилій, чтобы заставить его надѣвать въ этихъ случаяхъ купальный халатъ. Теперь онъ приучаетъ его аккуратно одѣ-

ваться днемъ, но Владимиръ Михайловичъ всегда забываетъ какую-нибудь часть своего туалета. Говорятъ, что разъ онъ, по разсѣянности, пріѣхалъ въ театръ безъ пиджака, въ одномъ жилетѣ. Но онъ гениальный врачъ и человѣкъ необыкновенной доброты. Онъ считается однимъ изъ лучшихъ врачей въ Парижѣ, много зарабатываетъ, но у него никогда нѣтъ ни гроша, такъ какъ онъ все тратитъ на своихъ бѣдныхъ русскихъ больныхъ, которыхъ не только даромъ лѣчитъ и снабжаетъ лѣкарствомъ, но и содержитъ иногда вмѣстѣ съ ихъ семьями. Теперь онъ рвется отсюда домой, къ своей работѣ, но Андрей не отпускаетъ его, чтобы силой заставить его поправиться и отдохнуть.

— Мнѣ кажется, что я уже давно знаю и люблю его. Ну, а какъ ты доволенъ своею сестрой милосердія, Левушка? Я нахожу ее очень красивой.

— Не знаю. Пожалуй... Но я долженъ отдать ей справедливость въ томъ, что терпѣнія у нея много. Сколько ночей она не спала изъ-за меня! Сколько перенесла моихъ капризовъ! Но сегодня она почему-то не въ духѣ.

— Хочешь, я скажу тебѣ почему?

— Почему?

— Она ревнуетъ тебя ко мнѣ. Я уловила ненависть въ ея глазахъ, устремленныхъ на меня. Такъ глядитъ только ревность. Да, мой милый Левушка, она влюблена въ тебя.

— Не можетъ быть! — вспыхнулъ Левъ Юрьевичъ, но довольная улыбка промелькнула у него на губахъ. — Какъ могъ я ей понравиться больной, небритый, похожій на абруцкаго бандита.

— Ну, послѣди за нею и ты убѣдишься, что я права.

Раздался стукъ въ дверь и въ комнату вошла Татьяна Борисовна въ сопровожденіи лакея, несущаго столикъ-подносъ.

— Вашъ завтракъ, графъ. Сегодня такъ поздно, — сказала она не глядя на Илону.

— Татьяна Борисовна, — обратилась къ ней та, — сегодня такой жаркій день. Почему вы не снимите вашу косынку, не надѣнете легкое платье?

— Я обязана работать въ форменномъ платьѣ и при-
выкла къ этому.

— Но здѣсь вы не на службѣ, а у друзей и можете
одѣваться, какъ хотите. Ваше начальство, профессоръ
даетъ вамъ кажется на это примѣръ, — разсмѣялся Левъ
Юрьевичъ.

— Не упрямьтесь, дорогая, — обняла ее Илона и лас-
ковымъ движеніемъ быстро стянула съ нея косынку.

Татьяна Борисовна испуганнымъ движеніемъ схвати-
лась за свои пышные золотые волосы. Вся кровь кину-
лась ей въ лицо.

— Княжна, я не люблю такихъ шутокъ, — сурово
сдвинувъ длинныя узкія брови, вспыхнула она.

— Если-бы вы знали, какая вы сейчасъ хорошенькая
вы не сердились бы, — улыбнулась ей Илона, — вашъ
несносный чепчикъ я конфисковала и больше вамъ не
отдамъ.

— У меня есть другой, — невольно усмѣхнулась
Татьяна Борисовна, замѣтившая любующійся ею взглядъ
Льва Юрьевича.

Когда часъ спустя, графъ Андрей и профессоръ при-
шли навѣстить больного, тотъ снова спокойно дремалъ.
Илона читала у его постели, а сестра, склонивъ свою,
сверкающую на солнцѣ, бѣлокурую голову надъ какимъ-то
вышиваньемъ, мечтала у окна.

— Какая мирная картина, — улыбнулся графъ Ан-
дрей цѣлуя руку Илоны. — Какъ я благодаренъ вамъ,
княжна.

XVI

Въ „Аркадіи“ шли спѣшныя приготовленія къ приему
Илоны. Гостиная была превращена въ концертный залъ;
въ столовой спѣшно накрывали длинный чайный столъ
съ креслами для почетныхъ гостей. Душою одушевленія
были, какъ всегда, Власовъ и Ната, наканунѣ пригласившіе Илону и теперь дававшіе послѣднія распоряженія
на верандѣ, превращенной въ картинную галлерею. Во-
кругъ нихъ суетились молодые художники.

— Наточка, ты не рассказала мнѣ въ чемъ была вчера княжна? — спросила молодая дѣвушка, раскладывавшая кустарныя вышивки на столѣ.

— Ахъ, Леля, двадцать разъ я уже повторяла, что на ней было какое-то поразительное сѣрое тюлевое облачко и что она была красавицей и душкой, — нетерпѣливо отвѣтила стоявшая на высокой лѣстницѣ Ната и прикусивъ нижнюю губу, стала вколачивать въ стѣну гвоздь. Вышитый малороссійскій костюмъ открывалъ ея стройныя ноги въ красныхъ туфляхъ; изъ-подъ вѣнка изъ маргаритокъ, обвитаго пестрыми лентами, выбивались ея короткіе русые локоны. Все ея розовое личико съ родинкой на щекѣ и ямочкой на подбородкѣ выражало сосредоточенное напряженіе.

— Наточка, да зачѣмъ-же вы сами? Давайте, я прибую, — предложилъ ей Власовъ.

— Ужъ готово. Лучше пойдите посмотрите, какъ приколотили гирлянды къ фасаду, Николинъка. Боюсь, какъ-бы не закрыли ими фрески. Ну, Берсеновъ, давайте вашу картину. Я ее повѣшу. Вотъ такъ. Что хорошо она виситъ? Не криво?

— Правый уголъ поднимите немного повыше, — почти женскимъ голосомъ отвѣтилъ ей горбатый мальчикъ лѣтъ восемнадцати. — Скажите, Наталія Сергѣевна, неужели княжна и въ дѣйствительности такъ хороша, какъ на портретѣ?

— Да. Она точно сошла съ картины. Глаза, это что-то неопишемое... Въ нихъ точно вся жизнь со всѣми радостями и горестями. Волосы — Тиціанъ. Улыбка — вся ласка, все счастье міра...

— Ну, Наточка, ужъ ты опишешь всегда... — разсмѣялась Леля.

— Что значить „опишешь“. Ты сама увидишь и ротъ разинишь, — воскликнула Ната спрыгивая съ лѣстницы. — Ну кажется все готово?

— Ъдутъ...

— Ъдутъ...

Раздалось въ коридорѣ разомъ нѣсколько голосовъ.

— Ахъ, гдѣ-же моя хлѣбъ-соль? — метнулась Ната къ выходу, и всѣ бросились вслѣдъ за нею.

Власовъ уже стоялъ у подъѣзда съ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ. Кто-то сунулъ въ руки Наты подносъ съ хлѣбомъ-солью.

— Леля... Леля, — позвала она подругу. — Поправь мнѣ волосы. Напудри носъ... Господи, и всегда-то у насъ все въ послѣднюю минуту!

— Что музыканты уже въ передней? — обернулся Власовъ. — Да? Господа, начинайте.

Молодые артисты заиграли романсъ изъ Пиковой Дамы: „Подруги милыя, жила когда-то я въ Аркадіи счастливой...“ и въ ту-же минуту голубая Минерва безшумно подкатила къ ступенямъ крыльца. Поспѣшныя руки открыли дверцу автомобиля и вышедшіе изъ него графъ Андрей, профессоръ и Илона мгновенно были окружены взволнованной молодежью.

— Княжна, привѣтствую васъ отъ имени всѣхъ обитателей нашей счастливой Аркадіи, — сказалъ Власовъ передавая Илонѣ цвѣты. — Мы всѣ такъ счастливы видѣть васъ среди насъ сегодня. Но знаемъ мы васъ уже давно по вашей чудной картинѣ и по вашимъ портретамъ.

— Мы знаемъ и любимъ васъ, — искренно добавила Ната. — Поэтому мы по русскому обычаю встрѣчаемъ васъ хлѣбомъ-солью!

— Но зачѣмъ-же такъ торжественно? — обнимая и цѣлуя ее смущенно воскликнула Илона. — Я сама очень рада познакомиться со всѣми вами.

„Приемъ“ начался съ осматриванія картинъ. Илона подолгу останавливалась передъ каждымъ полотномъ и находила похвалу для каждого художника, чутко угадывая, чѣмъ каждый изъ нихъ дорожилъ больше всего въ своемъ произведеніи. Такимъ образомъ ей удалось отличить всѣхъ никому не оказавъ предпочтенія. Только когда Ната подвела ее къ послѣдней картинѣ, большому полотну, изображающему стараго рыбака, чинящаго сѣть, у нея вырвалось невольное восклицаніе: „Чье это?“ . — Это нашего Веніамина, Берсенева, — объяснила

Ната, — Берсенева, не прячьтесь. Подите сюда, — позвала она молодого художника.

— Я удивлена вашимъ произведеніемъ, его зрѣлостью, его законченностью, — обратилась къ нему Илона. — Какое у васъ сильное, самобытное дарованіе.

— Я счастливъ, что вамъ понравилось, — сжимая отъ волненія свои красивыя тонкія руки, отвѣтилъ мальчикъ съ обожаніемъ глядя на нее.

Послѣ оживленнаго долгаго чая, во время котораго Илона перезнакомилась со всѣми обитателями „Аркадіи“, начался концертъ, закончившійся пропѣтой Лелей аріей изъ Аиды.

— Что за голоса! Что за музыкальные таланты! — воскликнулъ профессоръ вставая съ кресла. — Андрей Юрьевичъ покровительствуетъ только большимъ дарованіямъ. Вы замѣтили это, княжна?

— Я поражена всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ здѣсь. Вся эта счастливая Аркадія для меня такое неожиданное, такое радостное открытіе. Это точно сказка и ее создали вы, Андрей Юрьевичъ, — подняла Илона горячій взглядъ на графа Андрея.

— Да, дѣйствительно сказка. Милая и радостная, — согласился Войкинъ. — Ну-съ, а я буду прощаться. Мнѣ пора къ моему пациенту. Передать ему что-нибудь отъ васъ, княжна?

— Отвезите ему мои цвѣты. Я скоро вернусь домой. Хочу только еще поговорить съ нѣкоторыми молодыми артистами. До свиданія, Владимиръ Михайловичъ.

Илона направилась къ скромно стоящему поодаль Берсенева.

— Я напишу о васъ моему учителю Клэрьеру, — обратилась она къ нему. — Онъ цѣнитъ молодые таланты и поможетъ вамъ въ вашихъ первыхъ шагахъ къ славѣ.

— Итакъ вы думаете, княжна, — какъ всегда несмѣло и вкрадчиво проговорить онъ, — что я могу рассчитывать на успѣхъ... несмотря на мою наружность? Личное вліяніе на окружающихъ такъ важно... Мнѣ трудно вызвать симпатію къ себѣ. Я горбунъ и лѣвшая...

— Какъ Микель Анжело, а это не помѣшало ему быть

всѣмъ міромъ признаннымъ гениемъ, — безъ улыбки проговорила Илона. — Лѣвшею былъ и Леонардо. Флисъ считаетъ это даже признакомъ гениальности. Особенно у художниковъ.

— Неужели? А вы замѣтили, княжна, что у обоихъ названныхъ вами художниковъ была необыкновенная чуткость къ красотѣ рукъ? Леонардо умѣлъ придавать имъ какую-то потрясающую выразительность, а у Микель Анжело онѣ безупречно прекрасны и одухотворены... И вотъ еще... Странно... Я нахожу, что у горбатыхъ часто бываютъ удивительно красивые и холеные руки...

— Вашими руками вы можете гордиться, Берсенева. Въ нихъ выражается ваша душа, вашъ сильный талантъ. Это творческія руки, ихъ форма безупречна. А это такая рѣдкость. Какъ часто можно видѣть красивые глаза, классическій ротъ, великолѣпную фигуру, но красивые одухотворенныя руки встрѣчаются только у немногихъ людей. Онѣ всегда вѣрный признакъ самой утонченной внутренней культуры человѣка.

— Какъ вы правы, княжна. Я часто думалъ то-же...

— Княжна, у меня къ вамъ большая просьба, — подошла къ Илонѣ Ната. — Будьте хоть на минуту моей гостьей. Зайдите въ мою виллу „Черемушки“.

— И въ мою! — воскликнула стоящая рядомъ Леля.

— И въ мою!

— И въ мою!

Раздались умоляющіе голоса.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтила Илона. — Я и сама хотѣла попросить васъ показать мнѣ ваши виллы.

Илонѣ пришлось обойти всѣ комнаты Аркадіи и было уже поздно, когда распростившись со своими новыми друзьями, она довольная и утомленная сѣла въ автомобиль, чтобы вернуться домой.

— Мой милый, наконецъ-то я одна съ тобою, хоть на нѣсколько минутъ, — съ волненіемъ, заставившимъ задрожать ея губы, сказала она сидящему рядомъ съ нею графу Андрею. — Дай мнѣ хоть твою руку...

— Нѣтъ... Будемъ благоразумны. Илона, какъ я любовался тобою сегодня. Что ты за волшебница...

— Ахъ, если-бы я была волшебницей, я направила-бы сейчасъ Минерву къ морю и улетѣла-бы на ней съ тобою за океанъ.

Наступило долгое молчаніе. Проѣхавъ селеніе машина медленно стала подниматься по аллеямъ стриженныхъ елокъ, ведущихъ къ замку. Было уже темно.

Илона сидѣла неподвижно, откинувъ голову на мягкую обивку и слушая частые удары своего сердца. Ей до муки хотѣлось коснуться Андрея. Почувствовать его прикосновеніе. Вдругъ руки его порывисто охватили ея плечи, губы его жадно приникли къ ея обезсилѣвшимъ отъ жажды подѣлуемъ губамъ и подъ этой страстно желанной лаской, она, постепенно теряя мысли, на мгновеніе лишилась сознанія.

Левъ Юрьевичъ, разстроенный отсутствіемъ Илоны, нервничалъ весь день и совершенно замучилъ своими капризами Татьяну Борисовну. Къ вечеру у него поднялась температура, участился пульсъ.

Огорченный его состояніемъ профессоръ самъ сталъ терять терпѣніе въ ожиданіи Илоны и дымя сигарой сердито бѣгалъ по широкой площадкѣ, завершающей лѣстницу подъ воротами замка.

„Пріѣхала ходить за больнымъ, ну и сиди съ нимъ. Какіе-же тогда тамъ пріемы?“ мысленно поучалъ онъ Илону, забывая, что самъ уговаривалъ ее ѣхать въ Аркадію.

Когда подѣхала Минерва къ гранитнымъ ступенямъ, онъ самъ открылъ дверцу лимузина.

— Наконецъ-то, княжна, — укоризненно прозвучалъ его голосъ, — Левъ Юрьевичъ виѣ себя отъ безпокойства. Но что съ вами? Вы сами еле стоите на ногахъ.

— Княжна переутомилась: двѣ ночи въ вагонѣ, вчера весь день на ногахъ и сегодня этотъ пріемъ, — владѣя собою произнесъ графъ Андрей. — Вы должны сейчасъ-же пройти къ себѣ, княжна, — обратился онъ къ Илонѣ.

— Нѣтъ, я сначала пройду къ Левушкѣ, а потомъ под-

нимусь къ себѣ. Спокойной ночи. — Не протянувъ руки ни графу Андрею, ни профессору, она направилась въ комнату больного.

Въ ней уже горѣла ночная лампа. Пахло валерианомъ.

— Маленькая, это жестоко такъ мучить! — воскликнулъ при появленіи молодой дѣвушки Левъ Юрьевичъ. — Вѣдь ты исчезла на нѣсколько часовъ... Я еле пережилъ ихъ.

— Да, я напрасно приняла это приглашеніе. Не сердись. Я не выйду больше изъ замка, пока ты не встанешь здоровымъ съ постели, — устало отвѣтила она, садясь въ кресло около его кровати.

— Что съ тобою? — встревожился Левъ Юрьевичъ. — Ты такая блѣдная. Что это у тебя на губѣ? Кровь? — испуганно спросилъ онъ, напряженно всматриваясь въ ея лицо.

— Да... Лихорадка. Мнѣ нездоровится, — закрыла она ротъ платкомъ. — Спи, Левушка. Я посижу съ тобою пока ты заснешь, а потомъ пойду къ себѣ, лягу. Дай мнѣ руку и закрой глаза. Я не могу больше говорить.

Левъ Юрьевичъ прижалъ ея пальцы къ губамъ и послушно закрылъ глаза.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ уже крѣпко спалъ.

„Я опять не рассчитала своихъ силъ,“ — думала Илона выходя изъ комнаты: „Вхоть сюда было безуміемъ.“

Когда закрылась за нею дверь, сидѣвшая у окна Татьяна Борисовна уронила голову на колѣни и тихо заплакала.

Проснувшись и раскрывъ глаза на другое утро, Илона одновременно восприняла два радостныхъ впечатлѣній: яркій свѣтъ, вливающийся въ ея, незакрытое на ночь, окно и голосъ графа Андрея, дающаго какія-то распоряженія въ паркѣ. Счастливая улыбка освѣтила ея лицо.

„Нѣтъ, все-таки отлично, что я сюда пріѣхала!“ воскликнула она про себя: „Какое счастье, ужъ одна эта близость Андрея... Сознаніе, что я могу увидѣть его когда захочу. Да вѣдь и на Левушку пожаловаться я не могу. Надо отдать ему справедливость, онъ ведетъ себя

очень деликатно, не требует моей нѣжности, никогда больше не говорить мнѣ о своей любви. Его капризъ теперь, — это мое постоянное присутствіе. Самое лучшее средство, чтобы излечить его отъ него, — это удовлетворить его желаніе истощающимъ образомъ, то-есть засѣсть у его постели и сидѣть около нея неотлучно, пока ему самому не надоѣстъ и онъ не выздоровѣетъ окончательно. Тогда моя миссія будетъ закончена. Я уѣду, а Андрей объяснится съ нимъ. Конечно я должна запастись терпѣніемъ, да вѣдь не вѣчно-же это будетъ продолжаться. Ахъ, хорошо-бы влюбить Левушку въ Татьяну Борисовну... Не начаты-ли мнѣ писать ея портретъ, чтобы показать ее ему въ выгодномъ свѣтѣ. Трудно будетъ ее уговорить. Ужъ очень она строптива и горда. Ну, да я сумѣю убѣдить ее... Однако пора вставать и начинать трудовой день...”

Илона вскочила съ кровати, взяла, уже приготовленную ей благоухающую фіалками, ванну, надѣла какое-то розовое „облачко“ и вся свѣжая, красивая и душистая выпорхнула изъ комнаты.

На лѣстницѣ ей неожиданно встрѣтился графъ Андрей. Онъ жадно приникъ губами къ ея пальцамъ.

— Какъ упоительно пахнетъ твоя кожа, — прошепталъ онъ, не выпуская ея руки изъ своей. — Илона, у тебя ранка на губѣ.

Они поблѣднѣли оба. Онъ до боли сжалъ ея пальцы:

— Илона, какъ легко мы теряемъ голову и какъ это опасно...

— Не тревожься. Это больше не повторится, — мягко сказала она. — Теперь я возьмусь за исцѣленіе Левушки самымъ рѣшительнымъ образомъ...

Внизу хлопнула дверь и профессоръ въ мягкимъ туфлямъ на босу ногу и въ халатѣ, что-то весело насвистывая, сталъ подниматься по лѣстницѣ. Увидѣвъ молодую дѣвушку, онъ сильно смутился:

— Извините! — воскликнулъ онъ запахивая халатъ до самого горла. — „Извините, я безъ галстука...” Помните, у Чехова?

— Пожалуйста, не церемоньтесь со мною, Владимиръ

Михайловичъ, утромъ да еще въ деревнѣ халатъ отличная вещь, — улыбнулась ему Илона радостной, обворожительной улыбкой, — до свиданія за завтракомъ.

Сдѣлавъ ему и графу Андрею прощальный знакъ рукою, она, сбѣжавъ нѣсколько ступеней, вошла въ комнату больного.

Въ послѣдующіе дни Илона терпѣливо и послѣдовательно стала приводить въ исполненіе задуманный планъ: часами сидѣла у Льва Юрьевича читая ему вслухъ, или про себя; сама подавала ему лѣкарства, играла съ нимъ въ шашки и уже къ концу недѣли онъ настолько поправился и окрѣпъ, что она нашла возможнымъ начать писать въ его комнатѣ портретъ Татьяны Борисовны и попросила ее позировать ей. Къ ея удивленію, она не долго заставила уговаривать себя и появилась на первый сеансъ въ очень красивомъ сиреновомъ платьѣ съ небольшимъ вырѣзомъ и безъ рукавовъ.

— Удивительно идетъ къ вамъ этотъ цвѣтъ, — воскликнула Илона, усаживая ее на широкій подоконникъ. — На фонѣ голубого неба оттѣнокъ вашего платья необыкновенно гармониченъ. Возьмите въ руку этотъ ирисъ... Нѣтъ, не берите... Ваши руки такъ совершенны, что жаль закрывать ихъ даже частичю. Положите ихъ, какъ хотите. Онѣ всегда прекрасны.

— Да, у нихъ на рѣдкость красивая форма. И онѣ такія сильныя, ловкія, — подтвердилъ Левъ Юрьевичъ.

„Однако, какъ измѣняетъ туалетъ,“ подумалъ онъ, „форменное платье, придуманное, чтобы скрыть фигуру, дѣйствительно достигаетъ этого. Никогда-бы не подумалъ, что у нея такая красивая, полная грудь и такая бѣлая шея. Въ ней есть что-то очень чувственное, но очень привлекательное...“

Илона писала медленно, не торопясь, стараясь затягивать сеансы, но къ ея досадѣ, какъ только они начинались, Левъ Юрьевичъ погружался въ чтеніе газеты, а когда она, стараясь привлечь его вниманіе, обращалась къ нему за совѣтомъ, онъ отвѣчалъ ей вяло и неохотно.

Татьяну Борисовну его равнодушіе выводило изъ себя. Однако оно было не совѣмъ искреннимъ, и своимъ упор-

нымъ чтеніемъ Левъ Юрьевичъ старался подавить въ себѣ легкое чувственное любопытство, которое возбуждало въ немъ красивое тѣло его сестры милосердія и которое какъ-то странно и грѣшно сливалось въ его воображеніи съ просыпающейся въ немъ, со новою силой, страстью къ Илонѣ.

„Это все потому, что я слишкомъ долго жилъ монахомъ“, думалъ онъ по ночамъ, когда загоралась его кровь и страстныя мечты начинали мучительно томить его.

XVII

Въ началѣ августа здоровье Льва Юрьевича настолько возстановилось, что профессоръ разрѣшилъ ему встать съ постели и проводить все утро въ креслѣ на террасѣ. Послѣ завтрака онъ отдыхалъ въ своей комнатѣ, но въ четыре часа снова возвращался на террасу, гдѣ начиналась игра въ „маджонгъ“. Чтобы внести разнообразіе въ жизнь выздоравливающаго, а главное, чтобы отвлечь его отъ себя, Илона приглашала ему молодыхъ, жизнерадостныхъ партнеровъ: Нату, Власова и Берсенева, которому она очень покровительствовала.

Это были веселые часы на террасѣ, за большимъ столомъ, уставленнымъ фруктами, разными сиропами и ледяной водой.

Молодежь состязалась въ остроуміи; раздавались взрывы хохота. Левъ Юрьевичъ любилъ дразнить Нату, называя ее „тургеневской дѣвушкой безъ косы“, и доказывать ей, что это „не стильно“.

Она задорно и находчиво отшучивалась и между ними установилась веселая пикировка.

Графъ Андрей и профессоръ, не всегда принимавшіе участіе въ игрѣ, сидѣли за отдѣльнымъ маленькимъ столомъ, читая газеты, или играя въ шахматы. Когда оживленіе разгоралось за большимъ столомъ, Илона переходила къ нимъ и отдыхала душой возлѣ графа Андрея. Она была утомлена своею „службой“ у Левушки и встревожена его новыми влюбленными взглядами, частыми пожатіями его руки. Ей было ясно, что съ возстановленіемъ

здоровья и силъ, въ немъ просыпается страсть и это пугало ее, грозя сильно осложнить положеніе.

Ея опасенія скоро оправдались. Около восьми часовъ Татьяна Борисовна всегда уводила своего паціента и укладывала его въ постель. Полчаса спустя Илона приходила прощаться съ нимъ. Какъ-то вечеромъ, войдя въ его комнату, она увидѣла его еще не раздѣтымъ и стоящимъ у окна.

— Левушка, что это значитъ? — удивилась она.

— Мнѣ не хочется еще ложиться, — пожалъ онъ плечами, поднося ея руку къ губамъ. — Скажи мнѣ, маленькая, ты довольна мною? Да?

Его руки бережно охватили ея плечи и онъ безъ улыбки заглянулъ ей въ глаза.

— Довольна, конечно... Но не сейчасъ... Оставь меня, Левушка, или я разсержусь.

Не слушая ее, онъ, тяжело переводя дыханіе, крѣпко прижалъ ее къ себѣ.

— Дай мнѣ хоть иллюзію счастья... Дай мнѣ отдохнуть отъ муки... — прерывисто шепталъ онъ, покрывая поцѣлуями ея лицо. — Я истомился по тебѣ...

Илона силой вырвалась изъ его объятій и отшатнулась отъ него.

— Левушка, какъ ты могъ? Ты вѣдь знаешь, что я пріѣхала сюда только изъ дружбы къ тебѣ. Что я не люблю тебя любовью.

Онъ сдѣлалъ къ ней шагъ, но внезапно пошатнулся и, упавъ въ кресло, глухо зарыдалъ.

Въ комнату вбѣжала Татьяна Борисовна:

— Какъ можно такъ волновать больного передъ сномъ! — не сдержавшись крикнула она, бросая на Илону полный ненависти взглядъ.

— Вы подслушивали? — холодно спросила ее та. — Пожалуйста, оставьте насъ однихъ.

— Я пойду за профессоромъ...

— Нѣтъ, вы просто уйдете отсюда. Что за безтактность! — топнуть ногою вскочившій съ кресла Левъ Юрьевичъ.

Смѣривъ его холоднымъ взглядомъ, Татьяна Борисовна молча вышла изъ комнаты.

— Илона, прости меня, — умоляюще проговорилъ, совершенно отрезвленный, Левъ Юрьевичъ. — Я такъ истосковался по твоей ласкѣ, что твоя близость была для меня иногда мукою Тантаала...

— Я понимаю, Левушка, и извиняю твой порывъ. Но теперь ты выздоровѣлъ и моя миссія здѣсь окончена...

— Ты хочешь уѣхать? Не наказывай меня такъ жестоко, Илона. Если ты уѣдешь, съ тобою исчезнетъ вся моя радость жизни.

— Левушка, ты весь дрожишь. Сядь въ кресло. Вотъ такъ... и слушай... Я должна уѣхать. Вѣдь не могу-же я здѣсь жить. Меня тянетъ домой, къ моей работѣ. Но я рѣшила всю зиму провести въ Парижѣ... Мы часто будемъ тамъ видѣться и всегда, всегда останемся друзьями.

— Я люблю тебя... — съ удареніемъ сказалъ онъ.

— Нѣтъ, это уже больше не любовь. Это просто упрямство твоей честной и вѣрной натуры. Подумай объ этомъ и ты убѣдишься, что я права.

— Мнѣ тяжело...

— Не надо такъ, милый. Мы провели теперь вмѣстѣ столько радостныхъ дней и будемъ видѣться всю зиму въ Парижѣ.

— Ты общаешься?

— Общаю, конечно. Однако, довольно на сегодня волненій. Я пойду къ себѣ и пришлою къ тебѣ Татьяну Борисовну. Помиришь съ нею. Ей тоже не легко. Вѣдь она любитъ тебя...

— Она мнѣ больше не нужна. Я здоровъ...

— Нѣтъ, Левушка, прошу тебя, пусть она останется еще немного. Ну, спокойной ночи, милый. Улыбнись мнѣ. Друзья?

— Друзья, — покорно и печально отвѣтилъ онъ, слегка касаясь губами ея пальцевъ. — Когда-же ты хочешь ѣхать?

— Черезъ два, три дня...

— Я не долго останусь здѣсь безъ тебя... Меня уже тянетъ въ Парижъ.

— Мы поговоримъ объ этомъ завтра... И вотъ что, Левушка... Я больше не буду приходить къ тебѣ въ ком-

нату. Ты самъ сейчасъ сказалъ, что здоровъ, а это была привилегія больного.

Губы его дернулись горькой усмѣшкой.

— Какъ хочешь. Благодарю тебя, Илона. Ты, кажется, дѣйствительно спасла мнѣ жизнь.

— Помни, Левушка, что намъ еще предстоятъ радостные дни и мѣсяцы въ Парижѣ. Ну, а теперь я уйду. Спокойной ночи... — крѣпко пожавъ его руку, Илона выбѣжала въ коридоръ.

— Попросите Татьяну Борисовну къ графу, — бросила она встрѣтившейся ей горничной и направилась на террасу.

Тамъ, читая книгу при свѣтѣ небольшой, завѣшанной абажуромъ лампы, сидѣлъ графъ Андрей.

— А гдѣ же профессоръ? — удивленно спросила его Илона.

— За нимъ пришелъ Власовъ. Кто-то вывихнулъ себѣ ногу въ Аркадіи.

— Какъ хорошо, что мы одни, Андрей. Мнѣ нужно поговорить съ тобою.

— Что случилось? Ты такъ взволнована...

Илона устало опустилась рядомъ съ нимъ на диванъ и повернула выключатель лампочки. Она потухла и въ темномъ небѣ надъ террасой загорѣлись голубыя созвѣздія. Илона долго смотрѣла на нихъ, потомъ медленно провела рукою по волосамъ.

— Вотъ теперь я успокоилась и могу говорить, — чуть улыбнулась она. — Слушай... У меня только что была сцена съ Левушкой.

— Сцена?

— Да. Онъ выздоровѣлъ и теперь ему трудно довольствоваться моей дружбой. Мы поссорились, потомъ помирились. Я сказала ему, что его чувство ко мнѣ не любовь, а упрямство честной и вѣрной натуры. Онъ ничего не возразилъ на это. „Мы разстались друзьями.“ Но теперь я должна уѣхать... Скажи мнѣ, какъ я буду теперь жить безъ тебя? Я такъ привыкла слышать твой голосъ... видѣть твое лицо... твои руки. Такъ привыкла каждую минуту съ трепетомъ ожидать твоего появленія... ловить

ласку твоихъ глазъ, — ея горячій голосъ опустился до шопота и оборвался.

Графъ Андрей неотрывно и жадно смотрѣлъ въ ея поблѣднѣвшее отъ страсти лицо и подъ этимъ взглядомъ всѣ ея нервы вздрогнули и заняли блаженствомъ.

— Я не смогу уѣхать... Не смогу оторваться отъ тебя, Андрей, — сорвалось съ ея пересохшихъ губъ.

Его дыханіе приблизилось къ ея лицу.

— Я провожу тебя до Парижа... Мы пробудемъ тамъ вмѣстѣ нѣсколько дней. Хочешь? — прошепталъ онъ, цѣлуя ея глаза.

— О, милый...

Два дня спустя Ната, Власовъ и Берсенева были приглашены обѣдать въ замокъ, а вечеромъ въ немъ долженъ былъ состояться прощальный костюмированный балъ, который Илона давала аркадійскимъ пастухамъ и пастушкамъ.

— Итакъ вы насъ покидаете, княжна! — воскликнулъ профессоръ, сидящій рядомъ съ Илоной за длиннымъ, накрытымъ на террасѣ обѣденнымъ столомъ. — Хотѣлъ бы произнести къ этому случаю рѣчь, да ужъ очень я плохой ораторъ. Итакъ скажу только... Вы принесли намъ сюда радость и здоровье...

— И красоту... — подсказала Ната.

— Господа, я предлагаю тостъ за красоту, талантъ и другія добродѣтели, олицетвореніемъ которыхъ является княжна, — глядя съ печальной улыбкой на Илону поднимая Левъ Юрьевичъ бокалъ.

— Ура! Ура! — закричала молодежь.

— Да... Вотъ сидимъ мы здѣсь, въ Бретани, въ замкѣ Бѣлаго Креста, а кричимъ русское ура. Странно звучитъ оно здѣсь, — сталъ философствовать профессоръ. — Вотъ я взгляну иногда на это дикое, взмыленное море, на эти рифы и скалы, на этотъ закатъ, похожій на какой-то огненный апофеозъ, и мнѣ кажется, что я живу теперь совсемъ не на той планетѣ, на которой родился... Въдь вотъ сейчасъ, гдѣ-нибудь подъ Москвой, солнышко тихонько закатывается за березовую рощу. Въ деревнѣ

пахнетъ неосѣвшею пылью отъ вернушагося съ пастбища стада, да парнымъ молокомъ, да кислымъ хлѣбомъ, или капустой, что-ли... Надъ избушками сѣрыми, косыми, точно заваленными соломой крышъ, съ шелковистымъ свистомъ порхаютъ ласточки... Бѣлокурый мальчуганъ скачетъ на кудлатой желтой лошаденкѣ въ ночное. У колодца громяхаютъ ведра. Краснощекія дѣвки малявинскаго типа наполняютъ ихъ водой и, подхвативъ на каромысла, тяжело ступая, тащатъ ихъ домой, для равновѣсія размахивая свободной рукой... Гдѣ-то тявкаетъ собаченка; плаксиво заливается гармошка... Откуда-то тянетъ уголькомъ отъ самовара... Э-э-э-эхъ, эхъ, эхъ! Ужъ не знаю, такъ-ли это тамъ теперь. Когда-то такъ было... — тяжело вздохнулъ старикъ.

— Вотъ вы говорите, Владимиръ Михайловичъ, что вы не ораторъ, а какъ красиво, какъ ярко вы сейчасъ все это рассказали, — сердечно пожалъ ему руку графъ Андрей.

— Гдѣ ужъ тамъ красочно... Э-э-э-эхъ... Княжна, разрѣшите мнѣ встать? Пойду пройдуся немного въ паркѣ.

Вставъ изъ-за стола, профессоръ торопливой походкой ушелъ съ террасы.

— Вы замѣтили, какіе у него были глаза, когда онъ говорилъ? Все, что онъ описывалъ, онъ „видѣлъ“ въ прошломъ. Онъ душою перенесся въ него на эти нѣсколько минутъ и былъ счастливъ, — негромко проговорила Илона.

— Бѣдный старикъ! — воскликнулъ Левъ Юрьевичъ.

— Нѣтъ, счастливый, — возразила Ната съ глазами, полными слезъ. — Онъ, по крайней мѣрѣ, помнитъ свою родину. Вотъ и мама моя начнетъ мнѣ рассказывать что-нибудь о Москвѣ и вдругъ заплачетъ... А намъ-то и плакать не о чемъ. Мы такъ плохо помнимъ Россію... Мы „эмигранты“... „бѣженцы“... Какія это ужасныя слова.

— Полно, Наталія Сергѣевна, — мягко обратился къ ней Левъ Юрьевичъ. — Вы не бѣженка, а тургеневская дѣвушка...

— Безъ косы... — сердито подсказала она ему, улыбаясь сквозь слезы.

Высоко надъ башнями замка загудѣлъ пропеллеръ аэроплана и всѣ подняли головы.

— Какъ я хотѣлъ-бы стать пилотомъ! — воскликнулъ Власовъ.

— За чѣмъ-же дѣло стало, Николай Николаевичъ? Братъ и я, мы оба опытные пилоты и научимъ васъ летать. Хотите? — предложилъ ему Левъ Юрьевичъ.

— Ахъ, съ восторгомъ, — обрадовался Власовъ.

— Я думаю, что профессоръ не скоро позволитъ тебѣ подняться, мой мальчикъ, — сказалъ брату графъ Андрей.

— Но почему-же? Вѣдь я совершенно здоровъ теперь и меня тянетъ за облака. Авіація мой любимый спортъ, — возразилъ Левъ Юрьевичъ. — Илона, въ Парижѣ мы будемъ вѣстѣ летать. Идетъ?

— Отлично. Я давно мечтаю сѣсть въ аэропланъ.

— Андрей, вѣдь ты провожаешь Илону до Парижа. Поѣзжай съ нею на аэродромъ, покажи ей нашу машину, — обратился Левъ Юрьевичъ къ брату.

— Но вѣдь я не остановлюсь въ Парижѣ, Левушка, я тороплюсь домой, — вспыхнула молодая дѣвушка. — Не пора-ли намъ костюмироваться, дорогая? — спросила она Нату, торопясь переменить разговоръ. — Идемте ко мнѣ.

Два часа спустя балъ былъ уже въ полномъ разгарѣ. Танцевали подъ звуки стоящаго въ залѣ органа. Старинныя люстры лили мягкій свѣтъ на пудренныя головы аркадійскихъ пастушекъ и пастушковъ. Не костюмированными остались только графы Духовскіе, профессоръ и Татьяна Борисовна, которая по просьбѣ Илоны появилась въ своемъ сиреневомъ платьѣ. Она была очень красива, но печальна и не принимала участія въ общемъ оживленіи, одиноко сидѣла въ отдѣленной отъ залы аркой, задрапированной гобеленомъ, гостиной, просматривая какіе-то журналы.

— Левушка, — подбѣжала къ своему бывшему жениху Илона. — Поди, пригласи твою бѣдную сестру милосердія на какой-нибудь танецъ. Мнѣ жаль ее, она такъ одинока и ты ей обязанъ многимъ. Поди, поди, покружись съ нею немного.

— А потомъ съ тобою? — горячо заглянулъ онъ ей въ глаза.

— Хорошо. Потомъ со мною. Пока до свиданія, мой милый. Мнѣ нужно поговорить съ Берсеновымъ. Онъ такой грустный сегодня. — Приподнявъ слегка свой легкій золотой кринолинъ, Илона направилась на террасу, гдѣ графъ Андрей велъ съ Берсеновымъ какой-то серьезный разговоръ.

— Отъ кого вы бѣжали сюда, Татьяна Борисовна? — спросилъ Левъ Юрьевичъ, входя въ гостиную.

— Отъ скуки.

— Почему вы не танцуете?

Она пожала красивыми плечами.

— Идемте танцовать. Отпразднуемъ мое выздоровленіе.

Упрямо сжавъ губы, она продолжала смотрѣть въ журналъ.

— Идемте. Не капризничайте, — онъ взялъ ее за кисть руки и, силой поднявъ ее со стула, привлекъ къ себѣ. — Мы можемъ танцовать и здѣсь... Здѣсь больше мѣста...

Татьяна Борисовна не противилась больше. Прильнувъ къ нему и закрывъ глаза, она покорно поддавалась каждому его движенію и ритму танца.

Его рука все сильнѣе сжимала ее станъ; все прерывистѣе становилось его дыханіе. Его лицо коснулось ее виска.

— Ваши волосы пахнутъ хмелемъ, — прошепталъ онъ, не разжимая челюстей.

Она вздрогнула вся.

Органъ замолкъ. Они остановились.

— Какъ жарко, — глухо проговорилъ Левъ Юрьевичъ, вытирая лобъ тонкимъ платкомъ.

— Вы переутомились. Вамъ лучше лечь, — сказала она пробуя улыбнуться.

— Да... Я исчезну, не прощаясь. Идемте.

Они молча, съ трудомъ преодолевая какую-то тяжелую неловкость, зародившуюся между ними, вышли изъ гостиной.

— Я сейчасъ приду... Только переодѣнусь, — бросила она, дойдя до его двери.

— Нѣтъ... Не стоитъ, — легкимъ движеніемъ руки

заставивъ ее войти въ комнату, онъ, не зажигая свѣта, заперъ за собою дверь на ключъ.

— Зачѣмъ? — хотѣла она спросить, но въ ту-же минуту онъ рванулъ ее къ себѣ и захвативъ ея волосы сталь, почти съ ненавистью, жадно и больно цѣловать ее.

— Не надо... Не надо... — шептала она, какъ во снѣ.

Онъ уронилъ ее на диванъ:

— Я хочу тебя... Хочу... давно... — Онъ смялъ ее всю въ порывистомъ объятіи, полномъ жажды разрушенія и жестокости.

Балъ былъ въ самомъ разгарѣ. Всѣ веселились. Всѣ танцовали. Лакеи разносили мороженое, сладости и всевозможные напитки.

— Вы замѣтили, Владимиръ Михайловичъ, что Левушка исчезъ? — подошелъ къ закусывающему у холоднаго буфета профессору графъ Андрей.

— Да. Я хотѣлъ пройти къ нему, но можетъ быть онъ уже спитъ. Лучше не беспокоить.

— Какъ странно, что онъ ушелъ, не простившись со мною. Это такъ непривычно.

— Навѣрно онъ усталъ. Да и тяжело ему. Вѣдь завтра уѣзжаетъ княжна, и хотъ ему и обѣщано свиданіе въ Парижѣ, онъ все-таки во второй разъ хоронитъ свои мечты. Признаться, и я разочарованъ. Мнѣ такъ хотѣлось обвѣнчать ихъ.

— Вы милый романтикъ, профессоръ.

— Н-да... Есть немножко. Люблю любовь, люблю молодость. Своя миновала, такъ чужую. Грустно будетъ Льву Юрьевичу здѣсь безъ княжны и безъ васъ... Очень грустно.

— Но вѣдь вы останетесь съ нимъ, Владимиръ Михайловичъ. Это успокаиваетъ меня.

— Побуду съ нимъ, побуду. Только дольше недѣли ужъ не задерживайте меня здѣсь, дорогой. Мнѣ пора вѣстись за работу.

— Дольше недѣли ни въ какомъ случаѣ, — сощурилъ графъ Андрей свои, вдругъ потемнѣвшіе, глаза и взявъ со стола стаканъ ледяной воды, выпилъ его до дна.

Уже начало свѣтать, когда аркадійскіе пастушки и

пастушки, подплясывая и тихонько напѣвая подъ бряцаніе мандолинъ, стали спускаться съ горы, на которой стоялъ замокъ.

„Что за очаровательная картина. Это прямо ожившій ХУІІІ вѣкъ, или ненаписанное полотно Ватто,“ подумала Илона, долго смотря имъ вслѣдъ изъ своего окна.

Когда они скрылись за высокими стѣнами стриженныхъ елокъ, она закрыла ставни, быстро раздѣлась и бросилась въ постель.

„Это моя послѣдняя ночь здѣсь... Завтра въ это время я буду одна съ Андреемъ,“ безумною радостью обожгла ее опьяняющая мысль и, закрывъ глаза рукою, она отдалась своимъ знойнымъ мечтамъ.

ХУІІІ

Отъ украшенныхъ гербами воротъ замка Бѣлаго Креста только что отѣхала голубая Минерва, увозящая Илону, графа Андрея и провожающаго ихъ профессора на вокзалъ.

Стоящій на мраморныхъ ступеняхъ Левъ Юрьевичъ долго смотрѣлъ вслѣдъ удаляющемуся автомобилю, потомъ медленно направился въ свой кабинетъ, сѣлъ за письменный столъ и началъ разсѣянно перебирать лежащія передъ нимъ на бюварѣ письма.

Ему казалось, что душа его одиноко бьется въ какой-то жуткой пустотѣ. Горло его сжалось, онъ схватился за него рукою и, упавъ лицомъ на столъ, судорожно зарыдалъ.

Безшумно вошедшая въ комнату Татьяна Борисовна остановилась на порогѣ, взглянула на Льва Юрьевича обведенными страданіемъ глазами и хотѣла уйти, но онъ почувствовалъ ея присутствіе и поднялъ голову.

Она иронически повела губами:

— Извините... Я не знала, что помѣшаю вамъ.

— Если - бы вы понимали меня, въ васъ не было - бы горечи, Таня.

— О, я понимаю васъ. Мои вещи уложены. Вы здоровы... Я здѣсь больше не нужна.

Онъ подошелъ къ ней, мягко привлечь ее къ себѣ.

— Да, я здоровъ и ваше присутствіе здѣсь показалось бы страннымъ, возбудило - бы сплетни... Я этого не хочу. Вамъ лучше уѣхать завтра - же... Но мы будемъ вѣдѣться въ Парижъ...

„О Бенъ - Акиба, все повторяется на этомъ свѣтѣ.“
Не безъ сарказма улыбнулся онъ про себя.

Татьяна Борисовна отстранилась отъ него:

— Въ Парижъ? Я тамъ слишкомъ занята, чтобы...

Онъ, улыбаясь, зажалъ ей ротъ рукою:

— Мы поговоримъ объ этомъ сегодня вечеромъ, когда останемся одни.

Она взглянула на него, и вдругъ обильныя слезы побѣжали изъ - подъ ея рѣсницъ.

— Вы не любите меня... Тогда зачѣмъ-же... — съ трудомъ проговорила она.

Онъ взялъ ее за руки:

— Полно, Таня. Не надо требовать слишкомъ много отъ жизни... Надо бояться сильныхъ страстей и довольствоваться радостями, которыя даритъ намъ изрѣдка судьба.

— Давно - ли вы постигли эту мудрость?

— Я не постигъ ее еще. Я хочу ее постигнуть. Помогите мнѣ въ этомъ, Таня.

Въ коридорѣ раздалися шаги профессора. Татьяна Борисовна стремительно выбѣжала изъ комнаты, вытирая фартукомъ глаза.

— Ну вотъ, мы и одни съ вами здѣсь остались, — повышенно бодрымъ тономъ, которымъ говорятъ съ больными, или очень несчастными людьми, чтобы поднять ихъ настроеніе, воскликнулъ Владимиръ Михайловичъ, появившись въ дверяхъ. — Знаете, я заѣхалъ за Власовымъ и Берсеновымъ. Засядемте - ка за бриджъ.

— Дорогой профессоръ, какъ я тронутъ вашей заботой...

— Ну, что тамъ... Идемте - ка на террасу. Тамъ ставятъ карточный столъ. Я распорядился.

Нѣсколько минутъ спустя Левъ Юрьевичъ уже сидѣлъ напротивъ Власова. Профессоръ игралъ съ Берсе-

невимъ. Надъ башнями замка раздалось гудѣніе пропеллера.

„Аэропланъ,“ бѣгло подумалъ Левъ Юрьевичъ не отрывая глазъ отъ картъ: „Почему у меня такъ больно сжалось сердце? Ахъ, да... Вчера въ это время Илона была еще здѣсь...“

XIX

Илона закрыла чемоданъ, поставила его на уже запертый сундукъ и взглянула на часы: шель десятый часъ. Сейчасъ долженъ былъ пріѣхать графъ Андрей, котораго она просила не пріѣзжать раньше, чтобы дать ей время уложиться. Въ двѣнадцать часовъ уходилъ ея поѣздъ въ Территъ.

„Еще два часа счастья,“ печально подумала она, „и закончится этотъ яркій періодъ моей жизни... Превратится въ воспоминаніе.“

Раздался легкій стукъ въ дверь и въ комнату вошелъ графъ Андрей. Илона бросилась къ нему, молча приникла лицомъ къ его груди. Онъ съ нѣжностью и тоскою прижалъ ее къ себѣ.

— Илона, я заснулъ сегодня только подъ утро. Мнѣ такъ тяжело. У меня какое - то страшное предчувствіе... У тебя его нѣтъ?

— Н-нѣтъ... Я такъ полна моимъ счастьемъ, что до моего сознанія ничего не доходитъ кромѣ него.

— Странно... Я не суевѣренъ... Но съ этой ночи я охваченъ какимъ-то внутреннимъ страхомъ. Мнѣ кажется, что судьба готовитъ намъ какой - то ужасный ударъ.

— Ты пугаешь меня...

— Прости... Все пережитое за этотъ годъ такъ расшатало мои нервы... Моя любовь къ тебѣ такъ бо-
лѣзненна... И эта новая разлука...

— Она будетъ недолгой, Андрей. Обѣщай мнѣ это.

Они вмѣстѣ опустили на отоманку. Илона охватила его шею руками, прильнула лицомъ къ его лицу:

— Андрей, я знаю, что тебѣ непріятенъ этотъ во-

прось, но я должна знать... Скажи мнѣ, когда ты объяснишься съ Левушкой?

— Не теперь. Онъ долженъ сначала совершенно поправиться. Вѣдь ты съ этимъ согласна?

— Конечно.

— Онъ ужъ примирился съ мыслью, что ты не будешь его женою и началъ отвыкать отъ тебя. Я въ этомъ убѣдился... Иначе мы не были - бы вмѣстѣ сейчасъ.

— Да. Онъ переходитъ на дружеское чувство ко мнѣ. Это то, чего я такъ хотѣла.

— При его молодости въ немъ скоро должно проснуться желаніе новаго, обоюднаго чувства. Я скоро привезу его въ Парижъ. Мы будемъ много бывать въ обществѣ. Можетъ быть, найдя утѣшительницу, онъ настолько забудетъ тебя, что проститъ намъ нашу любовь.

— Знаешь, Андрей, если все это слишкомъ затянется, я переѣду съ мамой окончательно въ Парижъ. Возьму здѣсь квартиру. Мы будемъ видѣться съ тобою ежедневно...

Онъ порывисто, съ отчаяніемъ какого-то страшнаго предчувствія прижалъ ее къ себѣ еще тѣснѣе.

— Илона, какъ я боюсь потерять тебя...

— Ты не можешь потерять меня. Насъ разлучитъ одна смерть, а вѣдь мы еще молоды...

— Береги себя, Илона. Въ жизни столько трагическихъ случайностей. Ахъ, скорѣе - бы ты стала моею навсегда, чтобы я могъ оберегать тебя... Видѣть тебя и днемъ, и ночью.

— Я боюсь и думать о такомъ совершенномъ счастьи... Мнѣ страшно, что злые духи, замѣтивъ перевѣсъ чаши счастья на вѣсахъ моей судьбы, подбросятъ тяжелую гирю на чашу страданія. Я предпочитаю платить за нѣсколько дней, проведенныхъ съ тобою, недѣлями тоски по тебѣ.

— Илона, сколько мы выстрадали, чтобы такъ дрожать за наше счастье.

— Но оно такъ велико. Не каждой женщинѣ выпадаетъ на долю встрѣтить того единственнаго во всемъ мірѣ человѣка, котораго она любитъ извѣчно, котораго она можетъ быть искать и ждать во всѣхъ своихъ воплощеніяхъ и встрѣчаетъ такъ рѣдко. Раньше я не вѣрила въ

метафизику въ любви. Не любовь, а творчество было центромъ моей жизни. Теперь все измѣнилось. Съ тобою я поднимаюсь такъ много выше надъ землею, чѣмъ въ минуты вдохновенія. Безъ тебя моя жизнь больше немыслима, Андрей. Потерявъ тебя, я перестала - бы видѣть, дышать, работать... Я - бы угаала...

— Ты вся дрожишь, моя любимая. Это я такъ взволновала тебя своей глупой нервною...

— Андрей, скажи, что не случится ничего ужаснаго, что мы свидимся, — порывисто прижалась она къ нему.

— Илона... Илона...

— Милый, сейчасъ я дышу запахомъ твоихъ волосъ, твоего лица. Чувствую твои тонкія руки... такія гибкія и сильныя... такія мои и мнѣ кажется невѣроятнымъ, что черезъ часъ я буду одна... далеко отъ тебя.

— Мой страхъ передался тебѣ... Ты была такъ благо-
разумна.

— Нѣтъ, я не была благоразумна, я просто была опьянена нашимъ счастьемъ, а теперь разсѣялся угаръ и весь ужасъ разлуки охватилъ меня. Андрей... Андрей...

Оба смертельно блѣдные, они сжали другъ друга въ объятіи.

Раздался стукъ въ дверь. Илона почти безъ чувствъ откинулась на подушки.

На порогъ появился отельный слуга, явившійся за сундуками.

— Это все? — спросилъ онъ, вынося вещи въ коридоръ.

Илона утвердительно кивнула головой.

— Я буду ждать мадамъ у перронѣ, — предупредительно сказалъ онъ закрывая дверь.

Илона бросилась къ графу Андрею:

— Не отпускай меня... Или уѣдемъ вмѣстѣ. Даже, если ничего не случится... Зачѣмъ намъ такъ мучить себя?

— Моя любимая, это невозможно... Это не только убило - бы Левушку, но скомпрометировало - бы тебя...

— Я равнодушна къ чужому мнѣнію и считаюсь только со своимъ.

— Ты это доказала и разрывомъ съ Левушкой, и

своимъ прїѣздомъ въ Бретань. Это было сильно и красиво. Но если - бы я уѣхалъ теперь съ тобою, — это было - бы безвкуснымъ.

— Ты правъ...

— Я проклинаю себя за то, что заразилъ тебя своею слабостью.

— Она дорога мнѣ... Вѣдь въ ней выразилась твоя любовь.

Раздался новый стукъ въ дверь.

— Автомобиль у подъѣзда, мадмуазель, — раздался голосъ изъ коридора.

— Я не могу... Не могу, — зарыдала Илона, роняя голову на плечо графа Андрея.

— Илона... Илона... Я никогда еще не видѣлъ твоихъ слезъ... Пожалѣй меня...

Онъ сталъ медленно цѣловать ея закрытыя вѣки, ея мокрая рѣсницы, все ея блѣдное лицо. Она затихла подъ его ласками. Они съ мукой оторвались другъ отъ друга.

— Я все - таки провожу тебя на вокзалъ, — проговорилъ онъ съ трудомъ переводя дыханіе.

— Нѣтъ, Андрей. Ужасно прощаться тамъ. И насъ могутъ увидѣть, — отвѣтила она, дрожащими руками надѣвая шляпу. — Значить, рѣшено... Ты будешь часто писать мнѣ и черезъ три, четыре недѣли я прїѣду сюда на всю зиму... Гдѣ - же мои перчатки? Ахъ вотъ... Ну...

Охвативъ его шею руками, она жадно впиалась глазами въ его лицо.

— Люблю... Люблю... Люблю... — страдальчески сдвинувъ брови, шептала она дрожащими губами.

Онъ разомъ потерялъ голову:

— Останься... Останься еще хоть до завтра.

— Нѣтъ... Нѣтъ... Завтра опять пережить эту муку. Это слишкомъ... Это выше моихъ силъ. Итакъ до свиданія черезъ три недѣли, мой любимый, мой единственный, — быстрымъ движеніемъ перекрестивъ его она выбѣжала изъ комнаты.

XX

Было уже темно. Илона сидѣла за своимъ письменнымъ столомъ и, опершись на выпрямленную руку, задумчиво смотрѣла на золотые огоньки, разсыпанные у подножья горы изъ французскомъ побережьи. Вдругъ она вздрогнула, точно пришла въ себя, провела рукою по волосамъ, обмакнула перо въ чернила и начала писать:

„Территѣ. 27-го сентября.

Мой любимый, вотъ уже три недѣли, какъ я здѣсь. Три недѣли, какъ я существую безъ тебя... Я дышу, вижу, слышу, вспоминаю, но только существую, а не живу... Это уже мое девятое письмо къ тебѣ. Ничто не измѣнилось ни во мнѣ, ни вокругъ меня съ тѣхъ поръ, какъ я писала тебѣ въ послѣдній разъ. Я цѣлыми днями бездѣятельно брожу по дому, или по усыпаннымъ лепестками отцвѣтающихъ розъ, дорожкамъ сада. Онъ уже весь полонъ чарующе - грустной атмосферой осени: прохладный воздухъ весь продушенъ нѣжнымъ ароматомъ айвы; на полянкѣ, вокругъ Венеры Книдійской цвѣтутъ блѣдые безвременники; съ вѣтвей деревьевъ слетаютъ длинныя нити „бабьяго лѣта“; изъ мраморныхъ чашъ баллюстрады, отдѣляющей отъ озера мою любимую каштановую аллею, ниспадаютъ огненные каскады герани. Я иногда останавливаюсь между ними и долго смотрю на какую-нибудь, еле скользящую, барку съ двойными бѣлыми парусами, которые, какъ въ зеркалѣ отражаются на гладкой водѣ. Потомъ я иду въ мастерскую, беру кисти, палитру и на память пишу твои руки, твои глаза, твои губы... все твое чудное лицо. Я отравлена этими видѣніями... готова кричать отъ тоски по тебѣ... Вся моя жизнь, — это ожиданіе той минуты, когда ты позвешь меня. Въ твоихъ письмахъ я читаю между строкъ, что дурныя предчувствія продолжаютъ томить тебя. Прошу тебя, не беспокойся за меня. Я здорова, берегу себя. Увѣряю тебя, со мною ниче-

го не можетъ случиться. Но какъ умиляетъ меня твоя болѣзненная забота обо мнѣ. Я чувствую, что твои мысли безпрестанно со мною. Съ тѣхъ поръ, какъ ты въ Парижѣ, мнѣ трудно думать о тебѣ. Въдѣ я не знаю дома, въ которомъ ты живешь, не знаю твоихъ парижскихъ привычекъ. Мое воображеніе ищетъ тебя гдѣ - то въ пространствѣ... Это мучительно... Позови меня скорѣе, Андрей. Признаюсь тебѣ, мнѣ тяжело. Меня порою охватываетъ какой - то ужасъ одиночества и страхъ, что я не доживу до свиданія съ тобою. Мой единственный, никогда еще я не любила тебя такъ, какъ люблю теперь... Дай мнѣ твои глаза... твои губы... О, мой милый, милый, въ тебѣ весь міръ, вся жизнь, вся страсть моя... Илона.“

Разсѣянно, какъ - то устало запечатавъ конвертъ, Илона рѣшила сейчасъ - же опустить письмо. Накинувъ на плечи пелерину изъ легкаго мѣха, она вышла на улицу и не торопясь направилась къ городу. Безлюдная дорога была слабо освѣщена тусклыми фонарями. На выступахъ горъ сверкали гирлянды огненныхъ блескокъ, а надъ ихъ вершинами мигали большія и яркія осеннія звѣзды. Одна изъ нихъ сорвалась съ чернаго неба и прорѣзала его ослѣпительнымъ лучомъ.

„Скорѣе... скорѣе задумать желаніе,“ промелькнуло въ головѣ Илоны: „Ахъ, вотъ... увидѣть Андрея... еще хоть разъ одинъ...“

Слезы хлынули изъ ея глазъ.

„Что это со мною?“ растерянно подумала она поспѣшно вытирая лицо платкомъ: „Андрей такъ заразилъ меня своими предчувствіями, что я начинаю сходить съ ума. Мнѣ слѣдуетъ пройтись до сна, иначе я опять всю ночь буду мучиться безсонницей и дрожать отъ страха передъ темнымъ будущимъ.“

Изъ двери Grand hotel'я доносилась музыка. За кружевными занавѣсками большихъ оконъ кружились пары. Илона бережно, — точно жалѣя разстаться съ нимъ, опустила письмо въ почтовый ящикъ, висящій у портала, и медленно пошла дальше по направленію къ Монтрэ.

У англиканской церкви призрачно бѣлѣлъ памятникъ австрійской императрицы Елизаветы, поставленный ей венгерцами.

„Не такъ надо было изобразить ее,“ подумала Илона: „Не гордой и спокойной, съ воротникомъ „Медичи“ и діадемой изъ тяжелыхъ косъ; не съ вѣромъ и перчатками, этими „эмблемами дамы“ ненавистнаго ей испанскаго этикета, а въ широкой длинной одеждѣ; въ позѣ вдохновеннаго порыва... скорѣе надрыва, которую такъ совершенно передавала Дузэ. А вѣдь у императрицы Елизаветы и у Дузэ была одна душа, — горячая и мятежная. Которая изъ нихъ была счастливѣе, или вѣрнѣе несчастнѣе, — жившая только въ мечтахъ императрица, или пламенно изжившая свою жизнь артистка? Дузэ была талантливѣе и потому счастливѣе и несчастнѣе.“

Благотворно-отвлеченная тема быстро исчерпалась и мысли Илоны оборвались. Она уже шла по главной улицѣ Монтрэ. На противоположной сторонѣ еще сверкала какая-то витрина и Илону безсознательно потянуло къ ней, какъ бабочку къ огню. Вдругъ за нею раздался испуганный вскрикъ, чья-то рука рванула ее и отбросила назадъ. Въ то-же мгновеніе раздался оглушительный выстрѣлъ лопнувшей шины на всемъ ходу остановившагося автомобиля.

— Чортъ возьми, гдѣ ваши уши? — крикнулъ грубый голосъ шоффера, — я трубить, какъ сумасшедшій...

— Васъ не задѣло? Не ушибло? — посыпались сочувственные вопросы на Илону.

— Нѣтъ... нѣтъ... — сдавленнымъ голосомъ отвѣтила она, стараясь выбраться изъ мгновенно собравшейся вокругъ нея толпы.

Изъ автомобиля выскочилъ Стархенфельсъ, а вслѣдъ за нимъ грузно выбралась герцогиня.

— Боже мой! Это вы, княжна? Но какъ это могло случиться? — воскликнулъ онъ цѣлуя ея руку.

— Моя милая, баронъ отвезетъ васъ самъ домой на такси. Вы сейчасъ лишитесь чувствъ, — бросилась къ ней герцогиня. — Какъ это случилось?

— Я гуляла... Но мнѣ дѣйствительно не хорошо и

«Илона»

трудно говорить. Баронъ, прошу васъ не провожать меня. Я отлично доѣду одна.

— Покоряюсь вашему желанію, но очень противъ воли, — любезно проговорилъ Стархенфельсъ, усаживая ее въ автомобиль.

— Я завтра зайду справиться о вашемъ здоровіи, — пожала ей руку герцогиня.

Машина тронулась. Илона откинулась въ уголокъ кареты.

„Что это было сейчасъ со мною, — мгновенное затмѣніе, или предназначенное несчастье, отъ котораго я чудомъ спаслась? Ахъ, вздоръ какой!“ съ досадой отвѣтила она себѣ: „При чемъ тутъ предназначеніе или „чудесное избавленіе“? Просто живя въ непрерывномъ ожиданіи какой-то катастрофы, я распустила себя до того, что хожу какъ помѣшанная, не слышу гудковъ автомобилей, не глядя перехожу улицы. Буду принимать что-нибудь для укрѣпленія нервовъ и завтра цѣлый день останусь въ постели, а то со мною дѣйствительно еще что нибудь случится.“

На другое утро Илона проснулась съ головною болью. Она отказалась отъ кофе и приняла пирамидону. Ей скоро стало лучше. Со второй почтой пришло письмо графа Андрея и это окончательно исцѣлило ее.

„Моя Илона,“ писалъ онъ: „я видѣлъ тебя сегодня ночью во снѣ. Видѣлъ такъ живо, такъ ярко... Я не могу больше безъ тебя. Пріѣзжай, и будь, что будетъ. Объясниться съ Левушкой я еще не рѣшилъ. Онъ уже совершенно здоровъ, выѣзжаетъ, занимается спортами и сейчасъ конечно здоровѣе меня, но онъ до сихъ поръ такъ полонъ тобою, что я не рѣшаюсь нанести ему ужаснаго удара. Прости мнѣ эту слабость. У меня есть надежда, что скоро все измѣнится: представь себѣ, у Левушки начался флиртъ съ Натой. Онъ каждое утро играетъ съ ней въ тѣннисъ. Не трудно замѣтить, что она въ него влюблена. Онъ пока только любитъ ее, однако мнѣ кажется, что онъ начинаетъ ею увлекаться. Какимъ-бы

это было отраднымъ исходомъ для насъ всѣхъ. Ната изъ хорошей семьи, очаровательна, талантлива, умна и была-бы Левушкѣ отличной женой. Только сможетъ-ли она заставить его забыть тебя? Боюсь, что нѣтъ. Ну, да предоставимъ это судьбѣ. Ты пишешь, что ежеминутно можешь сняться съ якоря. Значитъ, мы увидимся уже черезъ нѣсколько дней. Конечно, для Левушки было-бы лучше не встрѣчаться теперь съ тобою, но вѣдь и нашимъ силамъ есть предѣлъ. Илона моя, ты не знаешь, какъ изстрадался я по твоимъ ласкамъ, по всему твоему сладостному облику. Ты для меня воплощеніе всего счастья, всей страсти міра. Я люблю тебя безумно, депотично. Я страдаю отъ того, что ты живешь самостоятельно, отдѣльной отъ меня жизнью. Я хотѣлъ-бы, чтобы каждое твое дыханіе было связано съ моимъ, чтобы ты не знала и не видѣла ничего въ мірѣ, кромѣ меня. Я безпредѣльно счастливъ только въ тѣ минуты, когда ты вся въ моей власти, когда ты блѣднѣешь отъ самаго легкаго моего прикосновенія, когда твои глаза темнѣютъ и расширяются подъ моими поцѣлуями, когда ты перестаешь осознавать свою жизнь, отдавая ее мнѣ. Я жду тебя. Телеграфируй мнѣ сейчасъ-же день твоего приѣзда. Я буду считать часы. Скорѣе-бы ты была со мною, чтобы я самъ могъ оберегать тебя. Никогда еще мои нервы не были въ такомъ состояніи. Я вздрагиваю при каждомъ звонкѣ, при звукѣ каждой открывающейся двери. Я все время на чеку, въ ожиданіи какой-то катастрофы. Когда ты будешь со мною, это прекратится. Твой первый взглядъ исцѣлитъ меня отъ всѣхъ моихъ мукъ. Цѣлую твои руки.

Андрей.“

Жадно прочитавъ письмо нѣсколько разъ, Илона по-бѣжала къ княгинѣ:

— Мамочка! — ликующимъ голосомъ воскликнула она, — Андрей позвалъ меня. Я ѣду завтра вечеромъ въ Парижъ. Но тебѣ трудно такъ скоро собраться? Когда ты двинешься туда?

— Вѣроятно, на будущей недѣлѣ.

— Отлично. Ахъ, сколько мнѣ предстоитъ сегодня

дѣла. Ненила Михайловна сейчасъ-же должна ѣхать за моей визой на автомобиль въ Бернъ. Я пойду распоряжусь.

Илона хлопотала весь день и только послѣ обѣда, когда были уложены почти всѣ ея вещи и въ мастерской было отобрано все, что должно было быть ей прислано въ Парижъ, она спокойно усѣлась съ княгиней въ уютный уголокъ гостиной, чтобы просмотрѣть вечернія газеты. Въ золотомъ полумракѣ комнаты было тепло; ярко пылалъ зажженный въ первый разъ этою осенью каминъ. Стоящія на столѣ хризантемы благоухали какъ-то особеннопряно въ нагрѣтомъ воздухѣ.

— Этою зимою будутъ носить муфты, — потянулась Илона, бросая докуренную папиросу въ каминъ и перевертывая листъ газеты. — Въ Бретани бури... Милая Бретань... Какъ бушуютъ теперь волны у подножія замка Бѣлаго Креста... Фильмный премьеръ Бодишонъ собирается совершить кругосвѣтное путешествіе на своемъ автомобилѣ... Ужасно важно! Ахъ, что это? Графъ Андрей Духовской?

Илона вся потянулась къ лампѣ, глаза ея, ослѣпленные волненіемъ, усиливались прочитать разбѣгающіяся и сливающіяся подъ ними строчки:

„Паденіе аэроплана графа Андрея Духовского.

Сегодня около десяти часовъ утра, вблизи отъ Трувилля, упалъ въ море аэропланъ графа Андрея Духовского. Графъ былъ на мѣстѣ убитъ; его механикъ-русскій, тяжело раненъ. По словамъ механика, несчастье случилось изъ-за столкновенія въ воздухѣ съ коршуномъ: птица на всемъ лету попала въ пропеллеръ.“

Охваченная внезапною слабостью, Илона откинулась на спинку кресла. Ей казалось, что она быстро, быстро летитъ въ какую-то черную бездну. Все сразу рухнуло вокругъ нея. Душа ея испуганно металась и билась въ глубокомъ мракѣ:

„Это я сонъ вижу... сонъ... Нельзя, чтобы умеръ Андрей... Онъ не умеръ...“ летѣли въ ея мозгу обрывки обезумѣвшихъ мыслей: „Вѣдь, если-бы это было... въ мірѣ не осталось-бы ничего кромѣ пустоты... черной пустоты... и его трупъ.“

— А-а-а-а-а, — дикимъ воплемъ закричала она вдругъ, хватаясь за волосы. — А-а-а-а-а-а...

— Илона, выпей... вотъ выпей, — дрожащими руками расплескивая воду изъ стакана, повторяла помертвѣвшими губами княгиня, стараясь влить хоть нѣсколько капель ей въ ротъ.

Но губы Илоны были крѣпко стиснуты, расширенные зрачки глядѣли въ одну точку; непрерывный протяжный стонъ разрывалъ ей грудь. Въ этомъ несмолкаемомъ воплѣ, которымъ кричатъ истязаемые во время пытки, было что-то животное, что-то сводящее съ ума.

Сбѣжалась прислуга. Уронивъ стаканъ, княгиня бросилась къ телефону и, не называя номера, растерянно повторяла: „доктора... доктора...“

Только что вернувшаяся изъ Берна, Ненила Михайловна взяла у нея трубку, вызвала домашнего врача, потомъ выслала изъ комнаты прислугу.

Вернувшись къ дочери и опустившись передъ нею на колѣни, княгиня тщетно пробовала овладѣть ея, виѣпившимися въ волосы, руками, гладила ея лицо, звала ее; но Илона не замѣчала ничего и стоны ея становились все изступленнѣе, все глуше.

Въ передней раздался звонокъ. Княгиня бросилась навстрѣчу врачу:

— Докторъ, спасите Илону... Я боюсь, что она лишится разсудка.

— Что случилось съ княжной?

— Она потеряла любимого человѣка...

— Какъ она ужасно стонетъ... надо... — докторъ набросалъ рецептъ на миниатюрномъ блокнотѣ. — Вотъ пошлите на моемъ автомобилѣ за морфіемъ въ аптеку.

— Княжна! Княжна! Вы пугаете вашу мать. Очнитесь. Возьмите себя въ руки, — громко проговорилъ онъ у самаго лица Илоны, стараясь измѣнить ея положеніе въ креслѣ, приподнять ее съ него, но напрасно.

Точно окаменѣвъ въ своей страдальческой позѣ, Илона продолжала кричать. Она точно прислушивалась къ своему крику, точно всматривалась застывшими гла-

зами въ какую-то страшную, видимую ею одною, картину.

Чтобы сдѣлать ей впрыскиваніе морфіемъ, пришлось разрѣзать рукавъ ея платья. Уколъ подѣйствовалъ очень быстро. Горячая волна залила истерзанный мозгъ Илоны, какая-то успокаивающая, свинцовая тяжесть охватила ея тѣло. Судорожно натянутые мускулы вдругъ будто распались и безконечная слабость овладѣла ею. Запрокинувъ голову и какъ-то безпопощно раскинувъ руки, она откинулась назадъ. Докторъ бережно поднялъ ее и положилъ на диванъ. Она не сопротивлялась больше. Мысли ея совершенно смѣшались, душа погрузилась въ какое-то ледяное, пустое спокойствіе.

Княгиня склонилась надъ дочерью, смочила ея виски одеколономъ, поднесла стаканъ воды къ ея пересохшимъ губамъ. Выпивъ его до дна, Илона снова уронила голову на подушки и подняла застывшіе глаза къ потолку, на которомъ трепетно свѣтились блики угасающаго камина.

Оставивъ съ Илоной Ненилу Михайловну, княгиня и докторъ безшумно вышли въ холлъ.

— Что вы скажете мнѣ, докторъ? Ея положеніе опасно? — еле сдерживая слезы, спросила озабоченная мать.

— Надѣюсь, что нѣтъ. Не знаю, какъ подѣйствуетъ морфій на княжну. Нѣкоторыхъ людей онъ усыпляетъ, другихъ возбуждаетъ, но всѣхъ онъ сильно успокаиваетъ. Острый періодъ отчаянія княжны во всякомъ случаѣ миновалъ. Протелефонируйте мнѣ часа черезъ два о ея состояніи. Я, конечно, всю ночь къ вашимъ услугамъ.

— Благодарю васъ, докторъ.

Княгиня вернулась въ гостиную и, знакомъ руки давъ понять Ненилѣ Михайловнѣ, чтобы та не говорила ни слова, сѣла у камина лицомъ къ дочери.

„Хоть-бы заснула... хоть-бы заснула...“ съ мукой думала она, глядя на нее. Но глаза Илоны все еще были широко раскрыты и направлены къ потолку. Мысли ея начинали проясняться:

„Кончено...“ думала она, какъ-то медленно составляя и странно растягивая мысленно слова: „Конецъ

всему... Недаромъ мы оба чуяли приближеніе какого-то страшнаго удара судьбы. Онъ разразился... И... вотъ... мы уничтожены. Но это какъ-то трудно вполне осознать... Это какъ бредъ... Утромъ Андрей былъ еще живъ... сейчасъ я сама еще жива... а завтра буду мертвой. Я умру около трупа Андрея. Притворюсь спокойной... Меня оставятъ съ нимъ одну... И тогда... Первый поѣздъ отходить въ Парижъ завтра утромъ..."

Илона съ трудомъ приподнялась, опустила ноги съ дивана. Княгиня бросилась къ ней:

— Дѣточка, лежи. Не вставай ради Бога.

— Моя виза? — слабымъ голосомъ спросила Илона.

— Ахъ, да... Вотъ Ненила Михайловна сама здѣсь, — отвѣтила княгиня, мягкимъ движеніемъ заставляя ее снова лечь.

— Готова, готова ваша виза, княжна, — стремительнымъ голосомъ заговорила Ненила Михайловна. — Все въ порядкѣ, и паспортъ...

— Хорошо... Я уѣду съ утреннимъ поѣздомъ.

— Дѣточка, ты хочешь? — испугалась княгиня.

— Да, — голосомъ, не допускающимъ возраженія, отвѣтила Илона и сжала виски руками.

— Я понимаю тебя... Конечно, — смутилась княгиня. — Но сейчасъ попробуй уснуть... Ради меня, Илона.

— Да, мамочка. Я кажется усну, — ласково проговорила молодая дѣвушка, съ безпокойствомъ чувствуя, что ее начинаетъ лихорадить. — Мама, — привлекла она къ себѣ княгиню. — Поклянись мнѣ, что ты разбудишь меня въ шесть часовъ, даже если тебѣ покажется, что я больна. Поклянись, иначе я не позволю себѣ закрыть глазъ...

— Хорошо, я разбужу тебя. Только усни... Дай, я отведу тебя въ твою постель.

— Нѣтъ. Я усну одѣтой... Здѣсь, — Илона зарылась лицомъ въ подушки.

Княгиня покрыла ее принесеннымъ Ненилой Михайловной одѣяломъ и снова сѣла у огня.

„Лишь бы не разболѣться такъ, чтобы не встать. Я должна быть завтра здоровой... Должна встать, — внушала себѣ Илона. — Хорошо, что меня лихорадить..."

Пріятно. — Она стала прислушиваться къ тишинѣ комнаты, къ тиканью часовъ, къ легкому хрусту разсыпавшихся въ каминѣ углей. Мысли ея потихоньку угасали.

„Скоро конецъ ужасной мукѣ...“ думала она: „Скоро настанетъ забвеніе... Полное забвеніе... Я умру и кончится все земное... Будетъ такъ, будто и не было въ мірѣ ни Андрея, ни меня... Будто и не жили мы... не любили... не ждали счастья... У меня двѣ коробки веро-
нала наверху. Не лучше-ли кончить все сейчасъ, чтобы не жить завтра? Нѣтъ... Я безумно хочу взглянуть еще разъ на лицо Андрея... На его чудное лицо...“

Морфій все сильнѣе смягчалъ остроту страданія, все сильнѣе гасилъ мысли. Илона заснула.

Когда вернулось къ ней сознаніе, ея уничтоженная жизнь мгновенно осозналась ею, и холодный, тяжелый камень грузно опустился на ея грудь.

Склонясь надъ нею стояли княгиня и докторъ.

— Который часъ? — испуганно спросила Илона.

— Шестой часъ, — отвѣтилъ докторъ.

— Въ семь отходить мой поѣздъ! — испуганно вско-
чила Илона.

— Илона, я не совѣтовала-бы тебѣ... — начала княгиня.

— Ты теряешь время уговаривая меня, дорогая, — прервала ее Илона. — Докторъ, дайте мнѣ что-нибудь укрѣпляющее, чтобы я не свалилась съ ногъ въ дорогѣ.

— Вы должны заставить себя скушать крѣпкаго бульона, княжна. Вообще закусить. Вотъ капли... я вамъ ужъ прописалъ.

— Хорошо, докторъ. До свиданія. Я должна идти одѣваться, — пожала Илона его руку. Ее охватило какое-то лихорадочное оживленіе. Необходимость дѣйствовать вернула ей физическія силы. Она сама стала собирать нужныя ей вещи. Княгиня помогала ей.

— Илона, я поѣду съ тобою, — умоляюще проговорила она обнимая дочь.

— Мамочка, прости меня, но это невозможно. Мнѣ лучше быть одной... И вотъ еще, прошу тебя... не телеграфируй Левушкѣ о моемъ пріѣздѣ. Я не хочу, чтобы онъ встрѣчалъ меня.

— Хорошо, дѣточка. Какой чемоданъ ты возьмешь?

— Никакого.

— Но какъ-же?

— Мнѣ ничего не надо пока. Потомъ ты мнѣ все привезешь, — сбивчиво отвѣтила Илона. „Безъ вещей“ вспомнился ей страшный терминъ, употребляемый въ со- вѣтскихъ тюрьмахъ.

„Она хочетъ умереть,“ съ ужасомъ подумала княгиня: „Но Левушка не допуститъ ее до этого, онъ не отойдетъ отъ нея ни на шагъ, а сегодня вечеромъ я сама выѣду въ Парижъ,“ рѣшила она, несмотря на возраженіе Илоны, укладывая въ небольшой несессеръ ея халатъ, туфли и другія мелочи, безъ которыхъ трудно обойтись.

Когда настала минута прощанія, княгиня не выдержала муки:

— Илона, подумай тамъ обо мнѣ... Пожалѣй меня, — зарыдала она.

Та, поблѣднѣвъ до прозрачности, обняла ее, стала покрывать безчисленными поцѣлуями ея руки, ея лицо и, не говоря ни слова, какъ безумная выбѣжала изъ комнаты.

XXI

Поездъ Илоны мчался, протяжно и какъ-то зловѣще свистя, по равнинѣ, затянутой осеннимъ туманомъ.

Зябко кутаясь въ свои мѣха, молодая дѣвушка заби- лась въ уголъ совершенно пустого вагоннаго отдѣленія и закрыла глаза. Весь запасъ ея силъ истощился на при- готовленія къ отъѣзду, теперь предоставленная самой себѣ, она чувствовала приближеніе неистоваго приступа отчаянія и подавляла его всею своей волей, боясь новаго обморока или истерики.

„Если со мною это случится здѣсь, меня просто вы- садятъ на какой-нибудь станціи и отвезутъ въ больницу. Тогда я не увижу Андрея никогда... Теперь главное доб- хать... вовремя добхать...“ твердила она себѣ, до боли сжимая руки.

Холодъ охватывалъ ее все сильнѣе; челюсти ея тря- сались отъ нервной дрожи. Она заставила себя выпить нѣ-

сколько глотковъ захваченнаго съ собою вина. Это немного помогло: тѣло стало согрѣваться, мысли смѣшиваться, и она заснула глубокимъ тяжелымъ сномъ.

Илона проснулась только вечеромъ, совершенно больной. Съ тяжелой головой, истерзанной душой и разбитымъ тѣломъ.

Было уже темно, частый дождь съ легкимъ стукомъ крапиль черное стекло окна, за которымъ мелькали какіе-то далекіе и печальные золотые огоньки.

Илона взглянула на часы:

„Еще два часа до Парижа... Два часа агоніи... потомъ лицо Андрея... И смерть... Избавленіе отъ себя... Отъ ужасныхъ мукъ...“

Снова закрывъ глаза, она невольно стала прислушиваться къ ритмическому шуму колесъ.

„Мнѣ кажется, что такъ звучитъ гулъ вѣчности,“ какъ въ бреду летѣли мысли въ ея возбужденномъ умѣ: „Можетъ быть я уже умерла и вѣчно, вѣчно буду такъ летѣть куда-то во тьмѣ... вѣчно буду слышать этотъ жуткій, однообразный шумъ...“

Измученный умъ Илоны такъ поддался этому внушенію, что лобъ ея внезапно покрылся холодной влагой ужаса.

— Парижъ черезъ пять минутъ! — раздался въ коридорѣ голосъ проводника.

Илона пришла въ себя, взяла несессеръ и вышла изъ своего отдѣленія. Мимо оконъ вагона побѣжали станціонныя строенія; начался перронъ съдвигающимися впередъ и плывущими назадъ людьми. Промелькнули огромные часы. Поѣздъ остановился шипя парами локомотива.

Илона соскочила на платформу и заметалась отыскивая выходъ. Откуда-то потянуло свѣжимъ воздухомъ, она направилась туда и очутилась на лѣстницѣ вокзала, потомъ на улицѣ подъ дождемъ.

— Un taxi? — подбѣжалъ къ ней носильщикъ.

Она кивнула.

— Avenue Georges V, — бросила она шофферу, садясь въ автомобиль.

Машина двинулась.

„Сейчасъ... сейчасъ я увижу его. Но какимъ...“ больно бились мысли въ измученномъ мозгу Илоны. „Господи, лишь-бы дожить до этой минуты... Лишь-бы дожить...“

Ей казалось, что изъ нея уходятъ послѣднія силы, что вотъ-вотъ сердце ея остановится и жизнь ея отлетитъ.

Автомобиль медленно въѣхалъ въ открытыя чугунныя ворота и остановился въ узкомъ, крытомъ проѣздѣ между двумя порталами: рѣзная дубовая дверь находящаяся направо портала была заперта, стеклянная дверь находящагося налѣво — полураскрыта.

Илона направилась къ ней. На порогъ ее встрѣтилъ лакей въ траурной ливреѣ и почтительно пропустилъ ее мимо себя въ помѣщеніе портъе, убранное какъ гостиная, въ стилѣ Людовика XV-го.

Посреди комнаты, за обтянутымъ зеленымъ сукномъ длиннымъ столомъ, сидѣлъ старый камердинеръ Петръ. и при свѣтѣ электрическихъ канделябръ что-то записывалъ въ адресную книгу. Увидѣвъ Илону, онъ испуганно вскочилъ со стула:

— Ваше сіятельство, да какъ-же это не получили мы телеграммы? Не встрѣтили?

— Проведите меня туда, — прервала его Илона, — гдѣ лежить...

— Въ русской церкви они лежатъ, ваше сіятельство. Теперь ужъ поздно. Тамъ заперто. Не пустятъ васъ со мною туда. Васъ графъ сами должны проводить. Я пойду доложу имъ. Они еще не спятъ. Пожалуйте за мною.

Илона растерялась. Встрѣтиться теперь съ Левушкой было для нея невыразимо тяжело, но мысль, что ее не впустятъ въ церковь безъ него, заставила ее послѣдовать за Петромъ.

Перейдя къ дубовой двери, находящейся напротивъ помѣщенія портъе, онъ отперъ ее своимъ ключомъ и, войдя вслѣдъ за Илоной въ отдѣланный въ готическомъ стилѣ холлъ, открылъ передъ нею узкую дверцу скрытаго въ стѣнѣ лифта.

Подъемная машина остановилась въ первомъ этажѣ. Петръ молча проводилъ еле стоящую на ногахъ Илону въ огромную, всю затянутую гобеленами гостиную и повернулъ выключатель хрустальной люстры.

— Графъ у себя въ кабинетѣ. Они пожалуютъ сейчасъ, — успокаивающимъ тономъ проговорилъ онъ и съ поклономъ исчезъ за портьерой.

Илона опустилась въ кресло. Шуба давила ей плечи, она сбросила ее, стянула шляпу съ головы, сжала виски руками и замерла въ мучительномъ ожиданіи.

Въ коридорѣ раздались поспѣшные шаги, портьера колыхнулась, отброшенная торопливой рукой, и на порогѣ появился графъ Андрей.

Безумный, душераздирающій вскрикъ ужаса и счастья сорвался съ губъ Илоны. Графъ Андрей бросился къ ней, порывисто прижалъ ее къ себѣ.

— Ты живъ... ты живъ... ты живъ... — какъ въ бреду повторяла она, проводя дрожащими пальцами по его лицу, по его волосамъ, словно для того, чтобы убѣдиться, что это дѣйствительно онъ. — Ты живъ... ты живъ... Скажи мнѣ, что это правда... Что я не сошла съ ума... Я прочла въ газетѣ...

— Это была опечатка... Къ сожалѣнію несчастье случилось не со мной, а съ моимъ бѣднымъ Левушкой. Я телеграфировалъ тебѣ... — глухимъ голосомъ проговорилъ графъ Андрей.

Но Илона уже не слышала его. Она въ глубокомъ обморокѣ лежала у него на груди.

К о н е ц ъ.

Проф. В. А. АЛЕКСАНДРОВЪ

ОСНОВНОЙ КУРСЪ ЭЛЕКТРОТЕХНИКИ

Часть I.

Постоянный токъ и общіе законы. 8-е изданіе

Лучшій трудъ по электротехникѣ, всѣ изданія котораго распродаются въ короткое время.

Книга необходима всѣмъ учащимся техническихъ факультетовъ и техникумовъ.

Цѣна книги Ls 4.— Заграницей 90 амер. центовъ

Книга продается въ издательствѣ и у представителей.

Просимъ не смѣшивать наше изданіе съ совѣтскимъ изданіемъ, которое гораздо дороже нашего.

Наилучшая книга объ автомобилизмѣ

И. В. ГРИБОВЪ

АВТОМОБИЛЬ И УПРАВЛЕНІЕ ИМЪ

Полный курсъ автомобилизма

Цѣна книги въ переплетѣ **Ls. 4.—**

Четыре тома грандіозной эпопеи

рѣшающихъ лѣтъ Россійской Имперіи

П. Красновъ

„ОТЪ ДВУГЛАВАГО ОРЛА КЪ КРАСНОМУ ЗНАМЕНИ“

Новое, исправленное и дополненное авторомъ изданіе

Самое значительное и цѣнное произведение, написанное въ эмиграціи.

Автору, свидѣтелю и непосредственному участнику пережитыхъ въ недавнемъ прошломъ событій, удалось создать яркое беллетристическое произведение и одновременно документъ эпохи.

Романъ П. КРАСНОВА изданъ въ четырехъ большихъ томахъ, содержащихъ свыше 100 печатныхъ листовъ.

Изданія печатаются на бумагѣ высшаго качества.

Цѣна каждого тома въ художественной красочной обложкѣ — **2.50.**

Роскошный альманахъ

„КРАСОТА И СТРАСТЬ ЖЕНЩИНЫ“

составл. популярнымъ германскимъ ученымъ и публицистомъ д-ръ Гейеромъ.

Альманахъ этотъ поднялъ въ Германіи цѣлую революцію и разошелся въ громадномъ количествѣ экземпляровъ.

Въ альманахѣ много прекраснѣйшихъ иллюстрацій. Изъ нихъ нѣкоторыя исполнены въ краскахъ.

Альманахъ представляетъ собою цѣлую симфонію любви и красоты.

Цѣна альманаха **Ls 4.—**

По примѣру предыдущихъ лѣтъ постояннымъ нашимъ читателямъ цѣнная премія.

Несмотря на крайнюю дешевизну нашихъ изданій, постояннымъ нашимъ читателямъ и подписчикамъ и въ этомъ году будетъ выдана безплатная премія, роскошно изданный и содержательный трудъ извѣстныхъ сексуаль-патологовъ:

**Куртъ Морекъ, Отто Сойка
и докторъ Альфредъ Киндъ**

ТЕХНИКА СЛАДОСТРАСТІЯ

Книга эта, изданная въ Германіи, а нынѣ переведенная на рядъ языковъ, является единственнымъ въ своемъ родѣ по полнотѣ трудомъ, превосходя по научной обоснованности и доступности изложенія труды *Ванъ де Вельде*.

Означенный трудъ несомнѣнно явится настольной книгой для всякаго, живущаго сексуальной жизнью и пытающагося познать ее въ самыхъ сокровенныхъ формахъ и проявленіяхъ.

Изданіе наше явится единственнымъ въ своемъ родѣ и будетъ содержать множество иллюстрацій *вз текстъ*, а также многокрасочныхъ приложений, отпечатанныхъ на мѣловой бумагѣ лучшаго качества, и явится однотипнымъ съ нѣмецкимъ роскошнымъ изданіемъ.

Цѣна этой книги устанавливается примѣрно въ

6 — 8 латъ

Каждый читатель, предъявившій всѣ купоны отъ

№ 1 по № 24

напечатанные въ нашей серіи „Библиотека новѣйшей литературы“

ОТЪ № 97 по 120

получаетъ эту книгу *бесплатно*.

Собирайте наши купоны для полученія преміи. Въ каждой книгѣ одинъ купонъ.

Цѣль нашихъ премій возбудить интересъ къ хорошей книгѣ.

Преміи выдаются въ конторѣ нашего издательства, а также и у нашихъ иногороднихъ и иностранныхъ представителей.

Ежемесячно выходятъ 2 книги — 5-го и 20-го числа.

КУПОНЪ

для полученія преміи за 1931
абонементный годъ

№ 16

Къ роману Вьры Наваль
„Илона“.

См. наши преміи на предыдущей страницѣ

